

***РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В
СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.***

XV МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Международной научной конференции
6-7 октября 2023 г., г. Орел

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора Д.В. Аронова

Орел
Издательский дом Орлик
2023

УДК 93/94

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

Р 76

ISBN 978-5-6050254-2-9

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор

Кара-Мурза А.А.,

доктор исторических наук, профессор

Журавлев В.В.

Р 76 Российский либерализм в системе политических партий России в начале XX в. / материалы Международной научной конференции. 6-7 октября 2023 г. г. Орел, / Под общей редакцией д-ра ист. наук, проф. Д.В. Аронова. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2023. 269 с.

В настоящий сборник вошли материалы пятнадцатых «Муромцевских чтений», традиционно прошедших осенью 2023 г. в г. Орле. Сборник продолжает традицию некоего подведения текущих итогов изучения истории российского либерализма, связанную с «Муромцевскими чтениями», ставшими сегодня одной из немногочисленных площадок, посвященных изучению истории дореволюционного отечественного либерализма.

Представленные в материалах сборника статьи отражают традиционные направления работы «Муромцевских чтений» – возникновение и генезис либеральной идеологии в России, история либеральных партий и движений, персоналии российского либерализма, разнообразные аспекты парламентской деятельности либеральных фракций, ряд статей раскрывает специфику либерального мировоззрения в современной политической практике.

Сборник предназначен для всех интересующихся проблемами истории российского либерализма.

*Сборник подготовлен при поддержке
фонда «История отечества»*

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

ISBN 978-5-6050254-2-9

© ОГУ, 2023.

© Издательский Дом «ОРЛИК», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.В. Шелохаев</i>	Предисловие	6
<i>О.В. Волобуев</i> <i>В.В. Шелохаев</i>	К вопросу о классификации политических партий	10
<i>В.В. Журавлев</i>	Ценное историографическое пополнение	20
<i>И.В. Сабенникова</i>	Документальное наследие либерализма в российской эмиграции: направления изучения	27
<i>А.Н. Медушевский</i>	Демократический цезаризм: от исторических форм к современной конституционной диктатуре	46
<i>К.А. Соловьев</i>	Политическая география общественного движения	69
<i>А.А. Сорокин</i>	Земское избирательное законодательство на рубеже XIX–XX вв. в оценках журнала «Вестник Европы»	86
<i>Д.С. Лавринович</i>	Общероссийские либеральные политические партии на территории Беларуси в начале XX века: структура и состав	92
<i>В.В. Вострикова</i>	Политический опыт Запада как фактор верификации теоретических представлений российских либералов начала XX в.	102
<i>О.А. Харусь</i>	Право как инструмент гармонизации интересов личности и общества (из интеллектуального наследия профессоров Томского университета)	124

А.Н. Егоров	Вологодские кадеты на выборах в IV Государственную Думу	134
А.А. Кара-Мурза	Философия и журналистика: Андрей Александрович Краевский	146
С.Л. Чижков	Борис Николаевич Чичерин и проблема оценки его идейного наследия в русской либеральной мысли	158
А.И. Нарезный	Обоснование либеральных реформ в России в рукописных статьях Б.Н. Чичерина периода Крымской войны	167
О.А. Жукова	Великие реформы и университет: А.В. Головнин как представитель либеральной субкультуры	177
О.Л. Протасова	С.П. Мельгунов и его идеологическая позиция	190
С.А. Аронова, Д.В. Аронов	Экономические либеральные идеи в дебатах политических партий России начала XX в. в российском парламенте	200
А.Д. Гронский	Белорусскоязычная историография начала XXI в. о либерализме на белорусских землях периода Российской империи	209
В.В. Соколов	Правовая регламентация выборов в органы государственной власти в проекте Основного закона (устава) России Л.А. Куперника (1894)	221
И.А. Чупов	С.А. Муромцев в рядах Тульского земства	228

<i>И.М. Смирнов</i>	Законодательная власть в проекте устава (Основного закона) Российской империи Л.А. Куперника (1894)	237
<i>П.А. Калугин, Золотухина</i>	<i>Е.К.</i> Права человека в проекте Основного закона России Л.А. Куперника (1894)	244
<i>Л.Н. Лазарева</i>	Элементы либерализма в проектах III программы ВКП(б) (1947 г.)	250
<i>В.С. Чжен</i>	Либерально-бюрократические реформы министра народного просвещения А.В. Головнина в эпоху великих реформ 1860-х гг.	261

В.В. Шелохаев¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

За прошедшее с XIV Муромцевских чтений время в историографии политических партий сделано немало: и, прежде всего, в плане публикации новых томов документального наследия по истории политических партий, что свидетельствует о том, что исследователи подходят к финальной стадии реализации большого международного проекта «Политические партии России» Документальное наследие». К слову, к настоящему времени уже вышло в свет 65 томов². Кроме того, в 2022 г. вышел в свет трехтомник «Политически партии России. Конец XIX – начало XX в.», который, впрочем, также подводит некоторый итог в изучении российских политических партий с момента их возникновения до момента ухода в политическое небытие³.

По сути, многолетний этап создания огромной документальной базы, а также попытка ее освоения трехтомник – «Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.», с одной стороны, завершили важный этап в истории изучения политических российских партий, а с другой – «просигналили» о наличии многих проблем, которые ждут своей постановки и разработки. Обращу внимание еще на два новейших монографических исследования постоянных и активных участников «Муромцевских чтений» Н.Б. Хвйловой «Центризм в российском либерализме начала XX века» (М., 2022) и К.А. Соловьева «Союз 17 октября. Политический класс России: взлет и падение» (М., 2023), в которых намечены новые подходы к изучению либерального сегмента российских политических партий.

¹ Шелохаев Валентин Валентинович – доктор исторических наук, профессор, руководитель центра «История России в XIX - начале XX в.», главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

² Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг.: Документы и материалы. М: Политическая энциклопедия, 2022.

³ Политически партии России. Конец XIX-начало XX в.: в 3 т. М.: Политическая энциклопедия, 2022. Т. 1. Консервативные партии. Т. 2. Либеральные партии. Т. 3. Социалистические партии.

Логика развития научного познания предполагает необходимость наступления нового историографического этапа, который будет заключаться не только и не столько в глубоком и всестороннем сравнительном анализе истории всех направлений общественной мысли и общественного движения, включая политические партии всех направлений и течений, но и в синтезе этих форм генезиса формирования и функционирования в системе трансформационных изменений, переживаемых российским обществом на всем протяжении пореформенного периода. Начало такому подходу положила монография «Многopартийность в России в начале XX века», вышедшая в 2023 г.¹, которая, разумеется, лишь пунктиром намечает пути к вышесказанному синтезу, провоцируя исследователей, особенно нового поколения, к попыткам искать и находить самостоятельные пути в исследовании российских политических партий как исторического явления. Причем это важно делать в контексте и сопряжении с протекающими процессами и явлениями многомерного и многовариантного исторического процесса.

На новом историографическом витке исследователям гораздо больше следует уделять внимание понятийному аппарату, теоретико-методологическим проблемам, четко фиксировать смысловое содержание вызовов того или иного периода истории российских политических партий, осознавать, в чем именно состоял реальный смысл исторического процесса, протекавшего в России. Это позволит яснее представить, а главное понять, варианты ответов на эти вызовы, которые предлагали различные общественно-политические силы. Такой подход очень важен в плане сравнительного изучения политических партий.

Помимо того, новый историографический этап изучения истории политических партий ставит перед исследователями еще ряд исследовательских задач. Во-первых, это, как я уже отметил выше, проработка самого понятия «политическая партия». Дело в том, что в современной зарубежной и отечественной исторической, политологической и социологической литературе количество этих «понятий» уже далеко перевалило за 100, что уже само по себе

¹ Шелохаев В.В. Многопартийность в России в начале XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2023.

представляется весьма далеким от подлинной науки делом. Использование такого числа понятий «политическая партия» представляется непродуктивным занятием, уводящим исследователей, тем более молодых, от выяснения их подлинного исторического смысла. В названной выше монографии, как мне кажется, содержится плодотворная попытка дать определение «политическая партия» с раскрытием основного целевого предназначения политической партии – овладение политической властью. При этом раскрываются мировоззренческие основы политической партии, которые определяют программы, стратегию и тактику, а также методы и механизмы достижения основной цели. Поэтому необходима глубокая проработка мировоззренческих основ, которые являются исходной базой для анализа конкретной исторической ситуации, определяющей основной «нерв» вызовов соответствующей исторической эпохи, реалиям которой и должна соответствовать программа, стратегия и тактика той или иной политической партии, учитывающей соотношение общественно-политических сил в данный момент. Из этой общей логики исследовательского процесса проистекает необходимость осознания ролевых функций инициативного меньшинства и его способности или неспособности «ухватить» основной «нерв» и вектор исторического развития и в соответствии с этим «выстраивать» свои отношения и с динамично меняющимся окружающим миром, и не менее динамично меняющимися настроениями правящих элит и масс.

Во-вторых, разработка понятийного аппарата должна осуществляться одновременно с разработкой проблемы типологии российских политических партий, что позволит выявить общее и особенное в формировании западноевропейских и российских политических партий. Незавершенность глубинных трансформационных процессов, старт которым дали реформы 60-70-х гг. XIX в., в значительной степени повлияла на генезис, формирование и функционирование российских политических партий, которые также оказались на трансформационном «марше» весьма далеко от своего завершения. Протекание трансформационных процессов, особенно в империях, продуцирует их вариативность, которая, в свою очередь, порождает множественность их «прочтений» представителями инициативного

меньшинства, придерживающимися самых различных мировоззренческих представлений о прошлом, настоящем и будущем развития собственной страны. Возникновение значительного числа политических партий и надпартийных объединений в начале XX в. и явилось отражением незавершенности пореформенного трансформационного процесса, что не могло не породить многообразие типов политических партий, их внутреннюю фрагментацию и предельно жесткую конкурентную борьбу между ними. Процесс формирования системы политических партий в России, образно говоря, находился «на старте» и был далек от своего завершения. Поэтому в исследовательском плане более продуктивным представляется характеристика состояния российских политических партий начала XX в., как «многопартийности», что, на мой взгляд, более соответствует историческим реалиям незавершенного трансформационного процесса, чем «система политических партий». Переход от «многопартийности» к «системе политических партий» в России так и не был завершён. Он был прерван октябрьским переворотом, за которым последовало установление однопартийной большевистской диктатуры.

В целом, следует отметить, что сегодня рано говорить о том, что исследовательский потенциал изучения политических партий полностью исчерпан, что уже само противоречит процессу научного познания. На мой взгляд, пришло время исследователям истории российских политических партий приступить к новому этапу их научной разработки.

Представляется, что такая «исследовательская площадка», как «Муромцевские чтения» позволяет продвигать изучение российских политических партий в качественно новом направлении. Будучи многолетним участником «Муромцевских чтений», я сохраняю надежду, что именно так и будет.

О.В. Волобуев, В.В. Шелохаев¹

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Новое время, сменившее в исторической периодизации «старый порядок», породило в Европе и новую форму политической организации современного общества, а именно партийную систему. Определяющей точкой отсчета переходного процесса от «старого» к «новому» порядку стала Французская революция, давшая толчок к трансформационным подвижкам в сферах права и законодательства, в создании новых государственных и общественных институтов и структур. Французская революция породила качественные подвижки и в области интеллектуальной мысли, что, в свою очередь, способствовало ее дальнейшей «направленческой» дифференциации. Объективные потребности, вызванные переходом от «старого» к «новому» порядку, обусловили расширение интеллектуальной и социальной базы для инициативного меньшинства, активно включившегося в процесс осмысления не только уходящего в прошлое, но и формирующейся новой исторической реальности, а также предположительных перспектив общественного развития. Западноевропейское инициативное меньшинство, простимулированное идеями Французской революции, активно включилось в поиск формирования новых общественных и политических институтов и структур, включая и политические партии.

Партии, проецируемые инициативными меньшинствами, предлагают общетеоретические модели и основанные на них программы совершенствования общества, а также механизмы форм, методов и средств достижения намеченных в них целей. На основе выборов формируются парламенты и партийные правительства победившего в избирательных кампаниях большинства. Поскольку исторический процесс вариативен, то от

¹ *Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор. Шелохаев Валентин Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра «История России в XIX-начале XX в.» Института российской истории РАН.*

правлящих партий стало зависеть, в каком направлении он будет развиваться в той или иной стране, и какое это влияние может оказать и на геополитику. Как заметили в одной из своих статей В.В. Шелохаев и К. А. Соловьев, у каждой политической партии есть право на свой образ прошлого и будущего¹. Следовательно, есть право предлагать обществу свою картину мира и модель преобразования/совершенствования страны в доминанте ее развития и преодоления кризисных явлений.

Система политических партий формируется на фоне сложившейся в каждой стране конкретно-исторической обстановки, когда возникает потребность осмысления в свете стоящих перед обществом и государством задач дальнейшего развития, поиска путей выхода из объективно нарастающих проблем и кризисных ситуаций. Согласно концепции и терминологии Арнольда Тойнби, такую ситуацию можно обобщить формулой: «Вызов – Ответ»². Острота ситуации может определяться как внутренними факторами (социально-экономическими, этно-конфессиональными, политическими и др.), так и внешними (военные угрозы и др.). Следует особо подчеркнуть, что поиск адекватных ответов на вызовы времени требует понимания национальных интересов³ в связи с суммированной оценкой кризисных симптомов и в целом положения в стране, анализом причинно-следственных цепочек, имеющихся ресурсов государства и возможных рисков. Говоря иными словами, речь идет о моделях переустройства или же снятия/смягчения социальных противоречий общества⁴. При этом, разумеется, инициативным меньшинством учитывается (или по крайней мере должно быть принято во внимание) вариативность ситуаций, зависящих от совокупности объективных и субъективных факторов. Разумеется, теоретическая возможность учета этих факторов не всегда и во всем может совпадать с реальным

¹ Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Политические партии России начала XX века. Особенности явления и перспективы изучения // Россия XXI. 2019. № 5. С. 85.

² См.: Тойнби А. Постигание истории: избранное / под ред. В.И. Уколовой, Д.Э. Харитоновича. М.: Айрис-Пресс, 2008. 521 с.

³ См.: Волобуев О.В., Шелохаев В.В. Введение и заключение к коллективной монографии «Россия: государственные приоритеты и национальные интересы» (М.: РОССПЭН, 2000); Они же. Национальные интересы России: исторический аспект // Вестник научного гуманитарного фонда. 1997. № 3. С. 103-108.

⁴ См.: Шелохаев В.В. Многопартийность в России в начале XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2023. С. 113-382.

протеканием динамично меняющейся общественно-политической обстановки. Опыт между Февралем и Октябрем 1917 г. убедительно продемонстрировал одновременно эффективность или неэффективность прогностических возможностей различных партийных направлений инициативного меньшинства. Данный опыт показал, насколько могут быть хрупки разного рода теоретические прогнозы, которым оказалось не под силу учесть динамичную изменчивость исторической ситуации и подвижек в массовом сознании.

Интеллектуальное конструирование моделей и путей переустройства общества, как правило, основано на предпочтительных ориентациях или на историческое прошлое, или на футуристические построения неведомого, но привлекательного будущего. Разумеется, вполне определенные группы инициативного меньшинства, руководствуясь «здравым смыслом», пытались сконструировать и то реальное «настоящее», которое соответствовало бы потребностям данного исторического момента. Тем не менее, две первые парадигмы были задействованы гораздо чаще. Так, например, при марксистском подходе мировидение будущего имеет теоретическое обоснование прошлым человечества (теория смены общественных формаций) и прогнозированием будущего бесклассового общества. Следовательно, понятие «политическая партия» всегда «вмонтировано» в соответствующий исторический контекст.

При консервативной фиксации настоящего прошлое используется подобно лекалу для вычерчивания будущего. Существует, например, лежащее на поверхности различие между ориентациями большевистской партии на социалистическую революцию (и мировую и в рамках отдельного государства) и поздней КПСС на концепцию развитого социализма в СССР и длительное сосуществование двух мировых систем – социалистической и капиталистической. В первом случае налицо революционная доктрина и практика, во втором – и мировидение и социально-политическую практику следует однозначно определять как приземленную и консервативную. Ибо они основаны на стремлении правящей элиты (партийного руководства) не допустить новаций, меняющих в чем-то политический и экономический строй. Отсюда вытекает логический вывод: и

отдельные политические партии, и вся система партий не статичны, а подвержены постоянным изменениям, включая «расколы» и «отколы», а также перерождение.

Общеизвестна эволюция западноевропейских социал-демократов, которую можно проследить от Вильгельма Либкнехта и Августа Бебеля до Олафа Шольца и Бориса Пикториуса. Консерватизм можно приложить ко многим партиям, прослеживая их извилистый путь «переодевания» и «переобувания» на разных этапах исторического пути. По мере того, как руководство, идеологии и программы партий стареют и ветшают, они с логической неизбежностью втягиваются в консервативный застой.

Итак, первый критерий для определения места той или иной партии в политической системе – это отражение в идеологии и программе социально-исторической ориентации, отношения к переустройству общества в целом. Принципиально отрицательное отношение – консервативная группа (идеология «старого порядка»). Модель, существенно меняющая общество парламентскими или иными мирными средствами, – группа реформистских партий с идеологией эволюционных преобразований существующего строя. И третья группа – партии революционные, нацеленные на новые, идеальные, с их политических позиций («отречемся от старого мира» и «мы наш, мы новый мир построим»), общественные отношения, созидание которых лежит в сфере насильственных трансформаций (политических, экономических, социальных, культурных). В монографии В.В. Шелохаева, посвященной многопартийности, выбор социально-политической ориентации рассматривается как первый этап формирования системы политических партий¹.

Второй этап – это, когда инициативное меньшинство, пока еще склонное к фрагментарности мировидения, ищет свой конкретный ответ на исторический вызов, выражающийся в необходимости обрести идеологическую цельность и стать на путь партстроительства. Такое мироведение в форме идеологии или уже существует, включая в себя частично и новые интерпретации, или вырабатывается политическими мыслителями в странах, где возникла потребность в партиях. Конкуренция в моделях будущего

¹ Шелохаев В.В. Многопартийность в России в начале XX века. С. 14-22.

ведет к созданию идеологизированных политических доктрин и программ, где обозначены цели организованного общественного движения. Так, в России в рамках мировидения социалистического будущего возникли неонароднические и марксистские партии. Причем марксизм был заимствован из Западной Европы, а неонародничество явилось дальнейшим развитием идей А.И. Герцена и других российских лево-демократических мыслителей и публицистов, что, разумеется, не исключало заимствованной западноевропейской мировоззренческой идеологической компоненты (например, того же марксизма).

Следующим критерием в системе политических партий являются средства достижения программных целей. В зависимости от целей и средств, рождающиеся партии, как мы уже отметили, делятся на три политических кластера – консервативный, либеральный (реформистский) и социалистический (революционный). Внутри обозначенных рамок могут существовать и субмодели, отражающие многообразие и вариативность тенденций общественного развития. В консервативном кластере можно выделить строго охранительные параметры, не допускающие изменений, и новации, не меняющие, однако, стержневых основ данного общественно-государственного устройства. Вместе с тем, в нем по ряду параметров (в частности, использование новейших научных и технологических достижений) прослеживается стремление консерваторов, говоря современным языком, быть в тренде времени.

В реформистском кластере отчетливо просматривается радикальное и умеренное крыло (кадеты, либерально-центристские партии и октябристы). В революционном кластере можно обозначить ультрареволюционные и умеренно радикальные тенденции. В РСДРП – это большевики и меньшевики, в неонароднических партиях – правые и левые эсеры, а также энесы. Возможны и кажущиеся парадоксы, такие, например, как публицистическая концепция «консервативной революции». В Германии 1920 – 1933 гг. видными фигурами в создании этого течения общественной мысли были писатель и публицист, автор книги «Рабочий: господство и гештальт» Эрнст Юнгер (кстати, лауреат Нобелевской премии); литературовед, специалист по

Ф.М. Достоевскому Артур Меллер ван ден Брук; историк и публицист Эмиль Францель¹.

Критериями дополнительной классификации партий по социальной направленности, кроме выделенных доминантных ориентиров – целей, средств, идеологии, – могут служить отношения к функционально приоритетным структурам общественной жизни. Соответственно наметим решение следующих задач: чьи интересы защищают и на какие социальные страты опираются главным образом партии, каким должно быть государственное устройство, как должны решаться этнонациональные вопросы, каково место религиозных конфессий в жизнедеятельности общества. В зависимости от того или другого отношения к перечисленным общественным структурам в классификацию включается распределение мест в системе политических партий².

Мировой и общероссийский опыт убедительно показал несостоятельность марксистско-ленинского подхода к проблеме жесткой «привязке» политических партий к каким-либо определенным социальным стратам. Это скорее дань идеологии, чем та реальность, имевшая место, в частности, в России, где подавляющее большинство партий претендовало на выражение «общенародных интересов», стремясь не «привязать» себя исключительно к одной какой-то социальной страте. Дело в том, что в конкретной российской исторической действительности, когда перед страной стояли по преимуществу «общенародные задачи», узкостратовая социальная ориентация не соответствовала их тактике. Так, РСДРП, указывая в идеологии и программе на приоритетную роль в общественном движении рабочего класса, не могла игнорировать другие трудящиеся слои населения. ПСР идеологически, программно, стратегически и тактически делала ставку на триединство социальных акторов – крестьянства, рабочих, трудовой интеллигенции. При анализе данной проблемы исследователи должны различать этапы общественного движения,

¹ См.: Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Вып. 1. Сб. научн. трудов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 215-246.

² Об отношении партий к проблеме этносов и конфессий см.: Шелохаев В.В. Многопартийность в России. С. 133-159.

логика смены которых предполагала определенную корректировку в стратегических и тактических курсах той или иной партии.

По отношению к государству, партии могут быть, прежде всего, этатистскими и анархическими. Последние направлены на разрушение государства как орудия классового угнетения. Этатистская же идеология, прежде всего, сконцентрирована на укреплении роли государства в общественной жизни. Для нее характерен патерналистский подход. Этатистская идеология, например, была базисной для созданной Мустафой Кемалем Ататюрком Народно-республиканской партии в Турции. Заметим, что монархические партии являются уже по своей природе этатистскими. Либеральные же партии не могут быть отнесены к этатистским по их идеологическим приоритетам. В фокусе классического либерализма всегда находится Личность, интерпретируемая в духе лейбницевской философской монады (права гражданина как первооснова общества). Либералы, с одной стороны, видят в государстве гоббсовского Левиафана, с другой – для них важна функция государства как защитника от экстремистских покушений на правовое поле, обеспечивающее социальное равновесие и стабильность общества (что особо подчеркивалась «веховцами»). Однако в политической практике либеральных партий могут делаться ставки и на расширение роли государства как все регулирующего центра.

Системы политических партий можно группировать также по этническому и религиозному основаниям. При группировке партий по этническому критерию мы зачастую пользуемся устаревшей научной терминологией, поэтому позволим себе небольшое отвлечение. В настоящее время в международном лексическом общении понятие «нация» выступает как политоним, т. е. служит обозначением совокупности граждан одного государства вне зависимости от их языково-культурной принадлежности. Отсюда появилось и название – Организация Объединенных Наций – учреждения созданного для политического и экономического сотрудничества всех государств мира, его членов (понятие «нация-государство»). Чтобы не путаться в таких понятиях как национальные интересы (интересы государства), этнонациональная политика (по отношению к разноэтническому составу граждан), желательно пользоваться в ряде случаев

терминами «этнонациональное», «этносоциальное», «этнокультурное». Уточним свою позицию. Этнонациональными партиями являлись в имперской России, такие, например, как армянская Дашнакцутюн, еврейские Бунд и Поалей-Цион, партии и организации старофиннов и младофиннов. Дашнакцутюн ставил своей целью воссоздание исторического армянского этнонационального государства, еврейские социалистические партии развивались в русле рабочего движения, зачастую в симбиозе социализм-сионизм¹. Заметим, что грузинские меньшевики, встав временно у власти, вели политику, приведшую к вооруженному конфликту в южной Осетии, и эта политика была осуждена уже в то время социалистическим Интернационалом.

На протяжении всей истории человечества политические кризисы и войны не раз возникали или по религиозным причинам или по причинам, спрятанным под конфессиональным одеянием. Под конфессиями в данном тексте подразумеваются внутригосударственные и внегосударственные объединения верующих в рамках одной религии, но имеющие вероисповедальные отличия (православные, католики, протестанты). В настоящее время, как отмечают авторы статьи о мусульманских политических партиях, термин «исламская партия» прочно закрепился в арабском политическом дискурсе². Проблема выбора для этих партий – это различные способы организации власти в странах, где формирование мусульманской общины происходило в рамках исторически устоявшихся государственных границ. Но главное в их политической доктрине – это признание всеобщности коранических идеалов как ценностей, принципов и образцов жизнедеятельности уммы.

В развитие конфессионального сюжета обратимся, например, к российским консервативным партиям начала XX в. Собственно, речь идет о Союзе русского народа и Союзе Михаила Архангела, программы которых начинались с «возвеличения Церкви Православной», связанной неразрывно и жизненно с Русским

¹ Общественное движение в России в начале XX-го века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. Т. III. Кн. 5. Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в думе. СПб., 1914. С. 227-346.

² Кудряшева И.В., Козинцев А.С. Исламские партии между небесным и земным: трансформация понятия «партия» в мусульманском мире // Полития. 2021. № 4. С. 63.

государством и с Самодержавием, которое «всегда должно быть Православным». На наш взгляд, эти партии можно называть мононациональными в условиях их существования в многоэтнической империи. Однако, вряд ли можно квалифицировать их как партии сугубо религиозные. Показательно, что на длительном отрезке истории ряд моноэтнических и моноконфессиональных партий не выдвигает вероисповедальность как идеологию на первый план в своих декларациях и программах.

Сформулируем заключительные тезисы.

Наиболее обоснованная, с нашей точки зрения, классификация партий – это их деление по отношению к существующему обществу на три кластера. Применительно к России начала XX в. – это консервативный, реформистский (либеральный) и революционный (социалистический)¹. Во всех трех кластерах могут быть партии, имеющие как разную, так и одинаковую идеологию. Партии с либеральной идеологией могут быть не только реформистскими, но и консервативными. Более того, представители неолиберальной идеологии не сбрасывали со счетов, при определенных обстоятельствах и соотношении общественно-политических сил, использование насильственных революционных методов. Так, российская либеральная оппозиция восторженно оценивала Февральскую революцию и ее завоевания. В годы Гражданской войны правое крыло российского либерализма в целях свержения ненавистных им большевистских узурпаторов поддержало насильственные методы, широко используемые в рамках Белого движения.

Партии марксистского направления могут быть и революционными, и реформистскими и, на что указывалось выше, консервативными.

Перемещение партий из одного кластера в другой связано с их эволюцией. Революционная партия, захватив власть, может сменить место в системе; теперь она будет защищать это свое доминантное место и отстаивать произведенные ею изменения в политических и социальных структурах, которые могут мешать дальнейшему развитию страны, от оппозиционных поползновений. Демагогия, бывшая средством радикальной борьбы с

¹ Такой схемой, например, пользуются иранисты.

конкурирующими силами, перерождается в демагогию охранительного направления.

Приведенная выше основная (трехчленная) схема в конкретных условиях той или иной страны допускает выдвижение и других приоритетных критериев классификации: идеологических, классовых, этатистских, этнополитических, конфессиональных. Эти классификации лишь в самом общем виде намечены в данном тексте и потому нуждаются в корректировке применительно к разным странам в разное историческое время.

Вместе с тем, при всем множестве исследовательских интерпретаций понятия «политическая партия» (в специальной литературе их насчитывается от 18 основных до 100 весьма произвольных) мы предлагаем придерживаться следующих исходных критериев. Во-первых, бесспорным представляется (а это подтвердил более чем вековой мировой опыт, в том и общероссийский), что политические партии (как целое) являются творческим порождением инициативного меньшинства. Во-вторых, это инициативное меньшинство разделяет различные мировоззренческие, мировоззренческие и мироощущенческие принципы, которые берутся за основу теоретической модели и основанной на ней программы, а также стратегии и тактики, направленные на их практическую реализацию. В-третьих, инициативное меньшинство озабочено созданием оптимальной партийной структуры, обеспечивающей достижение политической власти с использованием набора самых разнообразных средств и методов. Дискуссии среди интеллектуального меньшинства о путях достижения политической власти, разводящие его по разные стороны баррикад, не снимало и не снимает главной проблемы: без наличия этого властного рычага политическая партия своих целей достичь не может. Именно этим критерием руководствовались все основные российские политические партии, ведущие борьбу за власть между Февралем и Октябрем 1917 г. Мировой опыт убеждает и в том, что если партия, захватившая власть, или получившая ее путем выборов, начинает утрачивать связь с динамично развивающимся историческим процессом, то она с логической неизбежностью превращается в тормоз/препятствие дальнейшего общественного развития.

ЦЕННОЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

14 октября 2021 года – на Покрова Пресвятой Богородицы – в ИРИ РАН состоялась защита докторской диссертации Ниной Борисовной Хайловой. Менее чем через год вышла в свет ее фундаментальная монография (Хайлова Н.Б. Центризм в российском либерализме начала XX века / Н.Б.Хайлова: Институт российской истории Российской академии наук. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 640 с.). Оба эти события окончательно вывели их «виновницу» в первые ряды специалистов по истории политического процесса и российской многопартийности предреволюционной эпохи.

Тема дореволюционной истории российского либерализма в последние три десятилетия заняла одно из ведущих мест в отечественной историографии. Активно вводятся в научный оборот, публикуются источники по истории либерального движения и либеральных политических партий, в том числе мемуары и дневники, издаются капитальные труды и многочисленные статьи, посвященные уже современному видению различных аспектов заявленной темы, проводятся международные и всероссийские форумы.

Явлением первостепенного звучания, без сомнения, стали ежегодные «Муромцевские чтения», проводимые под эгидой Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. На сегодняшний день мы присутствуем уже на пятнадцатом форуме, поднявшимся, благодаря, в первую очередь, огромным усилиям Дмитрия Владимировича Аронова и Влады Владиславовны Востриковой, до масштабов международного звучания.

Искомая тема стала предметом неподдельного интереса не только историков, но и философов, политологов, социологов и социальных психологов, юристов, экономистов, филологов.

Лакун в этом исследовательском потоке становится все меньше. Тем не менее, они сохраняются. Одной из проблем,

¹ Журавлев Валерий Васильевич – доктор исторических наук, профессор.

требующих основательного и, главное, комплексного изучения оставалась тема центризма в либеральном движении и партийном строительстве. Серьезной, капитальной заявкой на ее заполнение являются указанные нами выше события как итог многолетних исследовательских усилий Н.Б. Хайловой.

Свою кандидатскую диссертацию, посвященную Партии демократических реформ, Нина Борисовна защитила в 1994 году. Более четверти века потребовалось ей, чтобы проделать в режиме активной работы путь от кандидатской диссертации к представляемому сегодня исследованию. Промежуточным итогом этого пути стала монография «Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века» (13,75 п.л.), 205 научных статей, том числе 18 в журналах, рекомендованных ВАК РФ, 3 из которых значатся в международной базе научного цитирования, 56 докладов на международных и всероссийских научных форумах.

Хотя понятия «центризм» и «политический центризм» прочно вошли в научный оборот, следует присоединиться к мнению автора о невозможности «дать четкую дефиницию данного явления (ввиду его ускользающего содержания, различного в зависимости от историко-политического контекста)». Впрочем, данная ситуация не является уникальной. По мнению ряда американских политологов, четко определить, например, понятие «гражданское общество» равнозначно тому, чтобы «прибить желе к стене гвоздями». «Желеобразное» состояние исходной и для нашего случая дефиниции усугубляется еще тем, что речь идет о «центризме в центризме», каким является само либеральное движение в потоке российской многопартийности.

Тем не менее, Нина Борисовна успешно справляется с данной ситуацией, идя по пути выявления «смыслового ядра» исследуемого ею явления и четко фиксируя при этом его конкретное наполнение в зависимости от метаморфоз общественно-политической ситуации в стране в период с 1905 по 1917 год. И в этом правомерно усматривать одно из значимых достоинств представленного труда.

Диссертация, уже получившая одобрение ВАК, и основанная на ней монография имеют достаточно четкую и последовательную структуру, удачно сочетая хронологический и проблемный подходы. К основному тексту прилагается «Словарь деятелей либерального

центризма». При этом огромный материал, который не уместился в основном тексте, помещен в обширнейших подстрочниках. По сути, это самостоятельный труд, «отпочковавшийся» от основного текста, но органично связанный с ним, подчеркивая беспрецедентное эмпирическое и постановочное богатство осуществленных автором исследовательских наблюдений и умозаключений.

Новизна проделанного Ниной Борисовной труда заключается не только в том, что это первое комплексное исследование генезиса, становления и эволюции «срединного» течения в российском либерализме, но в новаторском характере внутреннего содержания этой комплексности.

В плане использования методологического инструментария особое внимание обращает на себя стремление автора задействовать «человеческое измерение» изучаемых процессов, в том числе на базе анализа психологических установок и поведенческих моделей участников этих процессов.

В первую очередь, в этой связи следует отметить сюжеты, посвященные анализу историографии и источниковой базы представленного труда.

В плане выявления степени изученности темы и проблемы мы имеем такого рода комплексный анализ, который отличается не только полнотой, но и современным видением проделанного историками, в том числе и зарубежными, исследовательского пути.

«Распыленность» информации и отсутствие необходимых фондов, в том числе Партий демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов, как черта, характеризующая источниковую базу проблемы либерального центризма, преодолевается автором за счет масштабной мобилизации разнородных материалов. В их числе – материалы 13 государственных архивохранилищ (в том числе ЦА ФСБ РФ), а также Семейного архива потомков С.Д. Урусова.

Весьма значителен корпус опубликованных источников, в создании которого важная роль принадлежит автору. Именно ею был подготовлен к публикации в «желтой» серии «Политические партии России. Документальное наследие» основополагающий сборник материалов трех вышеупомянутых партий (М., 2002). Обращают на себя внимание – в свете интереса нынешней

историографии к исторической антропологии – источники личного происхождения. Высокий уровень археографической культуры присущ таким подготовленным Ниной Борисовной изданиям как «Записки. Три года государственной службы Сергея Дмитриевича Урусова» (М., 1909), «Воспоминания» Максима Максимовича Ковалевского и 2-томник его «Избранных трудов» в БООМ (М., 2010), дневники Константина Константиновича Арсеньева и князя Владимира Михайловича Голицына. Широко используется диссертантом и эпистолярное наследие акторов либерального центризма как незаменимый источник для характеристики их «мировоззрения и мироощущения».

В плане оценки истоков изучаемого явления звучит вывод о том, что патриархи российского либерализма «стали "живым мостом" между разными поколениями деятелей освободительного движения в России» в своем стремлении добиться сочетания сугубо либеральных ценностей (свободы личности и законоправия) с сохранением верности демократической традиции отечественной общественной мысли (Дисс., с. 135).

Накал революционных событий 1905-1907 гг., толкнув либеральных центристов к практической общественно-политической деятельности, коренным образом изменил ситуацию. «Играть роль камертона», констатирует исследовательница, «им оказалось не под силу» (с. 136). Тем не менее, представители либерального центризма, опираясь не на численность, а на личный авторитет и силу «здравого смысла», сумели занять заметное место в деятельности Первой и Второй Государственных дум в рамках фракционной деятельности и политической активности лидеров Партий демократических реформ и прогрессистов. В диссертации четко фиксируются и анализируются «сущностные черты и идейно-организационные особенности прогрессизма как общероссийского политического явления (с. 246). «Особость» этого явления автор усматривает в личных качествах его представителей как «зрелых людей, прошедших школу жизни», отмечая при этом, что примерно половину лидеров составляли люди с высшим юридическим образованием (с. 185).

Пройдя путь идейного укрепления и упрочения политической самоорганизации в период с середины 1907 г. до начала Первой мировой войны, центристы в либеральном лагере к Февралю

1917 года достигли пика своего влияния. Войдя в пятерку наиболее заметных политических сил наряду с социал-демократами, эсерами, народными социалистами и кадетами. Учрежденная в марте 1917 года Российская радикально демократическая партия (РРДП) заняла, по оценке автора диссертации и монографии, место «срединной» силы между кадетами и социалистами (с. 447-448). Ее представители (И.Н. Ефремов, А.И. Коновалов, Н.В. Некрасов)полнили ряды Временного правительства всех его созывов. «Звездный час» либерального центризма оказался и точкой бифуркации, вариативный путь от которой вел к исчерпанию идейных и политических возможностей движения.

Драма либерального центризма наглядно отразила на частном примере широкомасштабную трагедию российской революции, основные движущие силы которой, отбросив спасительные возможности компромисса, уверенной поступью шли к Гражданской войне.

В итоге, опираясь на разработки и выводы Нины Борисовны, сформулированные как в диссертации, так и в монографии, можно сказать, что исторический смысл существования и деятельности либерального центризма как общественного течения и политического движения заключается – с позиций современной оценки данного опыта – в действенных попытках «отвести» Россию начала XX столетия от сползания к катастрофе. Невозможность, по определению, решить эту задачу не умаляет нравственного и социального значения этих усилий. «Представляется, – справедливо подчеркивается в диссертации, – что в наши дни очевидна роль Партии демократических реформ и близких ей организаций как своеобразной лаборатории политической мысли и практики» (с. 188).

И в том, что Нине Борисовне удалось раскрыть не только «тайны» этой лаборатории, но и обосновать непреходящее значение данного опыта в целом, заключается не только сугубо исследовательское, но и социально-практическое значение проведенного ею исследования.

Итоги многолетней исследовательской работы Нины Борисовны над искомой темой впечатляют. Однако остаются возможности продвинуться дальше в разработке ряда уже намеченных ею моментов и направлений.

Представляется, что, завершая работу Октябрем 1917 года, автор не доводит до логического конца тему «Центристы и Учредительное собрание». Да, электоральная судьба представителей Российской радикально-демократической партии оказалась незавидной. В ходе ноябрьских выборов 1917 г. они не получили ни одного мандата. Более того, список их кандидатов № 11 от Петроградского столичного (городского) избирательного округа, возглавляемый Иваном Николаевичем Ефремовым, собрал всего 413 голосов (0,04% от общего числа голосовавших). Бал правили уже другого рода радикалы!

Но это совсем не снимает проблему о роли представителей данного течения в подготовке и организации выборов в Учредительное собрание. Достаточно вспомнить, что именно И.Н. Ефремовым как министром юстиции Временного правительства 20 июля 1917 г. было подписано Постановление об утверждении Раздела 1 (Главы 1 – У) Положения о выборах в Учредительное собрание, где формулировались самые демократические по тем временам в мировой практике принципы: «на основе всеобщего, без различия пола и равного избирательного права посредством прямых выборов и тайного голосования с применением начала пропорционального представительства». Хотелось бы уяснить, в какой мере формулирование и продвижение данных принципов можно считать заслугой центристов?

Исследовательски и эмпирически значимым представляется уже упомянутое нами приложение к диссертации и монографии: «Биобиблиографический словарь деятелей либерального центризма», насчитывающий около 500 персоналий. Представляется, что кропотливая работа, уже проделанная автором, требует продолжения на пути воссоздания просопографического портрета российского либерала – центриста в русле антропологического видения изучаемого явления. Такая работа способна расширить и углубить наши представления о диапазоне демократического и, что особенно важно, этического потенциала, заложенного в политической системе российского общества в исследуемый период. А также о присущей либералам-центристам глубине и основательности политического мышления.

В этой связи меня, например, поразил процитированный в диссертации отрывок из выступления Михаила Александровича Стаховича на одном из заседаний I Думы: «... Она (революция) не зависит от воли отдельных лиц; она даже не зависит от общей воли, она имеет свойство самовозгорания (Sic!) не только против желания, но иногда и против ожидания участников или свидетелей» (Дисс., с. 228). Одна эта фраза противостоит (и, надо сказать, успешно) сотням и тысячам высокоумных исследований как прошлого, так и настоящего, посвященных «вдохновителям и организаторам» революционных побед. Я все больше склоняюсь к тому, что в широком смысле революции все же не являются результатом деятельности революционеров.

Реконструкция просопографического облика либерала-центриста – задача актуальная по сей день. В том числе в плане досконального, предметного уяснения «ментального склада и типа темперамента» деятелей либерального центризма как представляющего, по словам автора диссертации, «редкий нравственный тип личности, для которого органически чужды разного рода моральные сделки и лицемерие, неприемлемо "плыть по течению"» (с.186). Что поможет оценить и тот парадокс, что именно этим высоким критериям, как это считали и современники, «они обязаны своим неуспехом» (с. 268).

Итак, к открытию XV Муромцевских чтений есть все основания констатировать, что отечественная историография российского дореволюционного либерализма продолжает активно развиваться. О чем свидетельствует приведенное нами яркое доказательство. Обновляется эмпирическая база исследований. Углубляются и совершенствуются методология и методика подхода к анализу сложных и противоречивых явлений. Крепнет тенденция антропологического подхода к осмыслению общественно-политических и социальных процессов.

Так что у Муромцевских чтений имеется не только славное прошлое, но и очевидное будущее.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ: НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Российская постреволюционная эмиграция видела одну из своих важнейших целей в сохранении документов русской революции для последующих поколений. Самая массовая и, в силу вызвавших ее причин, самая организованная, постреволюционная эмиграция создала сеть периодических изданий, охватывающих все Русское Зарубежье, систему среднего и высшего образования, профессиональных, общественных и благотворительных организаций. Она смогла сохранить документы той сложной и противоречивой эпохи путем создания архивов, музеев и библиотек, как личных, так общественных и профессиональных организаций, политических партий и движений, которые в настоящее время выступают ценными историческими источниками для изучения самой эмиграции и исторических процессов, связанных с нею. По результатам Второй мировой войны многие из эмигрантских архивов и документальных коллекций были перемещены в другие страны.

Изучение документального наследия эмиграции и введение его в научный оборот существенно расширяет источниковую базу исследований по вопросам либерального крыла эмиграции. Реконструкция инфраструктуры ее институтов, учреждений и их персонального состава позволяет установить взаимодействие различных идеологических и политических течений внутри эмиграции, выявить роль либерального направления в политической и общественной жизни Русского Зарубежья в целом, наиболее известных его представителей, понять отношение этого крыла эмиграции к расстановке политических сил в Европе перед Второй мировой войной и к СССР. Постановка этих и других вопросов в современной историографии и их решение через освоение документального наследия эмиграции, дает возможность не только реконструировать более достоверную картину жизни

¹ Сабенникова Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела архивоведения Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).

постреволюционной эмиграции, но и понять ее роль в целом в истории XX века.

С позиций когнитивной истории архивы эмиграции – есть элемент культуры общества, продукт целенаправленной и осознанной деятельности той его части, которая вынуждена была отстаивать свою идентичность в чужой культуре, видя в документах основу потенциальной научной реконструкции исторического процесса XX века. В данном контексте весь массив архивных документов эмиграции выступает как источник социальной информации, а сам подход к изучению этой информации как источниковедческий¹. Проведенный нами анализ публикаций, посвященных межвоенной эмиграции, говорит о том, что изучение либерального течения в эмиграции возможно путем реконструкции деятельности научных, образовательных, культурных и общественно-политических институтов эмиграции, отдельных диаспор российской эмиграции в разных странах и регионах. Выявление ранее неизвестных научному сообществу документов, сопоставление их с уже имеющимися документальными комплексами, рассмотрение на предмет подлинности и достоверности содержащейся в них информации, сравнительный анализ групп и видов документов в их функциональном назначении дает возможность доказательного изучения постреволюционной эмиграции в целом и ее либерального крыла в частности.

Динамика исследовательской активности

Изучение русской постреволюционной эмиграции прошло три основных этапа. Первый этап – время существования эмиграции как самостоятельного политического феномена (1917–1939 гг.), второй – период ретроспективной оценки историками-эмигрантами феномена постреволюционной эмиграции, и ее влияния на политическую историю XX в. (1939 – до конца 50-х гг.), третий этап (с 1960-е гг. – по н.в.) – переход к полноценному научному изучению эмиграции на основе ее документального наследия.

Кардинальные изменения политического и идеологического характера, происшедшие как в России, так и в мире в целом в 1980-

¹ Медушевская О.М. Источниковедение в России XX века: научная мысль и социальная реальность // Медушевская О.М. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. Москва-Берлин: Direct-Media, 2017. С. 717-760.

90-е гг., открытие доступа к документальному наследию эмиграции в нашей стране (в частности к РЗИА) и за рубежом, объясняет рост интереса исследователей к этому значительному историческому явлению. Наиболее активное изучение постреволюционной эмиграции приходится на вторую половину 1980-х гг. - 1990-е и начало 2000-х гг. Расширение тематики исследований в этой области шло по нарастающей по мере того, как новые архивные источники вводились в исследовательский процесс.

С самого начала одним из основных направлений исследований была политическая составляющая эмиграции, где существенная роль отводилась либеральному направлению, в том числе конституционно-демократической партии и ее заграничных групп¹. В начале 2000-х гг. большее внимание стало уделяться правовому статусу российской эмиграции в целом, ее отдельных диаспор², и связанным с этим проблемам социокультурной адаптации³. В качестве итоговых работ по проблемам российской эмиграции выступали обобщающие энциклопедические издания по

¹ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905–1930 гг.: В 6 т. / Отв. ред. Шелохаев В.В. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1999. 503 с. Т. 6. Кн. 1: Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. 1922 г. / Сост., авт. предисл. и коммент. Каницева Н.И.; Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья: Очерки истории (1920 – нач. 1930-х гг.): Учеб. пособие для вузов. М.: Планета детей, 1997. 254 с.; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы Междунар. науч. конф., Москва, 27–29 мая 1998 г. / [Редкол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) и др.]. М.: РОССПЭН, 1999. 566 с.; П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы Междунар. науч. конф., Москва, 26–27 мая 1999 г. / [Редкол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. М.: РОССПЭН, 2000. 558 с.; Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 25–26 мая 2000 г. / [Редкол. А.И. Нарезный (отв. ред.) и др.]. М.: РОССПЭН, 2001. 382, [1] с.

² Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: ИРИ, 1997. 245 с.; Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: Монография: в 2-х ч. Владивосток, 2000. Ч. 1. Русские в Китае. 360 с.; Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения: 1920–1930 г. Сб. документов и материалов / Сост. З.С. Бочарова. М.: РОССПЭН, 2004. 399 с.; Сабенникова И.В. Русская эмиграция (1917–1939): сравнительно- типологическое исследование. М.: Директ-Медиа, 2-е изд., 2015. 551 с.

³ Культура российского зарубежья. Сб. ст. / отв. ред.: А.В. Квакин, Э.А. Шулепова. М.: [б. и.], 1995. 220 с.; Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско- английских литературных связей в первой половине XX в. М.: Наследие, 1997. 415 с.; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв.: Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле М.: ИРИ, 1997. 190 с.; Зарубежная Россия = Russian Abroad : 1917-1939: [сб. ст.] / редкол.: В.Ю. Черняев – отв. ред. и др. СПб.: Лики России, [Кн. 1]. 2000. 444 с.

Русскому Зарубежью и общественной мысли Русского Зарубежья¹. Составляемая с середины 1990-х гг. в НИИ документоведения и архивного дела библиография по Зарубежной архивной росике позволяет составить целостное представление о современной историографии российской эмиграции².

В настоящее время наиболее известные документы эмиграции введены в научный оборот, и тема постреволюционной эмиграции за тридцать лет уже утратила свою первоначальную новизну, что объясняет спад интереса к ней. Изучение данного исторического явления идет сейчас скорее вглубь, чем вширь, – за счет привлечения документов из небольших архивных хранилищ отдельных университетов, церковных учреждений, личных и семейных архивов.

Одновременно происходит расширение исследовательского поиска в географическом плане. Изучение современной историографии вопроса позволяет сделать вывод, что исследователи чаще обращаются к архивам стран Европы (63,8%) и Америки (29%), что объясняется как местонахождением наиболее значительных эмигрантских архивов, так и информированностью исследователей о составе хранящихся там документов. Архивы Австралии, Азии или Африки изучены значительно слабее. Наибольшее число опубликованных документов взято из архивов США (29%), за ними следуют публикации из архивов Италии (5,0%), Великобритании и Франции (по 4,3%). При рассмотрении архивов, чьи документы наиболее часто используются в исторических исследованиях по проблемам российской эмиграции, следует назвать Русский архив при Бразертонской библиотеке университета Лидса (Великобритания) и Архив Международного института социальной истории (Нидерланды). Из архивов США исследователи активнее всего публикуют документы Архива Гуверовского института войны, революции и мира при

¹ Русское зарубежье = Russia abroad: золотая книга эмиграции: первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь / отв. ред. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 1997. 748 с.; Общественная мысль России XVIII–XX вв. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2005. 637 с.; Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / В.В. Журавлев (отв. ред.). М.: РОССПЭН, 2009. 703 с.

² Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С. Архивные материи Российского зарубежья: тенденции и направления изучения; аннотированный указатель. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 424, [2] с.

Стэнфордском университете, Бахметевского архива российской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете, Библиотеки Йельского университета. Первые два архива далеко опережают все другие архивы в плане публикаций находящихся у них на хранении документов¹.

Изучение, вышедших за последние десятилетия отечественных исследований по Российскому Зарубежью, позволяет сгруппировать их по проблемному принципу.

Изучение архивного наследия эмиграции

В историографии проблемы по-прежнему остается актуальным изучение наиболее важных вопросов эмиграции с привлечением документов из различных эмигрантских архивов с целью реконструкции институтов, общественных организаций, системы образования и др.

Одним из направлений освоения архивов эмиграции является изучение самих эмигрантских архивов как институтов, их формирование, комплектование и функционирование. Статьи, посвященные этой проблеме, обычно носят обзорный характер, включают информацию по составу фондов крупнейших национальных архивохранилищ разных стран, в том числе Библиотеки современной международной документации, Библиотеки Британского музея и Библиотеки конгресса США, хранящих документы по истории российской эмиграции². Наиболее изучаемые эмигрантские архивы и архивные коллекции находятся в Праге, как центре собирания документов эмиграции в межвоенный период, – это Русский заграничный исторический архив (РЗИА)³; русская коллекция в составе Славянской библиотеки, содержащей

¹ Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С. Зарубежная архивная Россия в публикациях документов: анализ, структура, статистика // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 211-228.

² Антошин А.В. Документы российской эмиграции в Русском архиве Лидса // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 67-71; Рогачевская Е. История формирования славянских коллекций в Британской библиотеке (по архивным материалам: 1837–1900 гг.) // Библиография. 2008. № 6. С. 122-134; Специалист по русским фондам Библиотеки конгресса США: [интервью с сотрудником Библиотеки конгресса США Гарольдом Лайхом] / беседу вела Е.И. Коган, перевел К.М. Сухоруков. Библ.: Основные работы Г. Лайха, 17 назв. // Библиография. 2005. № 4(339). С. 89–98.

³ Хорхордина Т.И. Новое о Русском заграничном историческом архиве: события и люди // Вестник архивиста. 2006. № 2-3(92-93). С. 339-357; № 4-5(94-95). С. 212-235.

в частности архив слависта Н.Н. Дурново¹; Международный институт социальной истории (МИСИ), в Амстердаме, где хранится богатая коллекция документов российских анархистов (в частности А. Атабекяна, А. Беркмана, Г.П. Максимова, Б. Еленского) и социал-демократов, но также документы по истории русского либерализма².

Реконструкция географической локализации архивов российской эмиграции – важное направление, которое необходимо учитывать, поскольку российская эмиграция была расплывлена по различным странам и ее количественные показатели, профессиональный состав, уровень социальной и культурной самоорганизации можно проследить по отложившимся в архивах этих стран документам³. Пути формирования архивного наследия русской эмиграции и его специфика в таких странах как Хорватия, в Боснии и Герцеговине, Эстония, Польша, Финляндия рассматриваются по государственным архивам⁴, в то время как жизнь русской эмиграции в Бельгии реконструируется с привлечением личных архивов эмигрантов⁵. Специфика жизни северной «провинции» русской эмиграции – Норвегии, Швеции, Финляндии прослеживается в опубликованной переписке

¹ Фичи Ф. Архив Н.Н. Дурново в Праге (Материалы по истории славистики 1924–1927 годов) // Славяноведение. 2005. № 4. С. 96-109.

² Антошин А.В. Российские анархисты в эмиграции. 1920–1960-е гг. (по документам Международного института социальной истории) // Отечественные архивы. 2006. № 5. С. 66–72.

³ Sabennikova I.V. Diasporas of Russian Emigration: Typology and Legal Status// RussianStudiesHu. 2023. Vol. 5. №. 1. P. 95-112.

⁴ Сабенникова И.В. Русская эмиграция в Хорватии: обзор архивов // Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2007. Вып. 8. С. 6–9; Исаков С.Г. Источники и история изучения русской эмиграции в Эстонии (1918–1940): обзор // Берега: Информационно–аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2009. Вып. 11–12. С. 43–64; Грибовский М.В. Документы по истории профессорско-преподавательского корпуса отечественных университетов рубежа XIX–XX вв. в российских и зарубежных архивах // Отечественные архивы. 2012. № 3. С. 53–60; Кустов В.М. Страницы истории русской Финляндии // Берега. 2012. Вып. 16. С. 20–30; Мачкич З., Косик В. Русские в Банялуке и окрестностях в XX веке: Слов.-справ.М.: ИСл РАН, 2018. 136 с.

⁵ Белявский Н.С. Кардинал Мерсье и русская эмиграция в Бельгии // Нансеновские чтения. 2007. СПб., 2008. С. 447-462. Путеводитель по русскому отделу Королевского музея армии и военной истории в Брюсселе / Сост. и авт. предисл. к разделам: З.С. Бочарова, Е.И. Белова, Е.Е. Седова. СПб.: Северная звезда, 2012. 120 с.

эмигрантов в 1930-е гг., сохранившейся в Отделе рукописей Национальной библиотеки Норвегии (г. Осло)¹.

В создании эмигрантских архивов и архивных коллекций значительная роль принадлежит *отдельным личностям* – собирателям, коллекционерам, историкам. Вопросам собирания документального наследия в эмиграции отдельными ее представителями (как, например Б. Николаевским и бывшим депутатом Первой Государственной Думы Российской Империи от кадетской партии М.М.Винавером), посвящены статьи, написанные на документах менее изученных отечественными специалистами архивов, например Института еврейских знаний в Нью-Йорке². Отдельные публикации посвящены основателям Славянской библиотеки в Праге – Яну Славику и В. Н. Тукалевскому, их научным связям с собирателями документов эмиграции в разных странах³, Н.Л. Окуневу (1885–1949 гг.) - основателю и хранителю архива и галереи Славянского искусства в Праге⁴, Андрею Савину - коллекционеру и собирателю документов русского зарубежья в Париже⁵.

В последнее время значительное число публикаций сделано по материалам *личных и семейных архивов* эмигрантов. Это, например, публикация А.В. Копршиновой-Вуколовой о жизни русской эмиграции, прежде всего научной, в Чехословакии межвоенного периода, и публикация Н. Шполянского (Париж), где

¹ «Глухая провинция русской эмиграции». Послереволюционное Русское зарубежье на севере Европы в переписке эмигрантов. 1931-1937 гг. / Публ. подг. Т.П. Тетеревлева // Исторический архив. 2005. № 1. С. 23-55.

² Пражские письма: из архива М. М. Винавера / Публ. В. Е. Кельнера // Берега. 2012. Вып. 16. С. 11-15.

³ Финляндские находки: письма В.Н. Тукалевского, И.В. Шкловского (Дионео) и В.М. Зензинова директору Русской библиотеки Гельсингфорса Л.В. Игельстрому (1924–1927 гг.) / Публ. и вступ. статья В.Ю. Черняева // Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2005. Вып. 5. С. 29-39; «Очень хорошо, что Вы стали заниматься собиранием сведений о русских рукописях...» Из переписки В.Д. Бонч-Бруевича и В.Н. Тукалевского. 1932-1934 гг. / Вступ. статья, подг. Текста к публ. и коммент. Н.С. Зелова // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 72–93.

⁴ Янчаркова Ю. Коллекция профессора Окунева. Как в межвоенной Праге сохраняли русскую живопись // Родина. 2006. № 4. С. 93-95.

⁵ Зилпер Н. Андрей Савин – коллекционер материалов русского зарубежья // Библиография. 2006. № 4(345). С. 133-138.

реконструируется жизнь эмигрантов после Второй мировой войны в Африке¹.

Предметом исследований становятся не только личные и семейные архивы, собранные отдельными представителями эмиграции и их потомками, но и семейные музеи. Примером служит музей рода Закревских – известного дворянского рода, чья история тесно связана с историей Российской империи². На базе некоторых из эмигрантских музеев, – таких как Музей лейб-гвардии Казачьего полка, учрежденного Павлом I в 1798 г. (Курбевуа-Анвер, пригород Парижа), Музей лейб-гвардии Атаманского его императорского высочества Государя-наследника цесаревича полка (Аньер), Русский музыкальный исторический музей (Париж) и др., – после Второй мировой войны был сформирован Русский отдел Королевского Военного музея в Брюсселе. История создания и функционирования этих центров хранения документации также является объектом современных исследований³.

Значительная роль в историографии по истории русского зарубежья отводится *православной церкви*, являвшейся для русской эмиграции своеобразным связующим звеном⁴ и, наряду с русским языком, основой идентичности. Православная церковь была неотъемлемой частью духовной жизни русской эмиграции межвоенного периода. Именно поэтому церковные архивы дают возможность реконструировать жизнь русских диаспор там, где недостаточно сохранилось иных источников, как, например, в

¹ Крылова Н. Л. Детство между бараками и церковью. Из туниских воспоминаний Никиты Шполянского. // Восточный архив. 2012. №1(25). С. 63-72.

² Гончар В. Березовая Рудка – жемчужина Полтавщины // Наше наследие. 2013. № 105. С. 72-79.

³ Муромцева Л.П. Реликвии российской послереволюционной эмиграции во Франции // Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2007. Вып. 8. С. 14-23; Она же Сохранение историко-культурной идентичности русского казачества в эмиграции // Отечественная история. 2008. № 3. С. 77-86.

⁴ Русская православная церковь за границей: 1918-1968 / Под ред. А.А. Соллогуб. Нью-Йорк, 1968. В 2-х т. 761 с. + 689 с.,илл.; Шулупова Э.А. Роль и место Православной Церкви в процессе адаптации русской эмиграции. // Культурная миссия российского зарубежья: История и современность. М., 1999. [Б. и.] С. 21-27; Хмыров Д.В. Спорные вопросы истории РПЦЗ (1920-1945) СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 480 с. (История и культура. 2014. Вып. 12.); Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1939-1964 гг.: Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 488 с.; Mikhail Suslov. "Russian World" Concept: Post-Soviet Geopolitical Ideology and the Logic of "Spheres of Influence" // Geopolitics. 2018. С. 330–353.

Марокко – в виде архивов Успенского собора в Касабланке и Воскресенского храма в Рабате¹. Документы Русской духовной миссии в Пекине способствовали изучению русской колонии в Китае². Вместе с тем, исследователи обратились к изучению церковных архивов как к институтам, о чем говорят публикации по церковным архивам, затрагивающие такие вопросы как формирование архивов РПЦЗ за рубежом, состав документов церковных архивов³, влияние политической расстановки сил на деятельность РПЦЗ и борьба за церковное единство в эмиграции⁴. Одновременно изучались архивы Германии, США, Балканских стран, хранящие документы РПЦЗ, о чем свидетельствует ряд обзорных статей. Был составлен Биографический справочник «Русское православное зарубежное монашество в XX в.», с указанием русских зарубежных монастырей и иноческих общин (по странам), а также фамильный список монахов. Работа была проведена по Архиву Германской епархии РПЦЗ и архива мужского монастыря преподобного Иова Почаевского (Германия)⁵.

Архивы эмиграции с самого начала оказались предметом политической борьбы – между различными центрами внутри самой эмиграции, а также между эмиграцией и советским режимом, - а в послевоенный период, когда Русское Зарубежье перестало существовать как нечто целостное, многие эмигрантские документы были переданы в Бахметевский архив и Гуверовский институт войны, революции и мира, в связи с чем исследователями обращается особое внимание на роль Б.И. Николаевского и его коллекции⁶. Вместе с этим поднимаются этические и правовые

¹ Сухов Н.В. Организация эмигрантов из России в Марокко в первой половине XX века // Восточный архив. 2014. № 2 (30). С. 46-54.

² Кафаров П. Русское поселение в Китае в первой половине XIV века // Восточный сборник, I, СПб., 1877. Русский мир в Китае: исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев / О.И. Курто. М.: Наука - Вост. лит., 2013. 374.

³ Бакушина А.В. Церковное архивоведение эмиграции как самостоятельное направление для исследования (на примере парижских церковных архивов) // Вестник РГГУ. Серия «Документалистика. Документоведение. Архивоведение». 2011. № 18(80)/11. С. 57-66.

⁴ Ковалевский П. Е. Из дневников: сентябрь 1944 года – август 1946 года / Публ. и примечания Н.Г. Росса (Н.Г. Росс. Вступительное слово к дневникам П.Е. Ковалевского) // Церковь и время. 2007. № 1(38). С. 144-207.

⁵ Кузнецов В.А. Русское православное зарубежное монашество в XX веке: Биографический справочник. 2-е изд. Екатеринбург, 2015. 448 с.

⁶ «Очень сложно сейчас развиваются дела в Германии». Из переписки

вопросы передачи Николаевским документов эмиграции в Гуверовский институт.

Ряд работ, раскрывающих отношение эмигрантского сообщества к противоборствующим силам накануне и в период Второй мировой войны (в частности, к движению сопротивления в котором русские эмигранты принимали активное участие), написан по документам Центра исторических исследований и документов по Войне и современному обществу¹ (Brussels, Belgium), архива Югославии², Национального архива Австралии, Архива префектуры г. Парижа и др.

Документы самих эмигрантских архивов дополняются материалами спецслужб, осуществлявших наблюдение за деятельностью эмиграции в разных странах. Материалы наблюдений содержат аналитические справки по вопросам, связанным с отдельными группами эмиграции, политическими лидерами и эмиграцией в целом. Наиболее ценными источниками в этом плане располагает Архив парижской полиции (Préfecture de police de Paris. Services des Archives), где отложились документы регистрации эмигрантских учреждений, общественных организаций, материалы наружного наблюдения за наиболее известными эмигрантами и аналитика³.

Исследователи обращаются к документам эмиграции с целью изучения *научных обществ и объединений русского зарубежья*. Это относится прежде всего к тем регионам, где российская эмиграция действовала наиболее активно – странам центральной Европы, славянским странам и США. Предметом исследований становятся научные, учебные, профессиональные организации, а

Б.И. Николаевского и И.Г. Церетели. Январь – март 1933 г. / Публ. подг. А.П. Ненароков и П.Ю. Савельев // Исторический архив. 2012. № 6. С.106-129; Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Борис Иванович Николаевский // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 18-45.

¹ Белявский Н.С. Белая эмиграция в Бельгии и Вторая мировая война // Нансеновские чтения. 2008. СПб., 2009. С. 127-136.

² Йованович М. Те, кто за Сталина, те, кто за Гитлера. Российская эмиграция в Югославии в годы Второй мировой войны // Родина 2012. № 11. С. 14-16.

³ Документы наблюдения за П.Н. Милюковым из Архива префектуры парижской полиции / Публ. подг. Д.А. Гутнов // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 3-13; Сабениикова И.В. Русская эмиграция во Франции перед лицом Второй мировой войны // Нансеновские чтения 2009. СПб., 2010. С. 62-75.

также российские студенческие объединения за границей¹; соответствующие документы часто хранятся в государственных архивах (вопросы регистрации, отчетность, списочный состав и т. д.), но также в архивах общественных организаций, как например, Толстовский фонд (США), занимавшийся вопросами помощи российским эмигрантам после Второй мировой войны. По документам Толстовского фонда реконструируется деятельность «Беженского университета» по спасению ученых-эмигрантов и преподавателей высшей школы в Европе². В ряде случаев исследователи обращаются к личным фондам, где, в силу обстоятельств, сохранились делопроизводственные документы. Например, история Зарубежных высших военно-научных курсов во Франции прослеживается по личному фонду Н.Н. Головина в архиве Гуверовского института³. Роль русских научно-исследовательских и научно-просветительских организаций в дальневосточном регионе раскрывается на документах Музея Сан-Франциско⁴.

¹ Ковалев М.В. Русское историческое общество в Праге (1925-1945) // Российская история. 2011. № 5. С. 148-158; Российское научное зарубежье: Биобиблиогр. справ. / Авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М.: Парад, 2011. 715 с.; Рожков С.А. Русские академические организации в Болгарии и V съезд русских ученых за рубежом // Нансеновские чтения. 2007. СПб., 2008. С. 283-296; Путятин В. Служение гонимой церкви. Российские профессора и студенты на богословском факультете в Белграде // Родина. 2009. № 4. С. 59-61; Черный Б. «Посоветуйте, куда лучше пристроиться...». По материалам Ассоциации русских студентов в Париже (1908-1911) // Диаспора: Новые материалы. Т. VII. СПб; Париж: Athenaem-Феникс, 2005. С. 95-130; Ульянкина Т.И. «В целях сохранения национальной русской науки» (история Русской академической группы в США) // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1. С. 86-124; Ульянкина Т.И. «В целях сохранения национальной русской науки» (история Русской академической группы в США) // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1. С. 86-124.

² Ульянкина Т.И. Интеллектуальная иммиграция в США: акция «Беженского университета» и Толстовского фонда (США) по спасению ученых и преподавателей высшей школы в Европе // Нансеновские чтения 2009. СПб., 2010. С. 421-433; Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса...»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940-1950). М., 2010.

³ Александров К. Ревнитель военных знаний. Эмигрантские дороги Николая Головина // Родина. 2009. № 4. С. 76-78.

⁴ Хисамутдинов А.А. Русские студенты в США и их судьбы (1920-1930-е годы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 221-230; Хисамутдинов А.А. Изучая Китай: труды и судьбы русских эмигрантов // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 2. С. 89-104.

Степень отражения деятельности эмиграции в архивах

Наибольшее число публикаций по эмиграции в 2005-2022 гг., было посвящено жизни и деятельности известных представителей эмиграции – русских ученых-гуманитариев, в том числе либералов: П.Г. Виноградову, П.Н. Милюкову, Е.В. Спекторскому, П.А. Сорокину, А.В. Соловьеву, Б.И. Николаевскому, С. Г. Елисееву, Г.В. Вернадскому, С.Г. Пушкареву и др. Для подготовки публикаций исследователями использовались зарубежные архивы различных уровней: Библиотека редких книг и манускриптов Йельского университета, Бахметевский архив Колумбийского университета и архив Гуверовского института (США), архивы университетов Лидса (Великобритания), Скопье (Македония), Варшавского Университета, Национальный архив Франции и архив парижской полиции, Государственный архив г. Варшавы, Архив новых актов (AAN), Архив министерства религиозных вероисповеданий и народного образования (MWRiOP) (Польша), Архив МИД Чешской Республики, Архив Института Восточной Европы Бременского университета (Германия), Государственный архив Словении в Любляне, Национальная библиотека Израиля ¹. Изучение научной

¹ «В научном отношении эти два года за границей я провел не безрезультатно». Письмо П.А. Сорокина профессору Л.И. Петражицкому. 1924 г. / Публ. А.И. Комиссаренко // Исторический архив. 2011. №3. С. 184–188; Лосев Л. Письма к Иосифу Бродскому / Публ. и примеч. Якова Клоца // Звезда. 2010. № 5. С.134-154; Милюков П.Н. Социологические основы русского исторического процесса / Публ. Т. М. Бон, Е.Е. Милицких (Т.М. Бон, Е.Е. Милицких Неопубликованная рукопись П.Н. Милюкова периода парижской эмиграции) // Отечественная история. 2008. № 1. С. 156–167; Трибунский П.А. Обзор личного фонда П.Н. Милюкова в Бахметевском архиве // Археографический ежегодник за 2007-2008 гг. М., 2012. С. 364-388; Он же. Обзор личного фонда П.Н. Милюкова в Гуверовском институте войны, революции и мира // Археографический ежегодник за 2007-2008 гг. М., 2012. С. 389-397; Сорокина М.Ю. Снова востоковеды...: Материалы для библиографического словаря «Российское научное зарубежье» // Диаспора: Новые материалы. Т. VII. СПб.; Париж: Athenaem–Феникс. 2005. С. 619–680; «Я не заметил никаких противоречий или неверностей в анализе событий или характеров». Из переписки Б. И. Николаевского и И. Г. Церетели. 1931 г. / Публ. Подготовили А.П. Ненароков и П.Ю. Савельев // Исторический архив. 2012. № 2. С. 58-82; Антошин А.В. Научные связи А.В. Соловьева в эмиграции в 1950-1960-е годы (по материалам Русского архива Лидса) // Славяноведение. 2010. № 4. С.49-54; Бирман М.А. П.М. Бицили в югославский период эмиграции (1920–1923 годы). // Славяноведение. 2005. № 4. С. 84–95; Гентшке В.Л., Бабаходжаева Х.А. Обзор личного фонда выдающегося археолога-востоковеда В.Л. Вяткина // Вестник архивиста. 2009. № 3(107). С. 184-197; Ульянкина Т.И. Неизвестная переписка проф. М.М. Новикова с коллегами в СССР в 1920-1940-е гг. (М.А. Мензбиром, В.Н. Никитиным, М.Н. Римским-Корсаковым) // Нансеновские чтения. 2008. СПб., 2009. С. 339-361; Диванов Е.М. По

деятельности русских ученых эмигрантов идет обычно через изучение их творческого наследия, отложившегося в архивных фондах и коллекциях зарубежных архивов¹.

Отдельным направлением исследований проблем эмиграции стала *реконструкция научных школ эмиграции* – деятельность религиозных философов русского зарубежья С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, раскрывающая их место в общественно-политической и религиозной жизни русской эмиграции, их служение и духовное общение с зарубежными коллегами². С целью более глубокого изучения мировоззренческих взглядов религиозных мыслителей, исследователи обращались к таким источникам как записные книжки о. С. Булгакова, хранящиеся в архиве о. С. Булгакова в Свято-Сергиевском Богословском

прохоровским местам Австралии. // Вестник Российской Академии наук. Научный и общественно-политический журнал. 2006. Т. 76. № 9. С. 834-836; Документы наблюдения за П.Н. Милюковым из Архива префектуры парижской полиции / Публ. подг. Д.А. Гутнов // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 3-13; Лысков А.П. Николай Арсеньев: вдали от родины, но сердцем с ней // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2007. № 3. С. 3-33; Марахонова С.И. Русский японист С.Г. Елисеев: первый период эмиграции. Париж, 1921-1934 годы // Восточный архив. 2012. № 2(26). С. 86-95; Миронова Е.М. Владимир Трифильевич Рафальский // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. истории. М.: Наука, 2005. Вып.1. 2005. С. 135-142; Михальченко С.И. Документы Е. В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 64-68; Михальченко С.И. Ткаченко Е.В. Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 31-53; Трибунский П.А. Фонд адвоката и общественного деятеля О.О. Грузенберга в Национальной библиотеке Израиля // Археографический ежегодник за 2009-2010 гг. М.: Наука, 2013. С. 345-350.

¹ Антошин А.В. Научные связи А.В. Соловьева в эмиграции в 1950-1960-е годы (по материалам Русского архива Лидса) // Славяноведение. 2010. № 4. С. 49-54; «Все теперь отмахиваются от русских просьб». Письма П.Г. Виноградова к Г.В. Вернадскому. 1920–1921 гг. / Публ. А.В. Антощенко // Исторический архив. 2013. № 2. С. 14-17; Ковалев М.В. Жизнь и творчество историка русского зарубежья Сергея Германовича Пушкарева (1888–1984) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 162-179; Ковалев М.В. Оксфордский архив профессора С.А. Коновалова // Отечественные архивы. 2015. № 5. С. 58-71.

² Антощенко А.В. «Византизм» в интерпретации Г. П. Федотова // Вестник славянских культур. 2017. Т. 44. № 2. С. 7-20; «Мне, вообще, хотелось бы сближения Германии и России...»: письмо В.М. Жирмунского к С.Л. Франку / Предисл., публ. и коммент. А.А. Гапоненкова // Вестник истории, литературы, искусства / [гл. ред. Г.М. Бонгард-Левин]; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание; Наука. Т. IV. 2007. С. 486–494; «...Между нами не может быть не малейшего спора...». Письма С.Н. Булгакова М.Э. Здзеховскому о необходимости церковного обновления. 1905-1907 гг. Публ. подг. И.В. Воронцова // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 101-111.

институте в Париже¹, или эпистолярному наследию российского философа-неокантианца Я.И. Гордина, состоявшего в переписке с Н.А. Бердяевым². В настоящее время переписка хранится в Библиотеке Всемирного еврейского союза в Париже.

Культурная жизнь, искусство. Со второй половины 1980-х гг. в научном сообществе активно проявлялся интерес к культурному наследию русской эмиграции – к писателям-эмигрантам³, художникам⁴, кинематографу⁵. Источниковая база исследователей значительно расширилась после возвращения ряда документальных коллекций в Россию. Можно говорить о том, что возник комплекс взаимосвязанных фондов, содержащих документы художников – эмигрантов, представлявших разные направления в русском искусстве – фондов в РГАЛИ, ГАРФ, БФРЗ им. А. Солженицына, рукописных отделах Третьяковской галереи и Русского музея⁶. Выходили также публикации, посвященные

¹ Козырев А.П. «Я – Россия, и она во мне, и так быть и жить хочу...»: Отец Сергей Булгаков в эмиграции // Русское зарубежье: история и современность. М., 2013. Вып. 2: / Ред. Сост. Вып. Ю.В. Мухачев, Т.Г. Петрова. С. 25-55.

² Дмитриева Н.А. Биографические и философские взгляды Якова Гордина. Часть первая // Вестник РГГУ. 2015. № 5 (Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»). С. 125-140.

³ Беляков В.В. О Родине и о судьбе. Литературное творчество русских эмигрантов в Египте // Восточный архив. 2014. № 1 (29). С. 61-67; Бунинские музеи России и зарубежья: Путеводитель / Ред.-сост. Д.М. Минаев. М.: Мильграм А&В, 2015. 186 с.; Шруба М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917-1945) / Под ред. О. Коростелева; при участии О. Коростелева, П. Лавринца, А. Меймре, Б. Равдина, Р. Тименчика, Л. Флейшмана и др. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 1064 с.; Гарциано С.А. Пореволюционное культурное наследие Д.С. Мережковского во Франции // Литературный факт. 2017. № 3. С. 113-133.

⁴ Казнина О.А. Русский художник-эмигрант герой английского романа (Б.В. Анреп) // Русскоязычные писатели в современном мире / Под ред. М. Полехиной. Вена: Венский литератор, 2014. С. 149-157; Северюхин Д.Я. Русская художественная эмиграция 1917–1939. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2003; Яковлева Е.П. К вопросу о художественном наследии русской эмиграции // Зарубежная Россия. 1917-1945. Сб. ст. Кн. 3. СПб., 2004. С. 334; Мелани П. Балет Иды Рубинштейн через призму неопубликованного парижского дневника А. Бенуа // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского Зарубежья / отв. ред. О.Л. Лейкинд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 190-195.

⁵ Янгиров Р.М. Хроника кинематографической жизни русского зарубежья / Предисл., подгот. текста З.М. Зевинной. М.: Книжница; Русский путь, 2010. Т. 1: 1918-1929; Т. 2: 1930-1980.

⁶ Петрушева Л.И. Архивы представляют // Отечественные архивы. 2015. № 4. С. 121-125; Альтман М.М. Архивы представляют // Отечественные архивы. 2017. № 4. С. 128-130;

художникам русского зарубежья¹ в том числе и молодому поколению художников, сформировавшемуся уже в эмиграции².

Реконструкция политической борьбы в эмиграции в ряде изданий была осуществлена через публикацию эпистолярных источников, отложившихся в самых различных архивах и архивных фондах. Опубликована переписка таких известных представителей либеральной эмиграции как Б.А. Бахметев, В.А. Маклаков, Б. В.В. Шульгин, И. Николаевский, И.Г. Церетели. Письма представителей политической элиты России начала XX в. в эмиграции, содержат уникальную информацию о русском политическом процессе на рубеже веков, революциях, Гражданской войне, политической истории русского зарубежья. Часто они выступают не только как исторические источники, но и являются замечательными образцами эпистолярного жанра³. Хотя значительный объем документов по истории дипломатии периода Временного правительства и Гражданской войны хранится в Гуверовском институте и Бахметевском архиве, исследователи находят и вводят в научный оборот новые источники, главным образом из недоступных прежде архивов, напр., из Политического архива Министерства иностранных дел Германии о деятельности Н.И. Гучкова, – дипломатического представителя правительства генерала А.И. Деникина в Европе и его контактах с У. Черчиллем и Д. Ллойд-Джорджем⁴.

Правовое положение эмиграции в европейских странах межвоенного периода частично реконструируется в научных

¹ Соколов Т.Ф. Художник Евгений Евгеньевич Климов: Материалы к биографии // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2013. М., 2014. С. 633; Кагарлицкая С. Сергей Шаршун в архиве и запаснике // Русское искусство. 2005. № 3. С.141; Ван дер Боон Й. Живописец-маринист Николай Гриценко // Наше Наследие. 2017. № 122. С. 152-159.

² Краснослободцев К.В. «Незамеченное поколение» российских художников эмигрантов во Франции и Федоровский комитет (1920-е-1930-е годы) // Новый исторический вестник. 2021. № 2(68). С. 118-130.

³ Спор о России: В.А. Маклаков – В. В. Шульгин. Переписка, 1919–1939 / публ., вступ. ст. и примеч. О.В. Будницкого М.: РОССПЭН, 2012. 439 с. (Серия «Русские сокровища Гуверовской башни»). Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых. В 5 т. Т. 1. 1919-1934» Пока же мы счастливы уже тем, что ничто не угрожает нам». М.: РОССПЭН, 2006. (Серия «Русские сокровища Гуверовской башни»).

⁴ Ватлин А. Между Лондоном и Берлином. Челночная дипломатия Александра Гучкова в 1919 году // Родина. 2015. № 1. С. 56-59.

статьях сборника «Правовое положение российской эмиграции в 20–30 годы»¹, посвященного изучению правового статуса различных эмигрантских диаспор и российской эмиграции в целом. Нормы международного права, действовавшие в отношении эмиграции, рассматриваются через деятельность Совета (бывших) русских послов – правового представительства эмиграции в таких международных организациях как Лига Наций, а также через призму личного участия российских юристов и дипломатов в процессе определения статуса беженцев. Документы, позволившие рассмотреть эту сторону жизни российской эмиграции, были выявлены исследователями в архиве Лиги Наций, Государственных архивах Кантона Женевы и Швеции, Архиве МИД и Национальном архиве Финляндии².

В эмиграции не только сохранялись и действовали различные политические партии, созданные еще в России, но формировались и *новые идеологические течения*, представители которых – сменовеховцы, евразийцы, утвержденцы и адепты «Третьей России», – чаще вели непримиримые идеологические споры, чем шли на компромиссы с целью объединения своих сил³. В Литературном архиве Музея национальной культуры (Чехия) в собрании Fedoroviana Pragensia, созданном в 1933 г. по инициативе философа-евразийца К. А. Чхеидзе, хранится его переписка с П.С. Боранецким, Н.В. Устряловым, Ю.А. Ширинским-Шахматовым. Публикация этих документов позволяет выявить основные причины разногласий между представителями различных идеологических течений эмиграции и попытки их преодоления⁴. Документы,

¹ Правовое положение российской эмиграции в 1920 - 1930-е годы : сборник научных трудов / Санкт-Петербургский информ.-культурный центр "Русская эмиграция"; [науч. ред. Бочарова Зоя Сергеевна]. СПб.: Сударыня, 2006.

² Виттих К. Константин Николаевич Гулькевич – биографические заметки // Нансеновские чтения. 2007. СПб., 2008. С. 107-136; Миронова Е.М. Положение русской колонии и создание русского небольшевицкого представительства Совета послов русского зарубежья в Финляндии // Клио. 2011. № 4(55). С. 77-83.

³ Антропов О.К. Третий путь для России. Пореволюционные организации и движения российской эмиграции 1920-1930-х годах. Астрахань: Изд. Дом «Астраханский университет», 2011.

⁴ В поисках нового синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920-х–1930-х годов. Вступительная статья, публикация и комментарии А.Г. Гачевой // Диаспора: Новые материалы. Т. VII. СПб; Париж: Athenaeum-Феникс, 2005. С. 437-487. «Давайте попробуем установить некоторое взаимопонимание». Переписка

позволяющие реконструировать идеологическую составляющую жизни русской эмиграции отложились также в Бахметевском архиве, поскольку один из идеологов евразийства – Г.В. Вернадский, в 1927 г. переехал в США, сохранив тесные контакты с другими представителями этого направления, оставшимися в Праге. Опубликована переписка двух видных представителей евразийского течения - Г.В. Вернадского и П.Н. Савицкого, относящаяся к 1933 г.¹ Одной из тем, поднимавшейся основоположниками евразийского течения, была целостность Российского государства и определение статуса Украины после революции, о чем свидетельствует недавно опубликованная статья Вернадского «Князь Трубецкой и украинский вопрос», из фонда Вернадского в Бахметевском архиве². Изучение политической идеологии русской эмиграции в Маньчжурии продолжалось по фондам «Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи» (БРЭМ) Хабаровского государственного архива³.

Среди исследователей русской эмиграции сохранялся интерес к изучению *молодого поколения* российской постреволюционной эмиграции. После того, как были изучены вопросы, связанные с молодым поколением эмиграции в различных странах⁴, организации высшего и среднего образования⁵, работы общественных и благотворительных организаций эмиграции с молодежью⁶, сохранением национально-культурной идентичности и

Н.В. Устрялова с П.П. Сувчинским. / Публикация В.К. Романовского // Исторический архив. 2011. № 4. С. 83-114; № 5. С. 118-143.

¹ «Подобные проблемы давно уже ставились на очередь евразийцами» Письма П.Н. Савицкого к Г.В. Вернадскому. 1933 г. // Исторический архив. 2015. № 4. С. 166-181.

² Дворниченко А.Ю. Г.В. Вернадский об Украине и украинском вопросе // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 2. История. Вып. 2. С. 57-79.

³ Аурилене Е.Е., Бучко Н.П. Политическая идеология русской эмиграции в Маньчжурии: проблема возрождения России // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 96-103.

⁴ Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944) / авт.–сост. А. Б. Арсеньев, М. Л. Ордовский–Танаевский. В 2 кн. Белград. 2018. Кн. 1. 638 с.

⁵ Буланова М.Б. Высшее образование в условиях российского зарубежья // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология». 2011. № 3. С. 181.

⁶ Лушин М.М. «Русский сокол» в Югославии // Столетие двух эмиграций 1919-2019. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 345-360.

формированием у нее исторической памяти,¹ появились обобщающие исследования, в которых эмигрантская молодежь рассматривается как самостоятельная социальная группа в составе эмиграции, сформировавшаяся в условиях инокультурной среды европейских стран межвоенного периода, а также модели самоорганизации этой социальной группы². Такие исследования стали возможны с привлечением широкого круга источников – документов эмигрантских общественных организаций, учебных заведений, а также личных фондов представителей эмиграции³. Ценная информация по организации и финансированию высшего образования русских студентов хранится в фонде «Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей («Федоровский комитет»)»⁴, который в течение долгого периода возглавлял член кадетской партии М.М. Федоров. Комитет активно работал с 1922 г. по 1932 г. и выдал около 2 200 стипендий для студентов в Европе, а его отделения функционировали практически во всех странах расселения русских беженцев. Документы фонда являются ценным источником для изучения реального положения русской молодежи во многих государствах Европы межвоенного периода⁵.

Исследователей русского зарубежья продолжает волновать проблема ассимиляции русских эмигрантов в странах рассеяния и сохранения культурных традиций и исторической памяти потомками российской эмиграции, в разные периоды оказавшихся за

¹ Гусаченко А.С. «Сокольство», «Скаутизм» и русская эмиграция в довоенной Латвии // Берега. Информационно-аналитический сборник. СПб., 2017. Вып. 21. С. 33-45; Климович Л.В. Образование и развитие «Союза русского сокольства» в эмиграции в 1920–1930–е годы // Исторический поиск. 2021 Т. 2. № 4. С. 37-44.

² Климович Л.В. Молодое поколение российской эмиграции в странах Европы в 1920–1930–е гг. Дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. Саратов, 2023.

³ Климович Л.В. Документы по истории российской эмиграции в архиве Центра изучения стран Восточной Европы при Бременском университете // Сб. материалов науч. семинара стипендиатов программ «Михаил Ломоносов» и «Иммануил Кант» 2015-2016 гг. М.: Германская служба академических обменов (DAAD), Министерство образования и науки Российской Федерации, 2017. С. 280-288; Климович Л.В. Фонд Г. Л. Лозинского в архиве Центра изучения стран Восточной Европы при Бременском университете // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 208-222.

⁴ БФРЗ. Ф. 13 «Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей («Федоровский комитет»)».

⁵ Постников Е.С. «Федоровский комитет» и эмигрантское студенчество 20-х годов // Культура – цивилизация – образование. Тверь, 1995. С. 86-95.

пределами России¹. Отдельными самостоятельными темами остаются темы российского документального наследия за рубежом², и формирование русского мира.

Изучение архивного наследия российской эмиграции дает возможность воссоздать историю русского зарубежья межвоенного периода, включая все его составляющие: правовое положение, политические и идеологические противоречия внутри эмиграции, ее реакцию на внешнеполитические факторы, систему среднего и высшего образования, общественных и профессиональных объединений и многого другого. Документальное наследие российской эмиграции, послужившее основой для большинства вышедших статей, вполне объективно отражает значимость вклада русской эмиграции в общемировую науку и культуру. Расширение круга документальных источников и географии поиска информации для проведения научных исследований, позволяет с большей основательностью говорить о российской эмиграции как особом социокультурном явлении, неразрывно связанным как с историей российской государственности, так и общемировой историей XX в. Оно важно для формирования современного национального самосознания и создания гражданского общества в России.

Историография проблемы свидетельствует об освоении новых документальных пластов: помимо основных центров хранения архивного наследия российской эмиграции, значительно чаще стали привлекаться частные и семейные архивы, архивные коллекции библиотек, ведомств и учреждений, с которыми контактировала эмиграция. Вместе с тем, можно констатировать, что среди исследовательских тем преобладают конкретные темы, направленные на изучение отдельных аспектов в деятельности эмиграции – учреждений, обществ, партий, отдельных личностей с использованием, как правило, одного фонда (почти всегда, если речь идет о персоналии) или одного архива. Практически нет работ, носящих сквозной характер исследования по какой-то одной значимой для эмиграции проблеме на широком архивном материале с привлечением документов из различных архивов.

¹ Живет душа России: неизвестные страницы русского зарубежья. Отв. ред. и сост. Т.В. Таболина, вып. 2. М., 2007.

² Попов А.В. Архивная россика в зарубежных и отечественных архивах: учебное пособие / РГГУ; [отв. ред. Т.И. Хорхордина]. М.: РГГУ, 2019. 177 с.

Задача, которая, на наш взгляд, в настоящее время стоит перед исследователями русской эмиграции, заключается в реконструировании архивов эмиграции – в широком и в узком смысле, – для чего, прежде всего, необходимо создание межархивного справочника по Зарубежной архивной Россике, позволяющего исследователям ориентироваться в разноплановом документальном наследии зарубежной России, местах хранения документов одних и тех же лиц, организаций, институтов и т.д. Такая работа уже ведется¹.

А.Н. Медушевский²

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕЗАРИЗМ: ОТ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМ К СОВРЕМЕННОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ДИКТАТУРЕ

В настоящее время актуализировалась дискуссия о демократическом цезаризме. Она стала предметом обсуждения на шестой общероссийской научной конференции Европейского университета (СПб., 16 декабря 2022) по теме: «Цезаризм: от Греко-римской Античности до наших дней». Данное понятие определяется организаторами конференции как универсальное: «Цезаризм – понятие современной политической теории, охватывающее ряд специфических политических форм и отношений власти с общими родовыми особенностями: от принципата Августа в древнем Риме до «законных монархий в обществах Старого порядка, от византийских «народных императоров» до Наполеона I и бонапартистских политических форм XIX в., от «плебисцитарных демократий» XX в. до

¹ Звавич В.И., Ловцов А.С. Особенности поиска документов зарубежной архивной Россики // Вестник архивиста. 2009. № 4(108). С. 28-38; 2010. № 1 (109). С. 66-86; Сабенникова И.В. Российская эмиграция 1917-1939 годов: структура, география, сравнительный анализ // Российская история. 2010. № 3. С. 58-80; Сабенникова И.В., Гентшке В. Л. Зарубежная архивная Россика: география размещения, выявление, публикация источников. М.: Новый хронограф, 2014. 401 с.

² Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (факультет социальных наук).

авторитарных политических режимов первых десятилетий XXI века». Констатируется заметный рост интереса к этому явлению: «В последние годы междисциплинарный анализ цезаристских форм власти занимает в социальных науках все большее место, предоставляя концептуальные инструменты для лучшего понимания происходящих сегодня событий»¹. Такое внимание к теме цезаризма объясняется не в последнюю очередь тем, что она охватывает сложный порядок отношений либеральных и авторитарных трендов современного мира, отражающий гибридные политические формы глобализирующегося мира². Достаточно сказать, что обсуждение российского республиканизма в сравнительной перспективе выявило устойчивый интерес к этой теме на протяжении нового и новейшего времени, связанный с поиском альтернативы абсолютистской модели власти в форме самодержавной монархии или советской однопартийной диктатуры³. Понятие демократического цезаризма позволяет уточнить более общее понятие авторитаризма и показать специфические формы популистских режимов в сравнительной перспективе.

Некоторые аспекты темы обсуждались в Фонде «Либеральная миссия» в связи с определением специфики постсоветских и современного российского политического режима, степени его устойчивости и перспектив трансформации, а также для выяснения возможных путей этой трансформации⁴. Демократический цезаризм представлен многообразием форм и проявлений, что делает его устойчивой рамкой для описания режимов ограниченного плюрализма очень разного типа – от почти демократических до

¹ Республиканизм: теория, история, современные практики. Программа Шестой общероссийской научной конференции по теме – Цезаризм: от Греко-римской Античности до наших дней. СПб.: Европейский университет, 16 декабря 2022.

² Медушевский А.Н. Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка. М.: Direct Media, 2023.

³ RES PUBLICA. Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Под ред. К.А. Соловьева. М.: НЛО, 2021.

⁴ Параметры этих дискуссий см.: От революционной романтики к пониманию смысла: результаты дискуссии о перспективах трансформации российского политического режима. Фонд Либеральная миссия. URL: <https://liberal.ru/defense-of-democracy/ot-revolucionnoj-romantiki-k-ponimaniyu-smysla-rezultaty-diskussii-o-perspektivah-transformaczii-rossijskogo-politicheskogo-rezhima> Ранее: Переход России к плебисцитарной демократии. Интервью журналу «Гэфтер»: [http://gefter.Ru / archive / 24435](http://gefter.Ru/archive/24435)

почти диктаторских. Так называемый «системный либерализм» вовсе не исключает авторитарного вектора, а иногда легитимирует его. Наконец, эта тема приобрела актуальность в связи с новой волной конституционных поправок в странах постсоветского региона, начиная с России (конституционная реформа 2020) и продолжая государствами Средней Азии (Киргизия, Казахстан, Узбекистан 2020-2023 гг.), политические режимы которых также описываются иногда в категориях направляемой демократии и демократического цезаризма.

Но остается дискуссионным ряд вопросов: как определить содержание демократического цезаризма – это социальный порядок, форма правления или совокупность технологий управления; как соотносится это понятие с рядом других, используемых в литературе – авторитаризм, плебисцитарные режимы, диктатура и проч.; насколько его исторические и, можно сказать, хрестоматийные формы, инструктивны для понимания современных процессов, развивающихся в условиях глобализации, на иной социальной основе, в других правовых рамках и с использованием иных технологий власти; имеет место полноценное воспроизводство цезаристских форм политического устройства или их имитация, пусть и для достижения сходных целей. Насколько современный российский политический строй и режим соответствуют этим параметрам?

1. *Демократический цезаризм как синтез свободы и безопасности.* Он возникает в переломные эпохи, когда демократический идеал равенства достигает высшего предела, угрожая свободе индивида. Доведенный до своего предела идеал равенства означает уже не формальное, а фактическое (или материальное) равенство, обеспечение которого (напр., в коммунистическом учении Г. Бабефа) означает полное отрицание индивидуальной свободы и царство террора. Общество готово пожертвовать этим идеалом равенства ради стабильности и безопасности существования и допускает возможность скорректировать идеал представительной демократии (в сторону ограничения). Демократический цезаризм, поэтому, – явление, воспроизводящееся неоднократно, едва ли не циклически – как завершение всех крупных революций на их заключительной стадии. В теории права Нового времени эта дилемма выбора между

свободой и безопасностью выражается в двух различных трактовках общественного договора как основы конституции – инструмента для защиты прав (Локк и Монтескье) и для защиты безопасности (Гоббс, К. Шмитт). Т. Джефферсон указывал, что в чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих существованию нации, свобода может быть ограничена во имя безопасности и эта проблема должна иметь конституционное решение. Конституционным решением является наделение персоны главы государства диктаторскими (чрезвычайными) полномочиями (наподобие временной диктатуры в Риме), но с существенными оговорками – ограничением круга этих полномочий, времени их действия и введения механизма отмены для восстановления нормального правового порядка по истечении кризиса. Если, однако, эти полномочия становятся неограниченными, а их действие бессрочным, возникает опасность цезаризма, то есть персонального авторитарного правления, лишь внешне ограниченного конституционными рамками.

2. *Наиболее известными примерами того, что определяется как демократический цезаризм* обычно выступают: 1) переход от Республики к империи в Риме (пожизненная диктатура Цезаря и возникновение самого понятия – цезаризм); развитие этой системы Принципатом Августа, формально сохранявшим традиционные республиканские формы, но полностью дезавуировавшим их на практике, обеспечив известным принцип – «первый среди равных»; 2) Французская революция (конфликт принципов народного суверенитета и представительного правления, снятый в рамках бонапартизма); 3) Веймарская республика (приход нацистов к власти в результате выборов с последующим использованием института чрезвычайного положения для установления диктатуры).

3. Преимущественное значение для выработки концепции демократического цезаризма (как модельный кейс) представляет *бонапартизм*, давший прагматическое соединение двух ключевых (и противоположных) идей Французской революции – народного суверенитета (власть исходит непосредственно от народа и подчиняется его воле) и представительного правления (власть народа может быть делегирована его представителям) – соединения, доведенного до создания персоналистского правления

(воля нации представлена одним человеком – Первым консулом). Отсюда – *двойная легитимность данного режима* – народная и персоналистская, синтез которых позднее получил выражение в имперской форме (Наполеон получил власть по воле французского народа и в силу личных качеств), открывшей дорогу реставрации монархии (легитимность которой определяется уже целиком Божественным провидением). Это – примирение Старого порядка и идеологии Просвещения (принципов 1789 г.).

4. Полноценное *теоретическое осмысление бонапартизма*, однако, было сделано не в период Первой империи, но Второй империи. Это связано со спецификой ее возникновения, заставившей современников проводить сравнение с аутентичными принципами режима Первого консула. Данная специфика состоит в следующем: 1) избрание президентом республики в ходе революции 1848 г. никому не известного ранее авантюриста Луи Наполеона – «ничтожного племянника великого дяди»; 2) совершение им анти-республиканского переворота 1851 г. по единственной причине – стремления сохранить власть в условиях исчерпания конституционного срока президентских полномочий (отмена ст. 45 Конституции 1848 г.); 3) установление Второй империи, которая, вопреки прогнозам, просуществовала длительное время (20 лет) до поражения во Франко-Прусской войне 1870 г. Это был первый анти-либеральный и очевидно антиконституционный переворот новейшего времени. Современники были шокированы как легкостью переворота, так и тем обстоятельством, что одной из ключевых причин его успеха стал «наполеоновский миф» – само имя Наполеона, обеспечившее поддержку широких масс населения. Сегодня, с появлением термина «популизм» это уже не вызывает удивления и становится почти нормой во многих странах мира, где электоральным путем к власти приходят не профессиональные политики, а артисты, представители шоу-бизнеса и вообще маргинальные элементы.

5. Причины успеха переворота Луи Наполеона стали не только темой европейской общественно-политической дискуссии, но и *размежевания теоретических объяснений*. Они представлены с позиций формирующихся идеологий XIX в. – либеральной, революционной и реформистской. *Либеральная концепция* ассоциируется с Виктором Гюго, написавшим специальный

памфлет о Наполеоне Малом (Napoleon le petit) – своего рода театральный сценарий событий переворота в виде новой версии античных представлений о сопротивлении народа тирании с «принцем-президентом» в главной роли тирана¹. В данной концепции, развивающей идеи Б. Констана, упор сделан на осуждение «военного деспотизма» с нравственных и правовых позиций – как попрания либеральной конституции 1848 г. с целью узурпации власти авантюристом Луи Наполеоном. *Революционная трактовка* переворота 1851 г. представлена в сочинении К. Маркса – «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»². Установление бонапартистской диктатуры предстает контрреволюционным переворотом – следствием страха мелкой буржуазии, прежде всего крестьянства («мешок с картошкой»), – перед пролетарской революцией. Специфика бонапартизма усматривается, поэтому, в его способности к межклассовому лавированию, придающей ему значительную автономность и потенциал регулировать социальные отношения и конфликты сверху. *Реформистская доктрина* представлена П.Ж. Прудоном, который увидел в перевороте путь к осуществлению социальных реформ и даже реализации анархической программы по отмене государства с его основными институтами в виде парламентаризма, политических партий и «отрицания самого монархического суверенитета». Будучи очарован фигурой Луи Наполеона, с которым был знаком лично, он увидел в нем продолжателя дела своего дяди – доведения революционной диктатуры до логического конца: если «Первый консул пришел завершить первую фазу революции, то президент открывает следующую»³. Представители всех трех идеологических течений видели причину успешности переворота в общей индифферентности масс, однако объясняли содержание политического режима по-разному – как отрицание правового государства, феномен классового конфликта, либо программу революционных преобразований «сверху». Ближе всего к пониманию сути демократического цезаризма подошел, вероятно,

¹ Victor Hugo. Napoleon le Petit. Paris, 1964.

² Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8.

³ Proudhon P.-J. La Révolution sociale démontree par le Coup d'Etat du Deux Décembre // Oeuvres Completes de P.-J. Proudhon. Paris: Marcel Riviere, 1936. Tome 9. P. 153-154.

А. де Токвиль, известный крайне скептическим отношением к демократии как школе конформизма и господстве посредственности. В своих Воспоминаниях, говоря о революции 1848 г. и избрании Луи Наполеона президентом, он констатировал неразрешимое противоречие принципов коллективистского равенства (выдвигавшихся социалистами) и политической свободы в ее либеральной трактовке. Выход усматривался в достижении социального компромисса и формуле политического центризма. Отсюда следовал вывод о неизбежности авторитаризма, подтвердившийся вскоре установлением новой империи – «внебрачной монархии»¹. С позиций современного исторического опыта можно констатировать, что эти объяснения современников Наполеона III не столько противоречат, сколько дополняют друг друга. Действительно, пассивность атомизированного общества, расколотого на социальные слои с разными интересами, открывает путь острого социального конфликта, преодолеть который возможно достижением компромисса под контролем власти. Это ведет к установлению авторитарного режима, способного выполнять как консервативные задачи, так и функции модернизации, или делать это попеременно, лавируя в меняющейся социальной среде и формируя ее в собственных целях.

6. *Причины популярности бонапартистской модели и ее постоянного воспроизводства в истории, как Франции, так и других стран, связаны с прагматическим решением сложной идеологической проблемы. Прагматическая суть бонапартистского проекта* – в том, что он позволяет совместить демократическую легитимность (всеобщее избирательное право) и возможность для государства (политической власти) поддержать стабильность и активно вмешиваться в процесс модернизации общества. Несмотря на различие их социальной базы и форм, со временем выработалась *идеология и практика режимов данного типа*: 1) идеологическому утопизму он противопоставляет прагматизм; 2) традиционализму – рационализм (технологическую модернизацию); 3) революции – реформы сверху; 4) коммунизму – национализм (патриотизм); 5) коллективизму – укрепление частной

¹ Tocqueville A. de. Souvenirs. Paris: Gallimard, 1964.

собственности; 6) классовому расколу – единство общества; 7) распаду государства – сохранение незыблемости его исторических границ; 8) социальной анархии – правовую стабильность; 9) децентрализации власти – ее централизацию; 10) слабому государству – сильное государство (с экспериментами во внешней политике и использованием внешней экспансии как способа консолидации общества). Разве не таково содержание современных популистских режимов, отстаивающих единство нации и ее правовой идентичности перед угрозой их абсорбирования транснациональными структурами?

7. В политической сфере характерными чертами данных режимов становятся: 1) идеология консерватизма (как антитеза идеологии революции); 2) союз государства и церкви, которой отводится инструментальная роль в обеспечении консервативных ценностей и воспитательной политики (Конкордат Наполеона с Ватиканом, воспроизведенный позднее Муссолини и Франко); 3) централизация власти (вертикаль власти как основа управления); 4) ограничение независимости законодательной власти (антипарламентаризм); 5) дискредитация парламентских дебатов как «говорильни»; 6) отмена многопартийности и духа фракционной борьбы (партии могут сохраняться, но их роль становится более инструментальной); 7) подавление других автономных центров влияния – региональных нотаблей, олигархов, независимых СМИ; 8) превращение правительства в исполнительный орган, лишенный инициативы; 9) бюрократизация и милитаризация режима и выстраивание иерархии лояльности по отношению к высшей власти; 10) управление коррупцией как элемент неформальных сдержек и противовесов в карьере и мобильности гражданских служащих. Все эти черты цезаризма определенно представлены в постсоветской России. В целом – это режим мнимого конституционализма, централизации, бюрократизации и милитаризации. В отличие от классического абсолютизма (формально неограниченной власти), элементы конституционного контроля и институты его поддержания – сохраняются, но фактически перестают действовать.

8. Сравнительный подход выявляет различные формы демократического цезаризма – от воспроизводства классического цезаризма или бонапартизма до их гибридных вариантов,

связанных с появлением режимов мнимого конституционализма¹. Среди них присутствуют – исторический бонапартизм (Режим Первого консула и Первая империя во Франции), его модифицированная версия (Вторая империя); голлизм с его идеей «республиканского монарха» (и с его спецификой на разных стадиях длительной эволюции); авторитарные режимы межвоенной Европы, балансировавшие между авторитаризмом и тоталитаризмом (например, Муссолини в Италии, Франко в Испании, Салазара в Португалии, Пилсудского в Польше, не считая значительного числа менее ярких авторитарных и полуавторитарных режимов на Балканах или в странах Прибалтики); режимы делегативной демократии (в Латинской Америке, например, режим Х. Перона в Аргентине); националистические плебисцитарные диктатуры (режим Сухарто в Индонезии); контрреволюционные диктатуры (Чан Кай Ши в Китае), военные диктатуры, направленные, в том числе, на предотвращение установления власти социалистических правительств (как режим «Черных полковников» в Греции или военных диктатур Латинской Америки, прежде всего – в Чили). В большой сравнительной литературе о политических системах все эти режимы получают разные категориальные оценки – их определяют, как тоталитарные, корпоративистские, авторитарные, полу-авторитарные, гибридные, делегативные и проч., с учетом, в том числе, специфики на разных стадиях развития. В самом общем виде их можно определить, как режимы ограниченного плюрализма, дифференцируемые по степени интенсивности авторитаризма, но созвучные цезаристской концепции власти.

Приверженность традиции демократического цезаризма – не случайное явление и присутствует даже там, где для него нет социальных оснований. С этой точки зрения представляют интерес имитационные формы, наиболее известной из которых является, вероятно, режим Бокассы в Центрально-африканской Республике. Страна получила автономию в рамках Французского сообщества в 1958 г., а в 1960 г. обрела независимость. Если первая конституция (1959 г.) опиралась на французскую модель Четвертой республики

¹ О мнимом конституционализме см.: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1998 (втор. изд. 2015).

(парламентская система правления), то вторая (1964 г.) вводила уже систему голлистского типа Пятой республики – президентскую систему правления при однопартийном режиме. В результате переворота 1966 г. к власти пришел глава генерального штаба полковник Ж.-Б. Бокасса, создавший временное революционное правительство, управлявшее с помощью конституционных актов. В период с 1966 по 1976 г. ЦАР формально оставалась президентской республикой, на деле превратившись в диктаторское государство. Но 4 декабря 1976 г. республика была преобразована в империю, принята новая имперская конституция (по образцу французской), а Бокасса провозглашен императором. Это была разновидность дуалистической монархии – с наследственным монархом, выборным парламентом и единственной партией, пожизненным председателем которой являлся сам император. Идеология, символика и основные понятия данного режима (такие как «империя», «корона», «император» и др.) были заимствованы из Франции (за неимением их аналога в местном языке санго), а сам Бокасса видел свой идеал в Наполеоне, которому стремился во всем подражать, даже в мелочах своей коронации¹. Политический режим явно стремился использовать бонапартистский инструментарий, делая императора воплощением национального суверенитета, определяя его как «единственного и абсолютного гаранта мира», подчеркивая его приоритетную роль как главы армии и допуская конституционные изменения только на основе назначенного им референдума. Проявляя абсолютистские тенденции, данный режим позволял себе известную идеологическую гибкость, играя с социалистическими и либеральными идеями, но на деле означал монополию главы государства и его окружения на власть и ресурсы страны. Как утверждение Бокассы у власти, так и его свержение в результате переворота 20 сентября 1979 г. произошло по воле Франции и показывает совершенно несамостоятельный характер режима Центрально-африканской империи. Это африканское интермеццо бонапартизма, конечно, имеет мало общего с французским оригиналом, опирается на другие социальные представления (не

¹ Мельников Е.Н. Государственный строй Центрально-африканской Республики. М.: Наука, 1984. С. 98.

нация, но совокупность племенных образований), представляет скорее фарс, но одновременно демонстрирует, каким образом внешние формы и атрибуты демократического цезаризма могут использоваться даже в совершенно архаичной культуре. Понятие демократического цезаризма выступает общей рамкой для описания этих режимов, крайне различных по своим социальным, идеологическим и политическим характеристикам, поскольку позволяет выявить взаимосвязь демократической легитимности с авторитарным характером власти и лидерства.

9. Каковы *рамки сравнительного подхода к изучению данных режимов* и не ведет ли использование понятия демократического цезаризма к сравнению несравнимого, т.е. функционирующих демократий с их противоположностью – авторитарными недемократическими режимами, просто прикрывающимися демократическими – конституционными и электоральными – формами? Это, на наш взгляд, именно тот вопрос, который следует задать себе при определении критериев определения демократического цезаризма. Такими критериями могли бы служить: 1) формальные конституционные основы власти, определяющие ее легитимирующую формулу и порядок осуществления (они могут быть вполне декларативными, но их значение определяется вкладом в легитимность политического режима); 2) сходство функциональных параметров – постреволюционная или пост-кризисная стабилизация общества, предполагающая сочетание демократических институтов с сильной исполнительной властью, фактически выведенной из-под демократического социального контроля для принятия непопулярных, но необходимых решений; 3) технологии осуществления власти, которые описываются обычно в категориях «политического лавирования» – между классами, социальными группами, правыми и левыми партиями, гражданскими и военными структурами, центральными и региональными элитами, а в более традиционных обществах – между этническими группами и кланами. Особенность использования технологий лавирования – их применение вне всякой прямой связи с какой-либо идеологией, если не считать таковой идеологию демократического цезаризма – с заимствованием и эклектичным сочетанием и быстрой сменой различных программных установок (которые имеют значение не

столько идеологического, сколько административно-политического контроля). Формула демократического цезаризма вырабатывается по итогам радикальных социальных революций и, поэтому, присутствует в дискуссиях как французской, так и русской, мексиканской, китайской, иранской революций, иногда в виде заимствования понятий консулата, бонапартизма, цезаризма и проч. В русской революции эти понятия фигурируют в дебатах о сталинизме, который современники определяли, как цезаризм, осознавая, впрочем, неполное соответствие этого понятия реальности тоталитарного режима. О цезаризме данной системы имеет смысл говорить не столько при описании режима, сколько личной власти Сталина, несомненно использовавшего данный инструментарий¹.

10. Специальная тема – *демократический цезаризм (бонапартизм) в России*: как объяснить, с одной стороны, популярность этой идеи (в виде «наполеоновского мифа») и, с другой, неэффективность всех попыток ее применения в истории. Очевидное объяснение первого явления – стремление к использованию формулы демократического цезаризма для модернизации страны: трансформации сословного общества в гражданское и самодержавия – в режим плебисцитарного авторитаризма как инструмента социальных преобразований. Вторая сторона проблемы – отсутствие примеров эффективной реализации бонапартистского проекта, – определяется, в первую очередь, слабостью социальных предпосылок его осуществления. Таким образом, бонапартизм, присутствуя как идеологический компонент практически всех преобразований, не смог стать в России самостоятельным трендом. Его развитие в России представлено пятью этапами, включавшими различные интерпретации демократического цезаризма. Начальным из них стал исторический бонапартизм – попытка прямого заимствования его программы декабристами – в «Русской правде» П. Пестеля, конструировавшего (в отличие от более умеренного крыла декабристов) «революционную диктатуру временного правления» – директорию, возглавить которую планировал он сам, воспроизводя

¹ Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX в. М.-СПб.: Центр гуманитарных исследований, 2017.

действия Первого консула. Последующие этапы развития концепции демократического цезаризма связаны с решением проблем преобразования русского общества по определенным направлениям: 1) бонапартизм как концепция аграрной трансформации, осуществляемой государством; 2) бонапартизм как либеральная альтернатива радикальной аграрной революции в виде народного бунта; 3) бонапартизм как программа модернизации традиционного общества; 4) бонапартизм как модель контрреволюционного переворота после установления большевистской диктатуры; 5) бонапартизм как военная альтернатива советской однопартийной диктатуре¹. Все эти модификации бонапартистской программы четко фиксируют вариативность стратегий российских реформ и поэтому заслуживают самостоятельного рассмотрения.

11. *Бонапартизм как концепция аграрной трансформации сверху*, начиная с периода отмены крепостного права – кануна и эпохи либеральных реформ 60-х гг. XIX в.: а) Бакунин и Герцен (как Прудон) полагали, что монарх может остановить революцию, став во главе нее; в) обсуждение либеральных проектов ограниченного представительного правления («конституция» М.Т. Лорис-Меликова и другие проекты) – вызывало у современников ассоциации с бонапартизмом; с) так называемый «аграрный бонапартизм» Столыпина ориентировался на социальное лавирование – идею опоры монарха на мелкую крестьянскую собственность для противодействия революции. Отсюда отсылки к патриотизму, собственности, сильному государству, отмене парламентаризма и бюрократизация - в стиле Бисмарка, который также рассматривался как бонапартист и сторонник этих идей, причем как в русской, так и немецкой литературе.

12. *Бонапартизм как либеральная альтернатива радикальной аграрной революции и большевизму*. Сперанский, вероятно, первый либеральный мыслитель, систематически определявший свою позицию по данному вопросу, в частности, – в рамках интереса к Кодексу Наполеона 1804 г. и стремления перенести его положения в Россию. В разработанном им проекте

¹ Подробнее см.: Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России. М.: Наука, 2005.

конституции улавливается знакомство с ее бонапартистским пониманием. В либеральной мысли пореформенной России эти идеи получили новый импульс в концепциях государственной школы (Чичерин, Кавелин, Градовский, позднее Коркунов), раскрывшей механизмы отношений общества и государства в русской истории. Некоторые из этих мыслителей (как К.Д. Кавелин) усматривали угрозу в немедленном отказе от самодержавия, указывая на негативные стороны плебисцитарной демократии и бонапартизма. Они обсуждали проблему *правового дуализма* – сосуществования в одной русской правовой системе двух различных правовых укладов – системы гражданского права, поддерживаемой государством и системы обычного крестьянского права, воспроизводившей тренды крестьянской общины – основного препятствия на пути формирования гражданского общества. Практическим выражением этой позиции стали усилия Витте и Столыпина по пересмотру правовых результатов Великой реформы в направлении размывания общины и облегчения выхода из нее. Столыпинский переворот 3 июня 1907 г. рассматривался либеральными современниками как своеобразная версия бонапартистского переворота¹. На этом фоне характерна рецепция в русской литературе начала XX в. идей М. Вебера и М. Ростовцева о плебисцитарном авторитаризме, трактовка которого опиралась на изучение аграрной истории Рима – переход от Республики к Империи как результат развития капитализма, обезземеливания крестьянства, изменения состава армии и, как следствие, установления цезаристского режима².

13. *Бонапартизм как социальная контрреволюция в интерпретации большевиков и других левых партий.* Эта позиция представлена уже в период первой русской революции 1905–1907 гг. Ленин определял бонапартизм следующим образом:

¹ Леонтович В.В. История либерализма в России. М. 1995. Гл. 12. «Государственный переворот 3 июня 1907 г.».

² Ростовцев, проводя аналогии между Римом и советской Россией, впрочем, прямо не использовал понятие демократический цезаризм применительно к большевизму, видя в последнем примитивный репрессивный режим, основанный на бюрократизме, милитаризме и тотальном полицейском контроле в преимущественно аграрном обществе. Он обращал внимание на подготовку большевиками всемирной гражданской войны, что делает важнейшими два инструмента их влияния – армию и пропаганду. См.: Ростовцев М.И. Политические статьи. СПб.: Наука, 2002. С. 166–179.

«бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную опору – монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, – заигрывать, чтобы управлять, – подкупать, чтобы нравиться, – браться с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке»¹. В дальнейшем он оперировал этим понятием применительно к политическому режиму Временного правительства, отмечая, в то же время, что, в отличие от классического (французского) «русский бонапартизм 1917 г. отличается рядом условий», сталкиваясь с нерешенностью коренных задач революции (земельного и национального вопросов)². С этих позиций левые – сторонники социалистических взглядов (Г. Плеханов и др.) оценивали режим Столыпина как «контрреволюционную диктатуру». Л. Троцкий видел смысл бонапартизма в надклассовом регулировании социальных отношений, различал «оригинальный» и «эпигонский» бонапартизм, но считал, что его социальные предпосылки в России не сформировались, а «худосочный бонапартизм» Керенского представляет собой скорее кратковременный «баланс буржуазии и демократии»³. В условиях гражданской войны после 1917 г. отношение к бонапартизму как прямой альтернативе большевизму принималось как его противниками, так и сторонниками – для либеральных противников большевизма (Новгородцев, Милюков) военные режимы генералов Корнилова, Деникина, Колчака были естественным порождением революции и формой ее окончания в классических формах военной диктатуры⁴; для сторонников большевизма – формой контрреволюционной бонапартистской реакции. В целом, эта «классовая» трактовка бонапартизма делала представление о нем очень неопределенным, позволяя применять к разным политическим режимам, включая диктатуру Ленина. В этих интерпретациях бонапартизм получал разное социальное содержание, а единственное, что их сближало – это идея лавирования, которое присуще политике как таковой.

14. *Бонапартизм как модель «термидорианского*

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 17. С. 273-274.

² Там же. Т. 31. С. 20; Т. 33. С. 13; Т. 34. С. 51; Т. 43. С. 208.

³ Троцкий Л.Д. История русской революции. М., 1997. Т.2 (1). С. 145.

⁴ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 572-573.

перерождения» революционного авангарда в условиях новой экономической политики большевиков (НЭП). Все деятели русской революции проводили ее сравнения с Французской и считали, что она может завершиться сходным образом. Одни (контрреволюционные эмигранты) – с надеждой (Милюков, Устрялов), другие (лидеры большевизма) – с опасением. В книге «Преданная революция» и других сочинениях о сталинском режиме Троцкий оценивал этот режим как «советский термидор», открывающий путь бонапартизму¹. В дальнейшем он определял сталинизм как разновидность бонапартизма и цезаризм современной эпохи, что давало возможность сравнивать его с другими диктатурами – Муссолини, Гитлера, Пилсудского, Примо де Риверы, Чан Кай Ши и др. «Власть Сталина, – констатировал он, – представляет собой современную форму цезаризма. Она является почти незамаскированной монархией, только без короны и пока без наследственности»². Эта оценка, связывающая бонапартизм с восстановлением капитализма, – безусловно, не верна в отношении сталинского режима, но отражает его сходство с другими диктатурами данного периода, общей особенностью которых стала опора на массовое сознание и механизмы манипулирования им для достижения своих целей.

15. *Бонапартизм как военная оппозиция однопартийной диктатуре.* Обсуждение этой темы русской эмиграцией в Париже концентрировалось на фигуре Тухачевского, который в своих сочинениях демонстрировал понимание логики бонапартизма. Идея «Русского Наполеона» последовательно возникала в умах как эмиграции, так и мыслящей части партийного аппарата, причем на всем протяжении советской диктатуры. «Военный компонент» бонапартизма выходил на первый план в дискуссиях о возможности свержения однопартийной диктатуры и указывал на технологии такого переворота (его предполагаемая подготовка приписывалась едва ли не всем выдающимся военачальникам советской эпохи). Эта идея дожила практически до конца советского режима. Снятие Г. Жукова с поста министра обороны Пленумом ЦК 26 октября 1957 г. мотивировалось Н. Хрущевым появлением «культы

¹ Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991. С. 213-225.

² Троцкий Л.Д. Сталин. М., 1990. Т. 1. С. 15.

личности Жукова и его склонности к авантюризму, открывающему путь к бонапартизму». Все попытки прямо использовать армию для радикальной трансформации российского политического режима – от декабристов до преодоления советской однопартийной диктатуры оказались не успешны, что свидетельствует об ограниченной политической роли вооруженных сил в данном типе общества. Тем не менее, роль вооруженных сил в свержении советского режима должна быть отмечена специально: то, что не удалось сделать генералу Л. Корнилову в 1917 г., удалось сделать президенту Б. Ельцину в октябре 1993 г., – роспуск советских институтов власти с опорой на часть армии, – с чем связаны его обвинения в бонапартизме со стороны коммунистов.

16. *Демократический цезаризм в современном обществе и конституционном государстве*. Рассмотрение диктатур с позиций их конституционного оформления позволило К. Шмитту разделить их на два типа – *суверенные* (создающие новый порядок с революционным разрывом правовой преемственности) и *комиссариальные* (создаваемые на базе действующего права): в первых глава государства (диктатор) использует политический кризис для низвержения существующего конституционного порядка и создания нового; во вторых, напротив, опирается на конституционный порядок, действует во имя его защиты и восстановления докризисной стабильности. Второй тип диктатуры, восходящей к римским традициям (диктатора, избираемого на определенный срок), более чувствителен в отношении правовой легитимности и внимателен к процедурам ее формального поддержания¹. Это относится и к возможным вариантам формирования такой власти – от использования насилия до вполне легитимной передачи власти. Вариантом такого формирования сильной власти в демократическом обществе становится «*конституционная диктатура*» – правовое закрепление за главой государства неограниченной (или близкой к ней) власти с наделением его соответствующими полномочиями на ограниченный или бессрочный период времени. Само понятие конституционной диктатуры наиболее полно обосновано в книге К. Росситера – «Конституционная диктатура: кризисное правление в

¹ Schmitt C. Die Diktatur. München : Dunker und Humblot, 1921.

современных демократиях», изданной в 1948 г., но неоднократно переизданной и ставшей предметом современных дискуссий¹. Она определяется, в частности, как «система (или подсистема) конституционного правления, которая предоставляет определенным индивидам или институтам право создавать связывающие правила, давать директивы, принимать решения и применять их в конкретных обстоятельствах, выходя за пределы текущих правовых ограничений их власти»². Данный вариант трансформации политического режима формально не идет в разрез с правовыми нормами и может быть реализован двумя основными способами – введением чрезвычайного положения (автоматически дающего исполнительной власти новые полномочия) или без его введения – путем направленных изменений (поправок) к конституции, меняющих весь баланс власти. В литературе вопроса некоторые полагают, что конституционная диктатура может быть признана даже особой формой правления и требует специального внимания с юридической точки зрения. Необходимо введение правовых ограничений данной системы – определение того, что есть кризис и каковы его масштабы, адекватность ему этих диктаторских полномочий главы государства, их продолжительность, механизм возврата к норме. В противном случае конституционная диктатура рискует превратиться в неконституционную – просто диктатуру, порывающую всякие отношения с правовой легитимностью и опирающуюся исключительно на силу. Различные трактовки бонапартизма в истории, рассмотренные выше, отражают постоянно воспроизводящийся тренд к так называемой «сильной власти», которая опирается на широкую легитимность в обществе и способна активно трансформировать его в переломные периоды развития, выступая при этом как автономная от общества сила. Социальная природа этой власти оказывается достаточно размыта, а ее формы могут быть очень разнообразны – от традиционной монархии, ищущей баланс между старыми и новыми социальными слоями до диктатуры, легитимированной конституционными

¹ Rossiter C. *Constitutional Dictatorship: Crisis Government in the Modern Democracies*. London-New York : Routledge, 2017.

² Levinson S., Balkin J.M. *Constitutional Dictatorship: Its Dangers and Its Design* // *Minnesota Law Review*. Vol. 94. 2010. No. 6. P. 1790–1866, 1805.

положениями.

17. *Современные формы конституционной диктатуры как разновидности демократического цезаризма* обсуждались в следующих ситуациях: а) Превентивное государство в США (после 11 сентября 2001 г., когда, с принятием «Патриотического акта», война с террором осуществлялась в рамках серьезного ограничения основных конституционных свобод); в) Особую группу конституционных диктатур составляют страны постсоветского пространства – к ним критики относят Венгрию и Польшу, собственно постсоветские страны – от России и Белоруссии до режимов Средней Азии; с) трансформация так называемых «новых демократий», где принятие западных демократических стандартов завершилось установлением популистских режимов с выраженными тенденциями к концентрации властных полномочий. Понятие конституционной диктатуры используется в литературе для широкого круга стран Азии, Африки, Латинской Америки, например, применительно к так называемым «смешанным демократиям», «имитационным демократиям» или «гибридным режимам» как новой модели диктатуры. Среди стран, определяемых как конституционные диктатуры, фигурируют Иран, Шри-Ланка, Египет, Филиппины, но также страны, ранее рассматривавшиеся как избравшие демократический вектор – Бразилия, Индонезия и Турция, превратившаяся в «конституционную диктатуру» в результате укрепления авторитарного режима Эрдогана¹. Особенно важен пример Турции, где после попытки государственного переворота была изменена система правления – со смешанной (парламентско-президентской) на президентскую, а режим Эрдогана начал интерпретироваться как «конституционная диктатура». В этом контексте отметим также вызывающие критику масштабные ограничения конституционных прав и свобод в странах ЕС в связи с пандемией коронавируса 2020-2022 гг., совпавшие с трудностями в других областях (ограничения Шенгена, миграции, ограничения свободы передвижения, перенос выборов, разгоны демонстраций и слежка

¹ Daly T.G. Democratic Decay in “Keystone” Democracies: The Real Threat to Global Constitutionalism? / I-CONnect. 2017. 10 May // URL: <http://www.iconnectblog.com/2017/05/democratic-decay-in-keystone-democracies-the-real-threat-to-global-constitutionalism-i-connect-column/> (дата обращения: 09.09.2023).

за ковид-диссидентами). Отражением этих процессов стала интернациональная дискуссия о возможности глобального чрезвычайного положения и угрозе глобального Левиафана¹. Обсуждение вклада новых информационных технологий выявило не только позитивные, но и негативные перспективы цифровизации общественной жизни, заставив осознать дилемму выбора между цифровым конституционализмом и цифровой диктатурой.

18. *Легитимация мер по сворачиванию демократии, парламентаризма и прав человека в условиях глобализации, информатизации и культурной поляризации мирового сообщества* напоминает о формуле демократического цезаризма и особенностях ее современной интерпретации. Легитимирующая формула демократического цезаризма, как отмечалось, имеет дуалистический характер – с одной стороны, опирается на принципы демократии, равенства и представительного правления (конституционная легитимность), с другой – доводит идею представительства до предела, допуская последовательное делегирование власти от суверена (народа) к его избранным представителям и от национальных парламентов – неизбираемым транснациональным структурам. Это не исключает и персональной легитимности деятелей популистского типа, способных аккумулировать массовый протест против эрозии ценностей, институтов и элит массового общества². Утрата традиционных социальных ориентиров, размывание среднего класса, дисфункция системы управления в современных демократиях становится основой популистских проектов, определяемых некоторыми как «медиа-бонапартизм». Под ним понимается установление информационного манипулирования в обществе со стороны новых несистемных политических сил, требующих возрождения традиционных демократических добродетелей, утраченных в ходе глобализации. Соединить два легитимирующих начала демократического цезаризма – демократию и авторитарного лидера – становится возможным путем обращения к технологиям плебисцитарного характера – плебисцитам, референдумам и иным

¹ Sheuerman W.T. The End of Law. Carl Schmitt in the Twenty-First Century. London-New-York: Rowman and Littlefield, 2020.

² Популизм как общий вызов. Под ред. К. Крауфорд и др. М.-Берлин: РОССПЭН, 2017.

формам непосредственной демократии, связанным с выражением доверия масс к этим новым антисистемным лидерам правой или левой направленности.

19. *Эволюция российской политической системы в контексте конституционных поправок 2020 г.* – вписывается в концепцию демократического цезаризма и конституционной диктатуры¹. Без формального разрыва с прежней конституционной преемственностью, поправки изменили баланс конституционных ценностей и приоритетов – с защиты прав на обеспечение безопасности. Изменения затронули именно те аспекты, которые характерны для конституционного авторитаризма: отношения международного и национального права в пользу последнего; конституционные ценности (приоритет консервативным ценностям); ограничения федерализма; сворачивание разделения властей; общая унификация и централизация власти в рамках концепции единства системы публичной власти; изменения системы правления (установление формального контроля президента над правительством); выведение силового блока из-под контроля правительства в пользу президента; решение вопроса о транзите власти путем «обнуления» предшествующих сроков действующего лидера (корректировка ч. 3 ст. 81 специальной «оговоркой»), позволяющее действующему главе государства оставаться у власти до 2036 г. Характерно обновление легитимирующей формулы в рамках которой президент выступает гарантом не только конституционного строя, но вообще мира и согласия. Принятие поправок сопровождалось конституционно не предусмотренными процедурами – плебисцитом в виде Всероссийского голосования по закону о поправке и принятием заключения Конституционного Суда, что напоминает традиционные бонапартистские технологии (плебисциты и Сенатус-консульты). Конституционная реформа в России 2020 г. и последующие законодательные изменения отсылают к *логике и традициям демократического цезаризма, бонапартизма и конституционной диктатуры*. В результате реформы 2020 г., технически решен вопрос транзита власти, причем в форме, которую не удалось

¹ Медушевский А.Н. Переход России к конституционной диктатуре: размышления о значении реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение, 2020. Т. 136. № 3. С. 33-50.

предсказать многочисленным комментаторам накануне этого мероприятия. Глава государства получает особый статус – определяет смысл конституционных принципов, стоит над системой конституционных ограничений, способен фактически оставаться у власти пожизненно или передать ее по своему усмотрению. В качестве гаранта мира и согласия, безопасности и самой конституции, он несет ответственность только перед Богом и Историей. Судьба конституционного и политического режима отныне связаны с судьбой и успехом провиденциальной личности главы государства.

20. *Прагматическая оценка режимов демократического цезаризма* приводит к неоднозначному выводу. Данная система может быть результативна в условиях кризиса, а оценка успешности зависит от его исхода. Под успехом следует понимать способность режима демократического цезаризма решить те проблемы – внутренние или внешние, – которые привели к его утверждению у власти. Степень устойчивости таких режимов связана с их способностью консолидировать социальную поддержку и обеспечить легитимность лидерства. Внутренние вызовы при этом могут компенсироваться ответами на внешние вызовы, обеспечивая мобилизационную поддержку национального лидера, противостоящего внешней угрозе. История таких режимов знает примеры эффективного и неэффективного решения этой проблемы. Юлий Цезарь был чрезвычайно успешен в условиях ведения внешних войн и гражданской войны, но пал жертвой внутреннего заговора сенаторов; оба Наполеона потеряли власть в результате поражения в войне; режим «республиканской монархии» Де Голля позволил решить проблемы постколониального восстановления Франции, но утратил легитимность и социальную поддержку в условиях внутреннего кризиса – студенческого бунта 1968 г. Судьба той политической конструкции, которая возникла в постсоветской России и получила оформление в виде конституционной диктатуры 2020 г., непосредственно зависит от итогов СВО на Украине.

Ассоциации текущей политической ситуации с цезаризмом (бонапартизмом), казавшиеся многим не вполне корректными, неожиданно обрели смысл в связи с «маршем справедливости» – вооруженным выступлением Е. Пригожина в июне 2023 г.,

получившим официальную оценку как попытка военного мятежа. Это событие показало сразу несколько важных аспектов политической системы – ее неустойчивость и уязвимость власти; способность вооруженных сил или их части подготовить и спланировать такое выступление; появление элементов бонапартистско-цезаристской программы, апеллирующей к населению с популистской критикой несправедливости и недееспособности власти в критической ситуации; наконец, неудачу этого предприятия, не получившего достаточной поддержки в обществе, элите и вооруженных силах. В современной публицистике проводятся сравнения ситуации с событиями 1917 г. и 1991-1993 гг., если не говорить о поиске более архаичных аналогий, заставляющих задуматься о вкладе вооруженных сил в смену режимов и причинах успешности или, как правило, не успешности подобных действий в России. В то же время становятся понятны некоторые существенные особенности и ограничения современной российской политической машины. Отрыв власти от общества, ее концентрация в узком пространстве силовых структур и правительственных коммуникаций, делает ее достаточно уязвимой для любого значительного внешнего механического воздействия, заставляя все более опираться на силовой компонент поддержки, что ставит главу государства в зависимость от его легитимного применения. Успех режима, следовательно, коррелируется со степенью эффективности силовых ответов на комплекс вызовов соответствующей эпохи. Но, по мере стабилизации, выясняются общие ограничения режимов демократического цезаризма – гиперцентрализация и бюрократизация системы управления, склонность к опоре на силовые структуры в ущерб гражданским, персоналистский характер власти, что делает их менее эффективными в длительной перспективе, зависимыми от судьбы лидера, и ставит вопрос о возвращении к «нормальности» в форме конституционной демократии.

Итак, выясняются причины современного интереса к демократическому цезаризму в условиях атомизации и деполитизации общества, вызванных эрозией традиционного социального консенсуса и целой совокупностью факторов глобализации. Возрастает значение уверенной и предсказуемой

стратегии политической власти. В массовом сознании она ассоциируется сегодня с системой демократического цезаризма. Данная система позволяет совместить два совершенно противоположных начала – демократическую легитимность (в виде всеобщего избирательного права или плебисцитов) и возможность автономного статуса для политической власти, действующей поверх традиционных институтов парламентаризма, многопартийности и других форм социального контроля. Будучи одной из разновидностей режимов ограниченного плюрализма, режим демократического цезаризма обладает способностью к достижению прагматического компромисса между противоположными идеологическими, социальными и политическими силами, лавированию в меняющейся расстановке общественных приоритетов. В силу этого он может выполнять функции посткризисного урегулирования, однако действовать в совершенно разных направлениях – стимулируя модернизацию или тормозя ее. Понимание этой особенности режима демократического цезаризма (и конституционного авторитаризма) открывает разные пути его трансформации, – в направлении правового режима или его жесткой авторитарной версии. Исходя из этого меняется роль самого Цезаря, который может выступать «республиканским монархом» функционирующей демократии или диктатором, ставящим приоритеты личной власти над интересами общества.

К.А. Соловьев¹

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

Общественное движение – явление почти неуловимое. Его масштабы трудно описать, а локализацию – выявить. В значительной мере это объясняется тем, что речь идет не о партийных структурах с претензией на строгую организацию и ясно

¹ Соловьев Кирилл Андреевич – доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

очерченную структуру. Общественное движение разворачивалось в кружках и салонах и, прежде всего, на страницах газет и журналов, зачастую нелегальных. И все же было бы неверным обходить молчанием вопрос о его географической локализации, о характерной для него региональной специфике. Это свойственно явлениям даже малого масштаба.

Своя география была даже в кружке «Беседа», в котором состояло 55 человек. Там были представлены преимущественно центральные нечерноземные губернии. Из 43 «собеседников» 27 работали в земствах Московской, Тульской, Орловской, Курской, Владимирской, Ярославской, Тамбовской, Рязанской, Тверской губерний. Больше всего было земцев из Московской (7 членов «Беседы»), Тульской (8) и Орловской (4) губерний. Столь же многочисленны были представители Саратовской губернии (5 человек). Правда, это исключение из правила: отдаленные от Москвы губернии были, в целом, представлены относительно скромно. Так, «Беседу» посещали земцы Псковской, Харьковской, Полтавской, Самарской, Смоленской губерний¹.

Как уже не раз отмечалось, протопартийные организации были крайне малочисленны. Однако им хотелось походить на большие партии, что подразумевало организацию (или, по крайней мере, симуляцию) местных отделений. Осенью 1903 г. таковыми стал обзаводиться «Союз Освобождения». «Большая петербургская группа» – старейшая из отделений «Союза...». В Москве «освобожденцев» было заметно больше и, пожалуй, они были более деятельны. Возникла группа в Киеве, в нее вошли весьма заметные фигуры: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Водовозов... Учредить отделение было непростым делом. Прежде всего, по той причине, что в Киевской губернии не было земства, а именно на него «освобожденцы» в первую очередь и рассчитывали. Киевская же городская дума преимущественно состояла из консервативных элементов. Тем не менее, можно было не без оснований надеяться на поддержку профессуры, адвокатов, железнодорожных служащих, гимназических учителей и многих других. Правда, далеко не вся интеллигенция спешила записаться в «Союз Освобождения». В частности, это не сделал князь Е.Н. Трубецкой,

¹ Протоколы кружка «Беседа» // ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 1-3.

которого не устроила позиция журнала «Освобождение» в ходе русско-японской войны. Он полагал неприемлемым поражение в какой-либо форме¹.

В каждой губернии был особый социальный расклад, с чем приходилось считаться. Были сложности и иного рода. Стоит оставить за скобками более чем очевидный факт, что участие в противоправительственной организации отнюдь не поощрялось властями. Пожалуй, интереснее другое: такого рода кружки, союзы, провинциальные группы общероссийских объединений по идее должны были спланироваться посредством общего дела. В чем же оно заключалось, сформулировать было не так просто. По словам князя Д.И. Шаховского, местные отделения «Союза Освобождения» не были обременены обязанностями. В первую очередь они отвечали за доставку журнала, а этот вопрос был в целом решен и без их участия. Транспортировка издания достигла известного совершенства². Журналы добирались до своего российского читателя, но, правда, в малом количестве. «Освобождение» не продавали и не раздавали, а давали на время почитать. Желавшие ознакомиться с журналом записывались в очередь. По словам В.В. Водовозова, «каждый экземпляр шел по рукам и зачитывался даже [не] до дыр, а до полнейшего уничтожения, что было неизбежно, так как экземпляры, предназначавшиеся для пересылки в Россию по почте, печатались на исключительно тонкой, почти папиросной бумаге»³.

Как это доказала практика, журнал распространялся там, где существовали или только возникнут местные группы «Союза...». Он постепенно обрастал кадрами. К марту 1905 г. в его составе числились 1600 чел., входивших в 65 организаций. К началу съезда «Союза Освобождения» в марте 1905 г. удалось провести своего рода «инвентаризацию» имеющихся к этому моменту групп. В Москве таковых было 15, в которые входило 250 чел., в Петербурге – 7 (150 чел.), особняком стояла Петербургская еврейская группа (60 чел.), в Одессе – 2 группы (25 чел.), в Киеве – 6 групп (80 чел.), в Саратове – 8 групп (150 чел.), в Курске –

¹ Водовозов В.В. «Жажду бури...» Воспоминания, дневник. Т. 1. М., 2023. С. 356.

² [Шаховской Д.И.] «Союз освобождения»: Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России, 1902-1905 гг. С. 561.

³ Водовозов В.В. Указ. соч. С. 356.

3 группы (27 чел.), в Самаре – 2 группы (90 чел.). В Харькове в «Союзе Освобождения» состояло 80 чел., в Ростове-на-Дону – 40 чел., в Таганроге – 30 чел., в Тамбове – 25 чел., во Владимире – 5 чел., в Ярославле – 10 чел., в Костроме – 9 чел., в Вологде – 12 чел., в Красноярске – 18 чел., в Екатеринославе – 40 чел., в Воронеже – 50 – 60 чел. (и еще 30 чел. в уезде), в Казани – 12 чел., в Полтаве – 40 чел., в Смоленске – 15 чел., в Балашове – 7 чел., в Суме – 12 чел., в Туле – 12 чел. Численность групп в Дерпте и Нижнем Новгороде оставалась загадкой для руководства Союза¹. Около четверти всех членов объединения составляли земцы-конституционалисты.

Иными словами, речь идет о довольно скромной по численности группе – даже для 1905 г. Для сравнения, по сведениям П.Н. Милюкова, к Союзу союзов летом 1905 г. примыкало около 40 тыс. чел.² «Союз Освобождения» – это, прежде всего, городские группы. Едва ли удивительно, что объединение было лучше всего представлено в столицах. Князь Петр Долгоруков признавался, что без широкой поддержки силы «Союза Освобождения» и Союза земцев-конституционалистов ничтожно малы. Так, в Суджанском уезде Курской губернии имелось только 3 земца-конституционалиста и 60 земских служащих, которые принадлежали Союзу союзов (отнюдь не «Союзу Освобождения»)³.

«Освобожденцы» это знали и надеялись раздвинуть границы своего влияния. Они пытались воздействовать на профессиональные политические союзы. В.А. Герд вел работу среди учителей. Он делился своими впечатлениями с П.Б. Струве: «Я близко знаю “Союз педагогический”. Им поднята целая громадная волна сознательной политической работы. Из провинции летят полные жара послания и письма, а здесь по всем 12 районам происходят постоянно собрания, где не только разбирают политические темы, но слушают доклады; ведут деятельную работу по пропаганде идей в рабочих и других средах».

Герд предлагал задуматься, как оказывать влияние и на прочие союзы. Они по большей части были политически инертны: «Среди

¹ Съезд 25 – 28 марта. Черновик Протокола // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 230. Л. 98.

² Либеральное движение в России, 1902–1905 гг. М., 2001. С. 363.

³ Там же. С. 364.

этих союзов есть союзы политически мало сознательных общественных элементов – союз фармацевтов, ветеринаров, союз конторщиков и бухгалтеров. Я считаю, что завоевание этих союзов для политической борьбы и даже распространение среди них ненависти к современному строю было бы очень крупным приобретением для освободительного движения»¹.

Иными словами, «Союз Освобождения» рассчитывал стать массовой организацией. Однако относительно успешности этой работы уверенности не было. Объединение оставалось в пределах кружка городской интеллигенции или земских гласных. «Освобожденцы» надеялись, что их лидеры подскажут путь преодоления врожденной камерности. И тогда, в 1905 г., с мест шли жалобы: Совет «Союза Освобождения» ничего не делает; из центра нет указаний, никаких лозунгов. Впрочем, трудно было в этом обвинять руководство «Союза...» Всякий раз, когда вставала задача определиться, «освобожденцы» сталкивались с одной и той же проблемой: «При решении возможно ошибиться, не уловить момента, тут нужна уверенность, сознание своей силы, а у нас этого-то и нет. Мы не политическая партия, а политический клуб, где рождаются идеи, разносятся отсюда по всей стране и создают общественное мнение. Действовать как нечто целое мы не можем. Будем надеяться, что действовать будет Конституционно-демократическая партия»².

Политическая география – это не всегда губернии, уезды и города. Очень часто это конкретные дома с определенным адресом. Порой политика складывается из житейских обстоятельств, бытовых привычек и, прежде всего, личных связей. Обычай собираться в определенном доме в особой компании важнее многих программных документов. Это относится и к «Союзу Освобождения», и к Конституционно-демократической партии, которые разрастались вокруг широко известных московских очагов. В первую очередь, это дом Долгоруковых в Малом Знаменском переулке, где принимались многие ключевые решения: там собиралась «Беседа», проводились земские съезды. Современники также вспоминали дом Новосильцевых, где часто встречались

¹ Письмо В.А. Герда П.Б. Струве // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 69. Л. 178 об-179.

² Письмо «Е» П.Б. Струве // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

«освобожденцы» весной 1905 г. Совершенно особое значение было у квартиры Вернадских. Туда непрестанно приходили знакомые. Н.Е. Вернадская, жена Владимира Ивановича, не знала ни минуты покоя. Она стала секретарем только складывавшегося Московского городского комитета партии кадетов. Тут, в доме Вернадского, фактически располагался секретариат. Н.Е. Вернадской помогал ее сын Георгий (будущий известный историк), его однокурсник М.В. Шик (впоследствии зять Д.И. Шаховского). На помощь пришла «освобожденка» Ю.Г. Топоркова, О.А. Зернова, которая вскоре сама стала секретарем Московского комитета. Телефон в доме Вернадских звонил, не переставая¹.

Летом 1905 г. на съездах «Союза Освобождения» и Союза земцев-конституционалистов были избраны по 20 человек. Эти 40 человек составили комиссию, которая и подготовила первый съезд Конституционно-демократической партии. Заседания преимущественно проходили все там же: в усадьбе князей Долгоруковых (9 сентября – 6 октября 1905 г.). Сам ход обсуждения предстоявшего партийного форума говорит о многом. Организация создавалась не на пустом месте, была подготовлена почва. Имелись местные организации «Союза Освобождения», провинциальная пресса, общественные организации, профессиональные группы, национальные союзы. Участники совещания рассчитывали на поддержку Вольного экономического общества, столичных газет, профессиональных союзов (академического, присяжных поверенных, учительского и др.)². К концу декабря 1905 г. образовались 44 кадетских комитета в различных губерниях в России. Чаще всего они складывались вокруг местных печатных органов. В Московской губернии насчитывалось 1500 членов (к 1 января, по словам А.А. Корнилова, их было уже 2 тыс.). Разумеется, в каждом случае, в каждой губернии, многонаселенном городе положение было особое³.

До 1905 г. протопартийные организации могли в совокупности мобилизовать едва ли больше нескольких десятков тысяч человек во всей России. Их ядро – сотни человек на всю страну. Так, по подсчетам Н.Д. Ерофеева, накануне 1905 г. у эсеров было

¹ Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 118.

² Либеральное движение в России, 1902-1905 гг. М., 2001. С. 430.

³ Вернадский В.И. Хронология, 1905 // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 34. Л. 51-57.

43 организации, в которые входил 2651 чел., в большинстве своем интеллигенты и служащие¹. Как уже отмечалось, к марту 1905 г. в составе «Союза Освобождения» числилось приблизительно 1600 человек, входивших в 65 групп². До 1905 г. таковых было, разумеется, меньше. Все это стоит держать в голове, оценивая масштаб общественного движения дореволюционной поры и одновременно колоссальное значение событий Первой российской революции, которые драматически изменили политическую карту Российской империи. В 1905–1907 гг. в деятельности партийных организаций принимало участие «лишь» 0,5 % населения страны³. Это очень мало, но неизмеримо больше того, что было прежде. В 1906 г. большинство партий достигло локального максимума своей численности. В дальнейшем эти показатели только снижались, это продолжалось до 1917 г. Тогда случился новый взрыв, и численность партий резко возросла.

Через эти стадии так или иначе прошли все партии. Весной 1905 г. Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) включала в себя 60 комитетов, 105 групп. Они действовали в 79 губерниях и областях. Общая численность социал-демократов (большевиков и меньшевиков) составляла 26,5 тыс. чел. (14 тыс. большевиков и 12,5 тыс. меньшевиков). Кроме того, была Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (26 тыс. членов), Латышская социал-демократическая рабочая партия (14 тыс.), Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России). К началу 1907 г. в Партии социалистов-революционеров работали 13 областных, 78 губернских комитетов, 356 городских и уездных групп. Всего членами партии было около 65 тыс. человек. Преимущественно они представляли Поволжье, средне- и южночерноземные губернии. Кадетские организации действовали в 76 губерниях. В первую очередь речь идет о городских группах. 283 организации образовались в городах. 75 – в сельской местности. Кадеты оценивали свою численность в 70 – 100 тыс. человек. С ними, в целом, соглашался Департамент

¹ Ерофеев Н.Д. К вопросу о численности и составе Партии эсеров накануне Первой российской революции // Непролетарские партии в России в трех революциях. Сб. статей. М., 1989. С. 122-132.

² Протокол съезда «Союза Освобождения» // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 230. Л. 98.

³ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996. С. 9.

полицейской. В 1905 – 1907 гг. образовалось 260 отделов «Союза 17 октября». Вероятная численность партии – около 65 – 70 тыс. чел. Крайне правые организации действовали в 62 губерниях: это 2229 организации, в том числе 2124, которые принадлежали Союзу русского народа. По оценке местных властей, летом 1906 г. их совокупная численность составляла 253 тыс. К концу 1907 г. – около 410 тыс. Значительная часть организаций располагалась в украинских и белорусских губерниях¹.

Это общая картина, нуждающаяся в детализации. Валовые показатели не позволяют оценить масштаб и географический охват явления. По мнению современников, на массового избирателя партии большого влияния не имели². Победа той или иной партийной группы объяснялась отнюдь не популярностью ее платформы в широких кругах населения. В МВД были убеждены, что триумф кадетов на выборах в I Думу обусловлен способностью мобилизовать своего не слишком многочисленного избирателя³, правильно организовывать избирательную кампанию, привлекать молодежь к агитации в пользу объединения⁴. 9 октября 1906 г. на заседании Группы Центра Государственного совета Б.И. Ханенко объяснял коллегам, что в Киеве действовали только две группы – правомонархисты и кадеты. Все остальные были вынуждены примыкать либо к тем, либо к другим. Однако большинство населения оставалось полностью безучастным к партийной жизни⁵. Через полгода положение не очень сильно изменилось. 29 июня 1907 г., накануне выборов в III Думу, Г.Г. Лерхе писал А.И. Гучкову о настроениях в Москве (преимущественно среди октябристов): «В городе выборами интересуются очень мало. К сожалению, были попытки не только восстановить умирающие партии, как например торгово-промышленную, но даже устроить новые. И городские, и уездные комитеты («Союза 17 октября». – К.С.) развалились. Из

¹ Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии России в 1905 – 1907 гг.: численность, состав, размещение (Количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4. С. 71-76.

² См.: Rawson D. S. Rightist Politics in the Revolution of 1905: The Case of Tula Province // Slavic Review. 1992. Vol. 51. № 1. P. 108.

³ О причинах успеха на выборах в Государственную думу крайних партий // РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. 1906. Д. 40. Л. 9, 13, 15-16, 24.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ Выписки из протоколов собраний первого съезда Группы центра // ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

местных уездных представителей, которым я писал, получил ответ только от одного, из одиннадцати городских – только от четверых»¹. Согласно воспоминаниям С.И. Шидловского, партии не имели большого влияния и в Воронежской губернии. Депутатами становились благодаря личным связям и собственному авторитету².

Действительно формальные показатели при характеристике политических партий России начала XX в. не многое говорят, а иногда просто дезориентируют исследователя. На весну 1906 г. самая многочисленная партия в Москве – торгово-промышленная. Ее членами записалось 13 тыс. чел. Современники понимали ограниченную ценность этой информации. Многие приказчики записывались в партию по настоянию своих работодателей. Их сложно было отнести к безусловным сторонникам объединения. Второе место по численности в Москве занимал «Союз 17 октября». В этом объединении состояло 9 тыс. чел. Во второй столице насчитывалось 7 тыс. кадетов. Если отталкиваться от этих цифр, то невозможно понять природу триумфальной победы конституционных демократов на выборах в Первую Думу. Октябристы же в ходе электоральной кампании играли довольно скромную роль, торгово-промышленную партию и вовсе никто не заметил. Очевидно, влияние политических объединений отнюдь не сводилось к смотру их малочисленных рядов. Их главный ресурс – способность к мобилизации избирателей. В Москве (как, впрочем, и в других крупных городах) кадеты с этой задачей справлялись заметно лучше других. Конкуренцию им могли составить политические не справа, а почти исключительно слева: например, социал-демократы, которых насчитывалось 3,5 тыс. чел. Были и правые среди москвичей: 3,5 тыс. человек, принадлежавших ко всем фракциям этого многоликого движения³.

Политическая география России на 1906–1907 гг. многое говорит о состоянии общественного движения в предреволюционный период. Разумеется, было бы наивным без

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906-1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. С. 100.

² Шидловский С.И. Воспоминания. В 2 ч. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 109-110.

³ [Комаровский Л.А.] Дневник Л.А. Комаровского // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 94. Л. 105.

колебаний экстраполировать эти показатели на предыдущий период. Слишком уж изменилась Россия за 1905 г. И все же эти изменения случились не на пустом месте. Как уже отмечалось выше, ко времени революции была подготовлена почва. Она дала всходы, которые сравнительно просто зафиксировать благодаря выборам в Думу и легальному этапу партийного строительства.

В 1905 – 1906 гг. практически повсеместно политические партии были слабыми и малочисленными, интерес к ним со стороны населения – недостаточным, степень его вовлеченности в политические процессы – незначительной. Несомненно, в каждом конкретном случае имела место своя региональная специфика. Так, по оценке современного исследователя И.В. Нарского, на Урале партийные границы были более размытыми, чем в целом по России. Прежде, до 1905 г., «освободительских» организаций в регионе фактически не было. Кадетские и октябристские комитеты зачастую действовали совместно, проводили общие митинги и собрания. В Оренбурге даже попытались создать единую организацию. Общественная жизнь на Урале разворачивалась иначе, чем в целом в стране. Например, Пермское земство было настроено более консервативно, чем в Центральной России¹. Значительную часть кадетских комитетов на Урале составляли крестьяне, что явно противоречило общероссийской тенденции². Тем не менее, в сельской местности партийные организации не создавались³. Напротив, городские слои, как и везде, обеспечивали устойчивую поддержку кадетам⁴.

Это как раз было общим местом для кадетов разных губерний. По оценке О.А. Харусь, в 1906 г. основу организаций октябристов и кадетов составляли представители цензовой интеллигенции: профессора, юрисконсульты, чиновники, врачи, служащие торговых и промышленных фирм и др.⁵ То же можно сказать о нижегородских

¹ Нарский И.В. Кадеты на Урале. Свердловск, 1991. С. 17-20.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Харусь О.А. К вопросу о классовом составе октябристских и кадетских организаций в Сибири в период Первой российской революции // Непролетарские партии в России в трех революциях. С. 68-73.

кадетах¹. На 1906 г. в Брянском комитете партии кадетов из 69 членов 47 проживали непосредственно в Брянске. Абсолютное большинство местных конституционных демократов принадлежали к интеллигенции. На крестьян и рабочих деятельность Брянского комитета «не направлялась». Рабочие же «почти всецело состоят членами социалистических партий, имеющих здесь своих представителей в лице социал-демократов и социалистов-революционеров»².

Конституционные демократы видели свою силу в слабости «соседей». В ноябре 1906 г. Казанский комитет кадетов докладывал в Центральный комитет о стабильном положении партии в губернии. Правые партии были очень слабы и находились в состоянии непримиримого конфликта друг с другом. Левые занимали неустойчивую позицию и регулярно меняли свою тактическую линию. Кроме того, их немощь заключалась в организационной рыхлости³.

К февралю 1906 г. Киевская областная группа конституционных демократов подготовила подробный отчет о состоянии местных партийных дел. Речь шла о трех губерниях – Киевской, Волынской и Подольской. В Киеве насчитывалось 1400 кадетов (из них 100 студентов). Информация по уездам была явно неточной. Киевские кадеты, очевидно, завышали количество членов партии. По их подсчетам, в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии насчитывалось 24 тыс. конституционных демократов. Пожалуй, интереснее другие показатели, характеризующие лицо партии в украинских губерниях. 88% местных кадетов составляли мужчины, 12% – женщины, которые также активно участвовали в партийной жизни. В пределах черты оседлости кадеты могли рассчитывать на поддержку еврейского населения. Евреи составляли около 40% членов партии. В Киеве около 250 рабочих присоединились к кадетам, что совсем немало, учитывая общую численность группы. Около 2 тыс. огородников и садовников, проживавших на окраине города, выразили готовность поддержать

¹ Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905-1917 гг.). С. 25-29.

² Брянская группа Орловской губернии // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 303. Л. 1.

³ Письмо секретаря Казанского губернского комитета Конституционно-демократической партии 6 ноября 1906 г. // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 214. Л. 41-42.

партию. Зато купцы кадетов сторонились, предпочитая крайне правые партии. Духовенство, в большинстве своем, относилось к конституционным демократам резко враждебно. Мещан среди кадетов не было вовсе. То же можно говорить о городских служащих. Это не удивительно, так как в городских думах данных губерний безраздельно господствовали правые¹.

По оценке октябристов, на 1907 г. в Саратовской губернии устойчивое положение было у леворадикальных политических сил, эсеров и социал-демократов. Они сравнительно давно образовались и опирались на профессиональные союзы и клубы. Эти объединения пользовались особой популярностью среди служащих – инженеров, страховых агентов, врачей, ветеринаров и т.д. Социалисты организовывали работу местных читален и с их помощью оказывали непосредственное влияние на избирателей. Иными словами, речь шла о сложившейся инфраструктуре, которой в 1906 г. с успехом воспользовались кадеты, фактически не имевшие собственной сильной организации. По мысли активистов «Союза 17 октября», слабость позиции конституционных демократов была убедительно продемонстрирована в период выборов во II Думу, когда Партия народной свободы под давлением своих левых партнеров утратила прежде завоеванные позиции.

На другом фланге общественного движения стояли правые партии, образовавшиеся в конце 1905 г. У них было довольно много членов и даже своя боевая организация. Октябристы рассчитывали на союз с ними. Они делали ставку на альянс всех нереволюционных партий. По их оценке, в 1907 г., на выборах во II Думу, проиграли все партии: и октябристы, и кадеты, и Союз русского народа. Победила т.н. партия трудящихся (фактически трудовиков), у которой не было никакой программы. Они получили 8200 голосов, кадеты – 4100, октябристы – 2200, черносотенцы – 300².

В Рязанской губернии партийный расклад напоминал саратовский, но имел свою специфику. На 1907 г. октябристы отмечали наличие двух сил: левых и правых. Лидерами первых

¹ Отчет о составе, организации и деятельности Киевской областной группы Конституционно-демократической партии с 21 ноября 1905 г. по 14 февраля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 216. Л. 7-8.

² В Центральном комитете «Союза 17 октября» // Там же. Ф. 115. Оп. 2. Д. 14. Л. 1-3.

выступали кадеты, вторых – «Союз 17 октября». Городской избиратель преимущественно был настроен резко оппозиционно. Примерно то же можно сказать о крестьянах и священниках. Зато помещики солидарно голосовали за правых и умеренных¹.

В провинции политический расклад заметно отличался от столичного. Он в меньшей степени определялся интеллектуальным поиском дореволюционной поры. Преимущественно политически активные элементы в каждой губернии отвечали на вызов революции. Такое положение исключало богатство партийных красок. Речь шла о тех, кто сочувствовал происходившим и грядущим изменениям, кто был встревожен ими; о тех, кто выступал за порядок, и тех, кто предпочитал ему новый порядок. За партийными клише скрывались простые бытовые вопросы, имевшие свои особенности в каждой губернии.

Партиям приходилось агитировать на языке своего избирателя, по ходу дела корректируя и программные требования². Так, весной 1906 г. в Калужской губернии кадеты «развивали ту мысль, что они за царя стоят, но только чтобы он царствовал государством совместно с народом, а не с чиновничеством»³. Аналогичным образом дело обстояло в Костромской губернии, где кадеты декларировали свои монархические взгляды и преданность ценностям православной церкви и при этом заявляли о необходимости увеличения земельных наделов крестьян⁴. О том же доносили из Таврической губернии⁵.

Партиям приходилось учиться «слышать» своего избирателя. Он всюду имел свои характерные особенности. При этом были те черты, которые объединяли электорат в различных частях империи. В первую очередь бросается в глаза политическая немощь партий даже в период революции. Им не хватало ни кадров, ни денег, ни должной структурированности. Разумеется, до 1905 г. их возможности были и того меньше. Кроме того, левый спектр общественного движения мог рассчитывать, прежде всего,

¹ Доклад члена Рязанского комитета «Союза 17 октября» Л.А. Кученева о местной выборной кампании в 1907 г. в Государственную думу // Там же. Л. 26-29.

² О причинах успеха на выборах в Государственную думу крайних партий // РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. 1906. Д. 40. Л. 70 об-71.

³ Там же. Л. 21 об.

⁴ Там же. Л. 24 об.

⁵ Там же. Л. 58 об.

на городских избирателей. Весьма характерно распределение политических симпатий среди горожан на 1906 г.

Регион	Правые	Кадеты и прогрессисты	Левые	Беспартийные
Север	26%	60 %	13 %	1 %
Нечерноземье	32 %	57 %	11 %	-
Землевладельческий центр	22 %	65 %	9 %	4 %
Юг	6 %	62 %	28%	4 %
Северо-Запад	16 %	51 %	31 %	2 %
Поволжье	13 %	35 %	52 %	-
Урал	8 %	40 %	52%	-
Сибирь и Средняя Азия	7 %	15 %	75 %	3 %
Кавказ	3 %	13 %	77 %	7%

Дан Ф. Очерки политической эволюции буржуазных элементов городского населения // Общественное движение в России в начале XX-го века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1910. С. 134.

Если оставить «за скобками» Сибирь и Кавказ, можно говорить о стабильно высокой поддержке кадетов среди городских избирателей. В наиболее населенных регионах империи они могли рассчитывать на абсолютное большинство мандатов по городской курии. При этом в центральных и северных губерниях немалым влиянием пользовались правомонархисты и очень скромным – левые радикалы. Иными словами, либеральная оппозиция (при всей условности этой терминологии) – это преимущественно городское явление Центральной России и Северо-Запада.

В июне 1907 г. избирательное законодательство существенно изменилось, а политическая география – нет (или, по крайней мере, не столь существенно). Третья Дума по своему составу заметно отличалась от Первой и Второй. Самую многочисленную фракцию составили октябристы (154 депутата). Фракция умеренно-правых получила 69 мандатов. Конституционно-демократическая партия – 54. Группа прогрессистов – 28. Национальная фракция правых – 26. Социал-демократическая фракция – 19. Трудовая группа – 14. Польское коло – 11. Группа Западных окраин – 7. Таким образом, заметно выросло представительство октябристов и правомонархистов.

Характерно, что осенью 1907 г. лишь 7 губерний центральной России со сплошным русским населением выбрали правых своими представителями. 45% депутатов, принадлежавших к правому крылу Думы, были избранниками 6 западных губерний. 8 правых депутатов были представителями южных губерний: Бессарабской, Екатеринославской, Харьковской, Херсонской, Области Войска Донского. Националисты и правые октябристы были делегированы 9 западными губерниями (речь идет о 43% состава соответствующих фракций). 37% националистов и правых октябристов – представители 19 губерний землевладельческой России.

Иными словами, избиратели-правомонархисты в значительной своей части проживали не в Москве и Санкт-Петербурге, не в центральных губерниях страны, а на западных окраинах Российской империи, преимущественно на территории современной Украины и Беларуси. Именно там располагались крупнейшие отделения Союза русского народа. Впоследствии Киев стал центром и Всероссийского национального союза.

И все же первую скрипку в Третьей Думе играли октябристы. «Союз 17 октября» имел особую социальную базу. За октябристов преимущественно голосовала центральная Россия (60% состава фракции) (где работали земские учреждения). Западный край послал в Думу лишь трех депутатов-октябристов. Три члена «Союза 17 октября» были избранниками Астраханской губернии. Южные губернии дали 30% фракции «Союза 17 октября». Из 12 представителей прибалтийских губерний 7 входили в «Союз 17 октября».

Таким образом, «Союз 17 октября» в значительной мере пользовался поддержкой земской России. Земские собрания европейской части страны – социальная база объединения. В целом, многие депутаты были членами органов местного самоуправления – земств и городских дум. В Третьей Думе таких было 229 (47%) из 485. Причем в некоторых фракциях этот процент был выше: среди прогрессистов – 52%, правых октябристов – 55%, октябристов – 75%, независимых националистов – 88%¹.

¹ Демин В.А. Государственная Дума и местное самоуправление // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб., 2013. С. 163.

В Четвертой Думе деятелей органов местного самоуправления было еще больше. Они составляли более половины фракции кадетов (25 из 49), 47% группы правых, 59% прогрессистов, 60% русской национальной фракции и 61% националистов-прогрессистов, 79% правых беспартийных, 83% членов фракции центра, 88% земцев-октябристов и 92% группы Союза 17 октября¹.

Думские октябристы гордились своим «земским происхождением»², утверждая, что деловой настрой учреждений местного самоуправления они перенесли и в стены Таврического дворца. «Враги Третьей Думы усердно повторяли: “Это не законодательное, а просто большое земское собрание”, – вспоминал один из лидеров октябристов Е.П. Ковалевский. – В этом много правды, но я не вижу, чем такая правда может быть оскорбительна. Если Государственная дума является вместе с тем “земской” Думой, то это лишь естественное развитие от частного к общему, переход от местного хозяйства к государственному. Расширение масштаба несравненно легче и удобнее, чем сопоставлять план совсем без масштаба или применительно к чужой у нас не употребляемой мерке»³. Впрочем, критики народных избранников тоже вспоминали об их «земских корнях». 13 июня 1908 г. октябрист и, что важно, сам земский деятель, Н.В. Савич писал: «Дума превратилась в земское собрание; партийная дисциплина рушилась, всяк сам за себя»⁴.

На выборах в Четвертую Думу правительство делало все, чтобы сократить представительство октябристов. Эта тактика лишь отчасти оправдала ожидания властей. Авторитет «Союза 17 октября» был непоколебим во многих губерниях. В Казанской октябристы были столь хорошо организованы и, соответственно, обладали таким весом, что администрация не смогла помешать им провести в выборщики даже представителей левого крыла партии,

¹ Там же. С. 164.

² Brainerd M.C. The octobrists and the gentry, 1905 – 1907: leaders and followers? // The politics of rural Russia, 1905-1914. Bloomington – L., 1979. P. 86-88.

³ Ковалевский Е.П. Народное образование и церковное достояние в III Государственной думе. Речи, доклады и статьи Е.П. Ковалевского. СПб., 1912. Ч. 1. С. 55-56.

⁴ Представительные учреждения Российской империи в 1906-1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 108.

таких как А.Н. Баратынский и И.В. Годнев¹. В Воронежской губернии выборщики правых убеждений были вынуждены поддержать октябристов, чтобы не допустить избрания леворадикальных элементов². Кроме того, по подсчетам члена ЦК партии кадетов А.М. Колюбакина, в 18 губерниях октябристы, не обладая большинством, тем не менее могли предрешить исход выборов³.

Оппозиционные фракции (кадеты, прогрессисты и малочисленные социалисты) состояли из избранников центральных, поволжских и сибирских губерний. Юг России делегировал лишь 12 оппозиционных депутатов (т. е. 10% состава соответствующих фракций). Пермская, Уфимская, Оренбургская губернии послали в Думу практически исключительно оппозиционеров. То же можно сказать об эстонском и латышском населении прибалтийских губерний, о евреях Западного края⁴. Закавказье рассчитывало на представителей оппозиции и леворадикальных политических сил. 61% избранников Сибири – кадеты и прогрессисты. 39% – социалисты. Из 14 депутатов от Царства Польского 11 представляли Польское коло, то есть местных националистов⁵.

Жизнь менялась. Менялось и законодательство. Однако политическая география общественного движения оставалась довольно устойчивой, что вряд ли можно считать удивительным. Социальные подвижки не происходят в один день, а за политическими партиями стояли не только идеологические проекты (а в некоторых случаях – и не столько). Общественное движение – это тоже особая социальная среда, «пульсировавшая» в ритм политическим процессам в Российской империи. Она сжималась и расширялась, шумела и затихала. Часто в ее центре были коммуникативные связи, возникшие еще до 1905 г. Иногда они с легкостью локализуются: это клубы, дворянские имения, столичные

¹ О предвыборной кампании в IV Государственную думу по Казанской губернии // ГА РФ. Ф. 102. IV д-во. 1912. Д. 130. Ч. 24. Л. 20.

² Там же. Л. 66.

³ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии, 1912-1914 гг. М., 1997. С. 81-82.

⁴ Герасимов П. Личный состав Государственной думы // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. СПб., 1913. С. 124.

⁵ Там же. С. 125-126.

особняки. В любом случае, речь идет о городской среде Центральной России. Там разворачивалось общественное движение, которое одновременно и явление, и процесс. Но в то же самое время – это немногочисленные известные всей России люди, чьими усилиями и складывалась политическая жизнь в стране.

А.А. Сорокин¹

**ЗЕМСКОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.
В ОЦЕНКАХ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»**

К началу XX в. вопрос о реформах и развитии земского самоуправления (и, прежде всего, избирательной системы) являлся предметом широких дискуссий. Активное участие в его обсуждении принимали как институты городского и земского самоуправления, инициировавшие целый ряд соответствующих ходатайств, так и периодическая печать.

Среди либеральных изданий значительное место на своих страницах проблемам развития земского самоуправления отводил журнал «Вестник Европы» (помимо рассмотренных в данной статье аспектов журнал также особое внимание уделял вопросам учреждения мелкой земской единицы, чему было посвящено отдельное исследование автора²). Его редакция в целом критически относилась к Положению о земских учреждениях 1890 г., отмечая, помимо прочего, негативное влияние администрации в процессе утверждения на земских должностях. Согласно данным оценкам, если по Положению 1864 г. «ничто не мешало земским собраниям поручить ведение земского дела

¹ Сорокин Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

² Сорокин А.А. Дискуссии об учреждении мелкой земской единицы в начале XX в.: взгляд либералов (по материалам журнала «Вестник Европы») // Российский либерализм в исторической перспективе / материалы Международной научной конференции. 7-8 октября 2022 г., г. Орел / Под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. Д.В. Аронова. Орел, 2022. С. 60-65.

наиболее подходящим для того лицам», что положительно сказывалось на земской деятельности, то с принятием нового Положения случаи отказа в утверждении в должности стали регулярным явлением, причем это касалось как впервые избранных на должность, так и тех лиц, которые ранее уже служили, в том числе по несколько трехлетий¹. Констатируя, что Положение 1890 г. существенно изменило состав земских собраний, обозреватели заключали, что в итоге земские управы приблизились к «общему типу присутственных мест», что во многом было связано с ограничением самостоятельности земств².

Комментируя нападки правой печати (в частности, «Московских ведомостей», редактор которых, В.А. Грингмут, был противником института выборов) на выборный характер местного самоуправления из-за борьбы партий и агитации, «Вестник Европы» парировал, что как таковая борьба нередко отсутствует ввиду понятия общественного доверия, в силу которого нередко отдельные гласные переизбираются по несколько сроков подряд, а состав управ может длительный срок оставаться неизменным. Отрицалась и роль агитации в период земских выборов, якобы приводившая к поражению достойных лиц, не прибегавших к сомнительным методам: «С тех пор, как ограничена выдача доверенностей, очень мало средств, употребление которых оправдывало бы упрек в неразборчивости». Кроме того, подчеркивалось, что абсолютного превосходства нельзя признать ни за выборами, ни за назначением, поскольку борьба за влияние и власть весьма характерна для административной сферы, в которой действовал принцип назначения³.

Вместе с тем, редакция журнала предоставляла трибуну и для сторонников иной позиции. Так, на страницах «Вестника» в 1895 г. была опубликована большая статья мокшанского уездного предводителя дворянства (Пензенская губерния) князя Д.В. Друцкого-Соколинского о земстве, а в 1902 г. в майской книжке журнала – его письмо. Цель принятия Положения 1890 г. в этих двух работах им объяснялась как необходимость обеспечения

¹ [Арсеньев К.К.]. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1902. Кн. 4. С. 800.

² [Арсеньев К.К.]. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1894. Кн. 11. С. 390.

³ [Арсеньев К.К.]. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1903. Кн. 4. С. 762-763.

согласованной работы земства и администрации на благо местного населения¹.

При этом понятие о сословном характере выборов признавалось верным с теоретической, но не с практической точки зрения: по мнению автора, и в рамках действия Положения 1864 г. земства были преимущественно дворянскими по составу (особенно губернские), а авторитет дворянства при этом был высок не по праву происхождения, а по праву избрания². Автор апеллировал также к тем фактам, что крестьяне никогда не дорожили (а, скорее, тяготились) своими избирательными правами в земстве, поскольку проезд в город и проживание в нем во время сессий земских собраний требовали расходов, а дворянский элемент преобладал в земстве и до последовавшего в 1890 г. изменения порядка выборов³.

Также утверждалось, что при изменении системы выборов сам состав земских собраний и управ фактически не изменился. Не придавал особого значения автор и предоставлению председателям и членам управ прав государственной службы, находя, что для «служащих земству по убеждению» эти права не представляют какого-либо стеснения, а для карьеристов не дают существенного преимущества. В целом заявлялось, что положение членов и председателей управ в земских собраниях зависело исключительно от их личного авторитета⁴.

Подчеркивалось, что успешная деятельность самоуправления возможна была лишь при участии самостоятельных и независимых лиц, каковыми и оказались дворяне, которые, руководя земством, не преследуют при этом сугубо сословных интересов⁵. Это доказывалось тем, что, во-первых, дворянство не представляло собой замкнутого сословия (в состав которого можно было попасть по военным заслугам и при пожаловании ордена Св. Владимира), а

¹ Друцкой-Соколинский Д.В. Обвинения и оправдание земства // Вестник Европы. 1902. Кн. 5. С. 364.

² Друцкой-Соколинский Д.В. Обвинения и оправдание земства // Вестник Европы. 1902. Кн. 5. С. 357-358.

³ Он же. Земство по Положению о земских учреждениях 12 июня 1890 г. // Вестник Европы. 1895. Кн. 4. С. 836, 838-839.

⁴ Он же. Земство по Положению о земских учреждениях 12 июня 1890 г. // Вестник Европы. 1895. Кн. 4. С. 826, 830.

⁵ Он же. Обвинения и оправдание земства // Вестник Европы. 1902. Кн. 5. С. 358.

во-вторых, для участия в выборах требовался имущественный ценз, что позволяло Друцкому-Соколинскому прийти к заключению, что дворянство в земстве является выразителем «земельных интересов», тождественных для всех землевладельцев, включая крестьян¹.

Однако для «Вестника Европы» притязания на особый статус дворянства в земстве были неуместны. Во «Внутреннем обозрении» отмечалось, что земства Вятской и Пермской губернии не были дворянскими по своему составу, однако «во многом опередили земства центральной дворянской России». В законодательном обеспечении доминирующего положения дворянства в земских собраниях виделось не усиление, а умаление дворянства. Поэтому заслуги отдельных дворян в земской деятельности предлагалось занести в актив «образованного класса», а не всего дворянского сословия².

Немаловажным представлялся и вопрос о пересмотре земского избирательного законодательства. Комментируя отказ правительства в рассмотрении по существу ходатайства нижегородского земства об изменении порядка избрания гласных, К.К. Арсеньев критиковал министерство внутренних дел за формулировку отказа (ходатайство формально было признано не подлежащим удовлетворению в связи с противоречием основным началам действовавшего Положения о земских учреждениях), находя, что любая инициатива по изменению законодательства будет находиться априори в противоречии с нормами существующих актов. Особо подчеркивалось, что за десять лет с момента введения нового земского Положения накопилась обширная практика, которая могла быть положена в основу дальнейших изменений. К числу факторов, обуславливающих необходимость таковых изменений, в частности, были отнесены повышение ценности земли и продолжающееся дробление дворянского землевладения. Это, в свою очередь, приводило к уменьшению числа полноценных избирателей, в то время как для мелких землевладельцев, по оценкам «Вестника Европы», было характерно пренебрежение своими избирательными правами.

¹ Он же. Земство по Положению о земских учреждениях 12 июня 1890 г. // Вестник Европы. 1895. Кн. 4. С. 844-845.

² [Арсеньев К.К.]. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1897. Кн. 3. С. 350-351.

Поэтому выход в сложившейся ситуации виделся в необходимости понижения размеров имущественного ценза (в первую очередь, земельного), дающего право участия в выборах¹.

Исходя из этого, редакцией журнала положительно была оценена инициатива министерства внутренних дел запросить сведения о возможном пересмотре цензовых норм для участия в выборах земских гласных. При этом подчеркивалось, что самым слабым звеном существовавшей избирательной системы являлся порядок избрания гласных от крестьян, который, по мнению Арсеньева, должен был быть изменен одновременно с понижением ценза².

Принципиальным для «Вестника Европы» был и вопрос о распространении земского самоуправления на другие губернии, причем именно на выборных началах, а не в виде проектировавшихся министерством внутренних дел комитетов по управлению земскими делами, состоявших в основном из чиновников: «Частные поправки не могут устранить коренного недостатка проекта, намечающего для тринадцати неземских губерний учреждения, земские только по имени: они не могут вдохнуть в управление ту живительную силу, которая свойственна только самоуправлению»³.

В этом отношении было сделано интересное наблюдение о том, что в неземских губерниях, где априори не было противостояния администрации и земства, выражавшегося в стремлении «ограничивать и запрещать», вопросы, связанные с земским самоуправлением, находили поддержку: «Отсутствие самоуправления лучше всего раскрывает его ценность не только в глазах населения, но и в глазах администрации»⁴.

Поэтому сведения о поддержке со стороны местных администраций идей учреждения земского самоуправления вызывали только сочувствие. Характерным примером является комментарий, данный поддержке губернатором Ф.Ф. Треповым решения уездных совещаний Волынской губернии выступить за введение на ее территории земского самоуправления в полном

¹ [Арсеньев К.К.]. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1902. Кн. 4. С. 786-787.

² [Арсеньев К.К.]. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1902. Кн. 12. С. 831.

³ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1903. Кн. 2. С. 907-908.

⁴ [Арсеньев К.К.]. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1903. Кн. 3. С. 353.

объеме: «Его речь является лучшим ответом реакционной печати, силиющейся доказать, что хорошо живется россиянам только там, где нет земских учреждений»¹.

Опасения же «Московских ведомостей» и других консервативных изданий о возможном развитии активной деятельности «местных инородческих элементов» на окраинах в случае распространения на них действия Положения о земских учреждениях были названы земствофобией и враждой ко всему «инородческому и иноверческому». Наряду с этим критика консерваторами земств вызвала раздражение и обвинения в стремлении уничтожить земское самоуправление как институт: «... они мечтают о замене земских собраний или, по меньшей мере, земских управ присутственными местами, устроенными по общему бюрократическому типу, с легкой лишь примесью декоративного сословного элемента»².

Комментируя звучавшие призывы об упразднении губернских земств (такой позиции, например, придерживался «Гражданин» князя В.П. Мещерского), редакция «Вестника Европы» находила их несостоятельными, отмечая, что именно в губернских земских собраниях и управах обсуждается большинство именно общегосударственных вопросов, в то время как в уездных органах земства на обсуждении стоят вопросы преимущественно частного характера. Также подчеркивалась и разница в составе двух земств, поскольку значительная часть уездных гласных, с точки зрения редакции, «не привыкла к обобщениям, к более широким взглядам»³.

Особую остроту этот вопрос приобрел после того, как 26 февраля 1903 г. манифестом «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» был провозглашен курс на реформу местного управления⁴. В частности, предполагалось переформатировать уездное и губернское управление путем введения должности уездного начальника и губернского совета, что должно было усилить власть губернаторов.

¹ [Арсеньев К.К.]. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1897. Кн. 4. С. 799-800.

² Там же. Кн. 12. С. 788, 789.

³ [Арсеньев К.К.]. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1902. Кн. 8. С. 783.

⁴ Манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXIII, ч. 1. № 22581.

Это находило определенную поддержку у консерваторов, что «Вестником Европы» объяснялось стремлением к «подавлению всякой общественной самодеятельности»: «Без губернского земского собрания, состоящего из выборных представителей населения, с губернской управой, земской только по имени, фактически низведенной на степень обыкновенного присутственного места, легче сосредоточить в одних руках все нити губернского управления»¹.

Таким образом, для редакции «Вестника Европы» к началу XX в. идеалом являлось развитие земского избирательного законодательства на следующих началах. Во-первых, это выборный характер земства с отказом от вмешательства администрации в процесс формирования его органов. Во-вторых, отказ от сословного начала в избирательной системе. В-третьих, понижение размеров имущественного ценза и изменение порядка избрания гласных от крестьян. В-четвертых, распространение земского самоуправления на неземские губернии, причем в полном объеме и на выборной основе. Именно по этим основным вопросам обозреватели «Вестника» полемизировали с консервативной печатью, нередко рассматривая каждое предложение консерваторов как предпосылку к лишению земства статуса института самоуправления за счет окончательного встраивания в систему уездной и губернской администрации.

Д.С. Лавринович²

ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СТРУКТУРА И СОСТАВ

Целью статьи является установление организационной структуры общероссийских либеральных партий на территории Беларуси в начале XX в., ее эволюции в зависимости от изменений

¹ [Арсеньев К.К.]. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1903. Кн. 10. С. 787, 790.

² Лавринович Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый проректор УО «МГУ им. А.А. Кулешова» (Могилев, Республика Беларусь).

общественно-политической ситуации, выявление специфики социального и национально-конфессионального состава местных отделов.

В годы Первой российской революции общероссийские либеральные партии на территории Беларуси были представлены отделами Конституционно-демократической партии (КДП) и «Союза 17 октября». КДП была образована на Учредительном съезде в Москве в октябре 1905 г., на котором были приняты программа, устав, избран временный Центральный комитет. На втором съезде в Санкт-Петербурге в январе 1906 г. конструирование партии было завершено. Постоянный ЦК возглавил авторитетный земский деятель князь П.Д. Долгоруков. Весной 1906 г. в империи существовало около 360 ячеек КДП, насчитывавших около 50–60 тыс. человек¹.

В течение 1905 – 1906 гг. отделы Конституционно-демократической партии были образованы на территории белорусских губерний: в Виленской губернии – Виленская еврейская кадетская группа, на станции Василишки Лидского уезда, селе Новые Свенцяны Свенцянского уезда, Ошмянах; в Витебской губернии – в Витебске и селе Борковичи Витебского уезда, Велиже и селе Ильино Велижского уезда, Двинске и местечке Креславка Двинского уезда, Дриссе, Невеле, на станции Изоча и имении Ломтево Невельского уезда, в Режице; в Гродненской губернии – в Гродно, Белостоке, Бельске, Брест-Литовске, Волковыске, имении Яблоново; в Минской губернии – в Минске, местечке Березино Игуменского уезда, селе Луинец Пинского уезда, местечке Копаткевичи Мозырского уезда; в Могилевской губернии – в Могилеве, имении Поляково Быховского уезда, Гомеле, Климовичах и селе Тимоново Климовичского уезда, Мстиславле, местечках Лиозно, Любавичи и Толочин Оршанского уезда, Сенно, местечке Малятичи и имении Самулево Чериковского уезда².

Виленской еврейской группе был придан статус областного комитета КДП. Ее руководитель И.Д. Ромм должен был координировать деятельность кадетских организаций в Виленской,

¹ Политические партии России: история и современность / Отв. ред. А.И. Зевелев, В.В. Шелохаев, Ю.П. Свириденко. М., 2000. С. 152.

² Лавринович Д.С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905 – 1918 гг.). Могилев, 2015. С. 323-325.

Ковенской, Гродненской, Минской и Витебской губерниях. Позднее, правда, партийное руководство постановило для Минской, Витебской и Могилевской губерний образовать отдельный центр¹.

Сведения о численности отделов сохранились не полностью. Численность виленских конституционных демократов составляла около 100 человек, столько же членов кадетской партии было в Витебске. Больше всего кадетов было в Минске и Могилеве – около 300 человек².

По своему составу ячейки КДП были преимущественно интеллигентскими, но в ряде мест важную роль играли помещики, преимущественно католики, служащие и зажиточные крестьяне. Как правило, организации конституционных демократов были интернациональными, причем в руководстве были представлены и евреи, и поляки, и русские (белорусы). Польские либеральные помещики, вначале поддерживавшие идею создания КДП, в дальнейшем разошлись с кадетами из-за аграрной части программы.

В межреволюционный период кадеты, как и другие партии, оказались в кризисном положении: падала численность партийных рядов, сокращалось количество местных организаций. Так, отделы КДП продолжали действовать в Вильно, Витебске, Минске, Могилеве и имении Поляково Быховского уезда³. После неудачи на выборах в IV Государственную думу в 1912 г. замирает деятельность витебских, минских и могилевских кадетов. Последнее свидетельство о существовании кадетской группы в Вильно относится к лету 1915 г., т. к. вскоре город был оккупирован германскими войсками.

Организационное оформление «Союза 17 октября» началось в ноябре 1905 г. и завершилось на первом партийном съезде в феврале 1906 г. ЦК возглавил лидер московского земства Д.Н. Шипов. В октябристы в основном шли чиновники, помещики, представители промышленной и финансовой элиты. Всего в 1906 г. было образовано свыше 260 отделов партии октябристов, насчитывавших в совокупности около 75 – 77 тыс. членов⁴.

¹ Там же. С. 59.

² Там же. С. 323, 324.

³ Там же. С. 157.

⁴ Политические партии России: история и современность. С. 110.

В конце 1905 – начале 1906 г. происходит формирование отделов «Союза 17 октября»: в Виленской губернии – в Вильно, Вилейке, Молодечно, Свенцянах; в Витебской губернии – в Витебске, Велиже, Двинске, Лепеле, Режице; в Гродненской губернии – в Гродно, Бельске, Слониме; в Минской губернии – в Минске, Бобруйске, Борисове; в Могилевской губернии – в Могилеве, Гомеле и Рогачеве. Деятельностью октябристов была охвачена и сельская местность: ячейки партии существовали в 6 населенных пунктах Двинского и в 1 населенном пункте Бобруйского уездов¹.

Социальный состав партии октябристов на территории Беларуси заметно отличался от отделов союза в центральной России. В местных организациях преобладали чиновники, представители православной интеллигенции, духовенство, старообрядцы. В некоторых отделах была значительная доля крестьян. Помещиков в «Союзе 17 октября» на территории Беларуси, за исключением Могилевской губернии, было мало.

Сведения о численности отделов сохранились не полностью. Некоторые из них были довольно значительными: в Витебске и Гомеле в октябристы записалось около 1000 человек, в Гродно – 434, в Могилеве – 100. В результате пропагандистской кампании Минского отдела «Союза 17 октября» и поддержки местной администрации к началу 1907 г. численность октябристов в Минской губернии достигла максимальной отметки – 21300 человек. В целом, на рубеже 1906/1907 гг. количество членов «Союза 17 октября» в Беларуси составило примерно 26 – 28 тыс. человек, хотя активно из них действовало не более 5 тысяч².

С 1908 г. численность «Союза 17 октября» начала резко сокращаться. Этому способствовало увлечение думской тактикой, была «заброшена» работа с местными отделами, которые продолжали функционировать в Вильно, Вилейке, Витебске, Двинске, Лепеле, Режице, Гродно, Бельске, Слониме, Минске, Могилеве, Гомеле и Рогачеве³. Ухудшение отношений между фракцией «Союза 17 октября» и Советом министров привело к тому, что в 1910 – 1911 гг. некоторые отделы перешли в состав

¹ Лавринович Д.С. Указ. соч. С. 326.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 326.

новой проправительственной партии – Всероссийского национального союза.

Ко времени избирательной кампании в IV Государственную думу «Союз 17 октября» не представлял уже серьезной политической силы на территории Беларуси. В 1913 г. состоялось последнее всероссийское совещание «Союза 17 октября» в Санкт-Петербурге с участием представителей из Витебска, Лепеля, Режицы, Могилева и Бельска, а в 1914 – 1915 гг. структуры союза вне Государственной думы полностью распадаются.

Местные представители были и в составе общероссийских либеральных партий, которые не имели организованных структурных подразделений на территории Беларуси: Партии мирного обновления (ПМО), Партии прогрессистов и других. Партия мирного обновления образовалась летом 1906 г. на базе группы умеренных октябристов во главе с Шиповым. В политическом спектре ПМО заняла место между «Союзом 17 октября» и КДП. Октябристы белорусских губерний остались верны своей партии. Программу мирнообновленцев в основном поддержали помещики римско-католического вероисповедания. Так, сторонниками ПМО в Минской губернии были крупные землевладельцы Р.А. Скирмунт и князь И.Э. Друцкой-Любецкий¹. В межреволюционный период мирнообновленцы, которые так и не смогли составить реальной конкуренции ни октябристам, ни кадетам, приняли участие в создании Партии прогрессистов. Понятием «прогрессизм» исследователи объединяют политически активную часть российских предпринимателей и либеральную интеллигенцию². Организационно Партия прогрессистов оформилась в 1912 г. Ее руководящее ядро составили представители московских деловых кругов во главе с П.П. Рябушинским. В либеральном лагере России Партия прогрессистов, как ПМО, занимала положение между «Союзом 17 октября» и Конституционно-демократической партией. Отделов Партии прогрессистов на территории Беларуси не было, т.к. социальную базу этой партии в России составляли предпринимательские круги, в основном старообрядческие, тесно связанные с Московским промышленным районом, русские

¹ Местная хроника // Минская речь. 1906. 15 июля. С. 3.

² Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996. С. 110.

помещики, казаки, представители столичной интеллигенции – участники т.н. московских «экономических бесед» в 1908 – 1909 гг. Настоящих прогрессистов поэтому в Беларуси были единицы, как, например, Ф.И. Лошкейт, депутат IV Государственной думы от Гродненской губернии¹. В реальности же под названием «прогрессисты» в белорусских городах фигурировали местные либеральные деятели, в большинстве своем беспартийные, противостоявшие «реакционерам».

После свержения царского правительства структура Конституционно-демократической партии на территории белорусских губерний восстанавливается. Отделы КДП были созданы: в Витебской губернии – в Витебске и Витебском уезде, Городке, Двинске и Двинском уезде, Люцине, Невеле, Полоцке и Режице; в Минской губернии – в Минске, Бобруйске, Мозыре, Речице, Слуцке и Новогрудском уезде; в Могилевской губернии – в Могилеве, Быхове и Быховском уезде, Гомеле и Гомельском уезде, Горках, Климовичах, Орше, Рогачеве, Сенно, Чаусах и Чауском уезде².

Социальную основу КДП составляли представители состоятельных городских слоев: гласные земств и городских дум, служащие Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, чиновники, юристы, врачи и другие представители «цензовой» общественности. В Гомеле среди конституционных демократов было много старообрядцев. В сельской местности опорой кадетской партии были помещики. Но, как и в годы первой российской революции, кадеты пытались привлечь в свои ряды крестьянство. Крестьянской была организация КДП в Голеневской волости Чауского уезда. В Невельском уезде кадетские кружки имелись в 7 волостях³. Из национальных меньшинств сильные прокадетские настроения были у евреев, особенно в Витебске и Городке. Питали конституционные демократы надежду и на латышское население Витебской губернии. Поскольку по территории Беларуси проходил Западный фронт, то ряды кадетов пополняли также офицеры. Военные фракции были созданы при

¹ Забайскі М.М. Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906 – 1917 гг.). Мінск., 1999. С. 185.

² Лавринович Д.С. Указ. соч. С. 231-234.

³ Там же. С. 234.

Минском и Могилевском отделах КДП. В октябре 1917 г. в Минске прошел первый фронтовой кадетский съезд. На нем было избрано временное фронтовое бюро КДП, на которое было возложено руководство партийной агитацией в армии. Минская военная фракция взяла на себя инициативу учреждения в Минске Центрального фронтового комитета КДП¹.

Как правило, количество членов в организациях кадетской партии было не большим и исчислялось несколькими десятками человек. Хотя некоторые отделы КДП были значительными: Горецкий – 150, Городокский – около 200, в Невельском уезде – 600 человек (из них 300 проживали в сельской местности)².

В худшую сторону начали изменяться условия деятельности КДП после прихода к власти в Петрограде большевиков. Конституционные демократы осудили события, произошедшие в российской столице. Со своей стороны, они попытались оказать большевикам противодействие, что привело к переходу местных кадетских организаций на полуполегалное положение. В конце ноября 1917 г. завершилась избирательная кампания в Учредительное собрание. В условиях, когда громадное количество солдат, желавших поскорее вернуться домой, были расположены в пользу большевиков, которые при этом не стеснялись силой подавлять своих «оппонентов», кадеты не имели шансов на успех. Не нашли они взаимопонимания и с крестьянством. В итоге выборы были проиграны.

Активное сопротивление кадетов установлению советской власти привело к запрету их партии 28 ноября 1917 г. 8 декабря того же года в Витебске состоялась губернская конференция КДП. Местные кадеты приняли решение поддержать все антибольшевистские силы в регионе и сотрудничать с белорусскими партиями и организациями, которые организовывали первый Всебелорусский съезд в Минске. Для расширения борьбы с большевиками за счет привлечения национальных сил витебские кадеты поддержали идею областной автономии Беларуси в составе Российской республики, при условии одобрения и определения границы компетенции местного правительства со стороны

¹ Там же. С. 245.

² Там же. С. 236.

общероссийского Учредительного собрания. От Общественного блока Витебской городской думы, в которой помимо кадетов входили торгово-промышленная, еврейская, польская и латышская национальные группы, на Всебелорусский съезд было решено направить одного делегата¹.

Первый Всебелорусский съезд, проходивший в Минске с 5 по 18 декабря 1917 г., принял решение о создании органа краевой власти в лице Всебелорусского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. Это означало, что съезд заявил о претензии на власть, которой в тот момент обладал Областной исполнительный комитет советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облисполкомзап). По приказу последнего Всебелорусский съезд был распущен.

В результате наступления германских войск, Облисполкомзап в ночь с 18 на 19 февраля 1918 г. эвакуируется в Смоленск. Исполнительный комитет Совета (Рады) Всебелорусского съезда в Минске объявляет себя временной властью на территории Беларуси. 9 марта того же года он объявляет о создании Белорусской народной республики (БНР). При этом окончательное решение вопроса о форме государственной власти должен был решить Всебелорусский учредительный съезд, делегатов которого предстояло избрать путем свободных выборов с представительством всех без исключения слоев населения на пропорциональной основе.

Минские конституционные демократы, которые активизировали свою деятельность после ухода большевиков, признали БНР. Так, выступая на заседании Минской городской думы 18 марта 1918 г. представитель кадетов А.И. Фомин заявил, что «по условиям политического момента признает Белорусскую Республику». При этом он был противником полной самостоятельности БНР, считая, что в будущем она должна стать частью федеративной Российской республики². Фомин, наряду с другим кадетом, представлявшим

¹ Провинциальный отдел. Витебск // Вестник Партии народной свободы. 1917. 28 декабря. С. 21-22.

² Кукса А.Н. На пути к самоопределению народов Беларуси и Украины в 1917—1918 гг. Минск, 2012. С. 134.

поляков, В.О. Янчевским, был делегирован Минской городской думой в состав Совета (Рады) БНР¹.

25 марта 1918 г. была провозглашена независимость БНР, спустя месяц Рада БНР отправила императору Германии Вильгельму II телеграмму с выражением благодарности за «освобождение» Беларуси и с просьбой о покровительстве. Данные шаги привели к расколу как в руководстве самой БНР, так и к отходу от ее поддержки политических сил, ранее лояльно к ней относившихся. Среди них были и конституционные демократы. 29 апреля 1918 г. Минская городская дума решила отозвать своих представителей из Рады БНР. При голосовании кадет В.И. Самойло внес поправку: окончательное решение вопроса о государственном устройстве Беларуси принадлежит белорусскому Учредительному собранию в пределах общегосударственной Конституции, выработанной общероссийским Учредительным собранием². Таким образом, конституционные демократы выступили против независимости БНР и ее внешнеполитического курса на союз с Германией. Для них сохранение единства Беларуси с Россией являлось «красной чертой», которую не смогли переступить даже деятели, искренне сочувствовавшие белорусскому национальному движению.

Организационное оформление Российской радикально-демократической партии началось в 1915 г. и завершилось на первом партийном съезде в марте 1917 г. В белорусских губерниях инициаторами создания отделов РРДП были представители либеральной интеллигенции, служащих, офицерских и торгово-промышленных кругов, деятели земств и городских дум. Многие из них в прошлом были членами Конституционно-демократической партии, порвавшие с ней по разным причинам. В течение лета 1917 г. организации РРДП сформировались в Минске, Слуцке, Игумне, Бобруйске, Могилеве, Рогачеве, Витебске³. В области национальных отношений, радикалы-демократы обещали бороться за права национальных меньшинств Российской империи, в т. ч. они признавали право на самоопределение белорусской народности.

¹ Там же. С. 136.

² Там же. С. 207, 208.

³ Лавринович Д.С. Указ. соч. С. 255.

Однако из-за своей малочисленности РРДП в Беларуси действовала весьма пассивно. Только партийные организации Минской губернии смогли выставить собственный избирательный список на выборах в Учредительное собрание. Но выборы РРДП проиграла. К концу 1917 г. отделы радикально-демократической партии в белорусских губерниях прекратили свое существование.

Подводя итоги, можно отметить, что на территории Беларуси начала XX века из общероссийских партий наиболее влиятельными были Конституционно-демократическая партии и «Союз 17 октября», располагавшие разветвленной сетью отделов. Наибольшей численности они достигли в 1906 – 1907 гг., сумев привлечь в свои ряды местных аграриев (в т.ч. крестьян), финансовых и промышленных деятелей, чиновников, интеллигенцию. В кадетской партии большую роль играли представители национальных элит (еврейской и польской). Среди октябристов было много старообрядцев. В межреволюционный период обе партии, придерживаясь преимущественно думской деятельности, не смогли сохранить сеть местных отделов. В 1917 г. Конституционно-демократическая партия восстановила свою организационную структуру. Наибольшей численности кадеты достигли осенью 1917 г., сумев привлечь в свои ряды зажиточные слои городского населения, чиновников, интеллигенцию. В 1918 г. местные конституционные демократы выступили против разрыва связей с Россией. После реставрации советской власти в конце того же года последние кадетские организации на территории Беларуси прекращают свое существование.

В.В. Вострикова¹

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЗАПАДА КАК ФАКТОР ВЕРИФИКАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ НАЧАЛА XX в.

Особый интерес с точки зрения осмысления доктринальных основ и программатики нового российского либерализма представляет изучение влияния на становление воззрений его идеологов политического опыта западных стран. Рубеж XIX-XX вв. стал значительной вехой в политическом развитии последних, поскольку завершился этап оформления моделей правового государства, начавшийся в Новое время. Появилась возможность осмысления разнопланового опыта западных стран, актуализировавшаяся утратой веры «во всемогущую силу правовых начал, в их способность утвердить на земле светлое царство разума»². «Правовое государство в том виде, как оно возведено было французской революцией, перестает быть предметом безусловного поклонения», – писал П.И. Новгородцев, обозначив происходящее как «кризис правосознания»³.

Исследование механизма воздействия западного политического опыта на мировоззрение либералов предполагает изучение двух взаимосвязанных проблем: во-первых, выявление инструментария, при помощи которого либералы изучали иностранный опыт, а, во-вторых, осмысление понимания либералами процесса его заимствования.

Рассматривая первую из них, следует отметить, что классификация источников информации о политической жизни Запада была предложена Л.В. Селезневой, выделившей по степени

¹ Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные дисциплины» Орловского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

² Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. Введение // Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 338.

³ Там же. С. 335.

опосредованности получаемых сведений четыре их группы: академические, научные, прессу и визуальное наблюдение¹.

Знакомство с политическим развитием западных стран, главным образом, европейских, начиналось у будущих либералов с гимназических и студенческих лет. Помимо того, у некоторых история Европы входила в программу домашнего образования. В частности, М.М. Ковалевский отмечал, что французскую историю он начал изучать с гувернером².

По наблюдению Селезневой, в пореформенное время в России появилось много печатной продукции, посвященной истории западных стран, их общественной, политической, экономической жизни³. Это были научные труды зарубежных авторов (А. Токвиля, И. Тэна, Д. Брайса, Л. Грегуара, Д. Грина и др.), исторические исследования российских ученых (Р. Випперта, В. Готье, П. Виноградова и др.), материалы прессы (в «толстых» журналах – рубрики «Иностранное обозрение»). (Обстоятельное рассмотрение проблема воздействия этих источников на формирование государственно-правовых взглядов идеологов нового российского либерализма получила в работе Селезневой⁴. Данные источники давали возможность ознакомиться с процессом формирования и функционирования представительной демократии на Западе, реализацией правовых начал в государственной жизни, проблемой взаимодействия государства и гражданского общества и т.п.

Например, Ковалевский высоко оценивал труды У. Беджгота. С его точки зрения, книга Беджгота «Об английской конституции» вызвала «целый переворот» в толковании последней. «Бэдджот первый указал, – писал Ковалевский, – что о теории противовесов, как понимал ее Монтескье в применении к Англии, более говорить нельзя, так как с тех пор Палата Общин взяла решительный перевес и над лордами, и над королем, и правительство перешло в руки комитета от обеих палат, или так называемого кабинета. От

¹ Селезнева Л.В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов-на-Дону: Б.И., 1995. С. 39.

² Ковалевский М.М. Мое научное и литературное скитальчество // Русская мысль. 1895. № 1. С. 64.

³ Селезнева Л.В. Указ соч. С. 41.

⁴ См.: Селезнева Л.В. Указ соч. С. 39-55.

Бэдждгота идет новое толкование основ английского парламентаризма как системы самоуправления общества»¹.

Если научные труды зарубежных и отечественных ученых отличались академичностью, то материалы прессы давали читателю более непосредственное и эмоциональное представление о политическом Западе, однако заменить живого впечатления от встречи с западными странами, являвшимися иллюстрацией воплощения в жизнь конституционных идей в различных формах, они не могли.

Разнились причины посещения отечественными либералами стран Запада, жизненные этапы, продолжительность и место пребывания. Многие впервые увидели западные страны воочию во время учебы либо в постуниверситетский период, продолжая образование за границей. Так, в Германии обучались С.И. Гессен, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, М.М. Ковалевский, П.Б. Струве, С.А. Муромцев, А.И. Гучков, В.Д. Набоков; в Австрии – П.Б. Струве, во Франции – П.И. Новгородцев, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, С.А. Муромцев, в Англии – М.М. Ковалевский.

Через несколько лет, став крупными учеными, некоторые из них посетили за границу в качестве приглашенных профессоров для чтения лекционных курсов. Так, в 1903 г. попал на американский континент Милюков, во Францию – Ковалевский.

Иногда причиной довольно длительного пребывания за границей была полудобровольная эмиграция. 17 лет жизни провел в Европе – в Англии и во Франции – М.М. Ковалевский. Лишь в 1905 г. он смог вернуться в Россию. Покинуть Родину ему пришлось после отставки с должности профессора Московского университета. Аналогичная история произошла с Милюковым, подвергнутым административной высылке в Европу. Альтернативой тверской ссылке за участие в Казанской демонстрации 1901 г. стала эмиграция Струве в Германию, где в течение почти четырех лет он редактировал «Освобождение».

Наконец, многие совершили кратковременные визиты в Европу по тому или иному частному поводу. Например, В.А. Маклаков

¹ Ковалевский М.М. Моя жизнь. М.: РОССПЭН, 2005. С. 156.

предпринял в 1889 г. поездку с отцом в Париж на Всемирную выставку.

Свои впечатления от непосредственного соприкосновения с жизнью западных стран многие либеральные деятели отразили в мемуарах, подробно проанализировав (что особенно интересно) роль этих впечатлений в процессе утверждения в их сознании либеральных ценностей.

Прежде всего, российские либералы отмечали сильное эмоциональное впечатление от общей атмосферы свободы, царившей на Западе. «Я не могу передать того чувства освобождения, которое я испытал, очутившись тотчас после рязанских снегов в мягком климате Вены. Никакого начальства!» – писал Милюков, оказавшийся в Европе после ссылки в Рязань¹. Для Маклакова неожиданностью стала свобода печати, он даже поначалу боялся хранить агитационные листки, которые совали ему в руки на парижских улицах.

Образно выразил типичное восприятие свободной атмосферы западного общества Струве. «Европейскую культуру я люблю как солнце, тепло, чистый воздух», – указывал он, употребляя понятие «культура» как синоним «цивилизации»². На такое «импрессионистское» сравнение Струве подвиг присущий, по его убеждению, европейской культуре «культ человеческой личности»³. Как указывает Р. Пайпс, Струве приходил в восторг от материального богатства Запада, от того бесконечного разнообразия возможностей, которые предоставлялись здесь для самоосуществления личности⁴.

Маклакова наблюдения за осуществлением принципа свободы личности на Западе навели на размышления о проблеме взаимоотношений человека и государства. «Было полезно увидеть в Европе, – вспоминал он, – что нажим государственной власти на человека вовсе не атрибут сильного государства, что право государства может сочетаться с правами самого "человека"»⁵. Это

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М.: Современник, 1990. С. 186.

² Струве П.Б. Романтика против казенщины // Начало. 1899. № 3. С. 186.

³ Там же. С. 187.

⁴ Пайпс Р. Струве. Биография. В 2-х т. Т. 1. Струве: левый либерал, 1870-1905. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2001. С. 99-100.

⁵ Маклаков В. А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2011. С. 85.

явно противоречило насаждавшейся в России идее, что государство держится только повиновением власти. Забота государства о правах человека, отмечал Маклаков, приводила к тому, что «люди дорожили не только своей личной свободой, но и строем своего государства»¹. Таким образом, во время своей поездки Маклаков подошел к очень важной идее – к пониманию необходимости разумного сочетания интересов личности и государства, к осознанию того, что важна не только личная свобода, но и механизм, обеспечивающий стабильность общества и гарантию соблюдения признанных обществом прав личности.

За месяц пребывания во Франции, вспоминал Маклаков, он так привык к свободе, что она начала казаться естественной. Тем сильнее подействовали на юношу российские реалии, опустившие его с неба на землю уже на границе: потеряв бдительность, Маклаков не стал прятать портреты деятелей Французской революции, которые сразу же были отобраны таможенниками². Революции к тому времени «стукнуло» как раз сто лет, но на ввоз портретов ее деятелей требовалось специальное разрешение начальства. Вновь, как и в ряде других эпизодов гимназической и студенческой жизни, Маклаков ощутил бесправное и унижительное положение человека в России, даже если этот человек относился к привилегированному сословию и был достаточно образован. Думается, что защита прав личности, ставшая центральным пунктом деятельности Маклакова – юриста и политика, во многом есть результат прочувствованного им еще в юности контраста положения человека в России и в европейских странах.

Попадая на Запад, будущие либералы активно интересовались местной общественно-политической жизнью. На Кареева «грандиозное впечатление» во Франции произвел национальный праздник 14 июля³. Маклаков, в одну из поездок во Францию, все время проводил на политических митингах, где, по его словам, «наслушался первоклассных ораторов»⁴. Маклакова захватили страсти предвыборной парламентской кампании, и он всей душой рвался принять участие в разворачивавшейся на его глазах борьбе.

¹ Там же.

² Там же. С. 99.

³ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 147.

⁴ Российский либерализм: идеи и люди. М.: Новое изд-во, 2004. С. 434.

«Я не оставался пассивным, делал на собраниях "interruptions", мешал говорить, один раз сам благодаря этому чуть не попал на трибуну. Мне так хотелось все испытать, что в день выборов 22 сентября я в избирательном участке раздавал афиши и бюллетени, сидел в партийном "permanence" и был счастлив, когда на одном собрании, где выступал Naquet против Bourneville началась драка, остановленная пением Марсельезы», – вспоминал либерал 65 лет спустя ¹. Обдумывая причины поражения буланжистов, призывавших к пересмотру конституции, Маклаков, очарованный французской политической системой, примкнул к числу сторонников ее охранения и восхищался французскими избирателями, которые предпочли на выборах существующие порядки пути в неизвестность. «Мне было небесполезно, – указывал либерал, – в свободной стране получить урок консерватизма, то есть бережного отношения к тому, что создано исторически. Подобного отношения русская жизнь в нас не воспитала»². И, наверное, не случайно «с этого времени, – пишет Г. Адамович о Маклакове, – возник у него культ Мирабо, культ для него характерный, – тем более, что остался он ему верен до старости»³. По словам самого Маклакова, его привлекала в О. Мирабо способность подталкивать к реформам и одновременно противостоять крайностям. «Я ценил в нем то, что если он толкал на реформы, то старался снабдить "власть" средствами помешать "разрушению" пойти слишком далеко», – указывал Маклаков⁴. До конца жизни единственно правильной либерал считал политическую линию Мирабо: «сговариваться с властью» и проводить законодательным путем то исторически необходимое, что иначе, ломая все законы и устои, все уничтожая на своем пути, будет пытаться сделать революция.

В плане понимания механизма функционирования представительных учреждений в западных странах большую

¹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания современника. В 3-х ч. Ч. 1. Париж: Журн. «Ил. Россия», 1936. С. 95.

² Он же. Из воспоминаний. С. 91.

³ Адамович Г. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж: Б.и, 1959. С. 26.

⁴ Маклаков В.А. Из воспоминаний. С. 92.

значимость имело посещение Милюковым английского парламента и встречи Ковалевского с американскими конгрессменами¹.

На Западе будущие либералы имели возможность наблюдать действия представителей различных сегментов политического спектра. Их особое внимание привлекло социал-демократическое движение. В частности, Струве в период своего первого пребывания в Германии в 1890 г. активно посещал социал-демократические митинги, став свидетелем подъема популярности немецкой социал-демократии. О большом впечатлении от массового митинга немецких социалистов писал Кареев². Милюков близко познакомился с лидерами английского социалистического движения – Р. Макдональдом и другими. Возможно, отчасти под впечатлением этих событий и встреч, отечественные либералы пришли к восприятию рабочего движения и социал-демократических партий как одной из ведущих демократических сил развитых стран, что, в свою очередь, стало одним из факторов, предопределивших социальную направленность нового российского либерализма. А Милюков, пообщавшись с английскими левыми, стал питать надежды на эволюцию российских социалистов в умеренном направлении, что могло бы способствовать согласованным действиям «радикалов русского либерального движения с умеренными течениями социализма», в чем, по признанию либерала, сделанному в послеоктябрьской эмиграции, он «жестоко ошибся»³.

Погружение в западную жизнь стимулировало будущих либералов к размышлениям о методах общественно-политической борьбы. Например, Маклакова, познакомившегося с активистами «Генеральной ассоциации студентов Парижа», поразила их приверженность мирным, легальным методам отстаивания своих прав, которая в России расценивалась как «отсталость». Маклаков осознал всю ошибочность такой оценки: то, что считалось «отсталостью» было просто «политической зрелостью», писал он, проявлением более высокого уровня образования французских

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 232; Ковалевский М.М. История американской конституции. М.: тип. М.В. Зворыкиной, 1890-1891. С. 15.

² Золотарев В.П. Николай Иванович Кареев (1850-1931) // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 141.

³ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 234.

студентов по сравнению с русскими, воспитывавшимися «не на научных работах, а на журналистике и публицистике» и потому тяготевшими к крайним выводам¹. Разница политических режимов Франции и России, с точки зрения юноши, ярко проявлялась в отношении к студенческим землячествам: во Франции правительство Ассоциации студентов помогало, в России участие в землячествах было запрещено, и у поступивших в университет отбиралась подписка. Наблюдение легальных форм студенческой активности во Франции привело Маклакова к выводу о том, что ограничение самодеятельности человека и общества не должно быть само по себе задачей государственной власти.

Пребывание в Париже в год 100-летия Великой французской революции, чтение литературы по этой теме, заставило Маклакова по-новому взглянуть на революцию и ее роль в истории Франции. К вековому юбилею революции, писал Маклаков, «в общее сознание стало входить то, чего прежде не знали, а главное знать не хотели, что Великая Революция 89 года была по началу только "либеральным" движением и в результате привела к буржуазной Республике, что ее "завоевания" были заложены в старых порядках и могли быть постепенно проведены "законной властью", что Революцию предотвратило бы»². «Это историческое понимание Великой, а следовательно и всех революций, я вывез из Франции», заключал Маклаков, что заставило юношу полностью отказаться от идеалистического и романтического толкования революции, столь популярного в то время в России среди русских радикалов³. Нужно «стремиться к возвращению власти» в России «на правильный путь», на который она встала в период Великих реформ, «а не стараться свергнуть ее», решил Маклаков⁴.

Как справедливо отмечает Селезнева, для наиболее наблюдательных российских визитеров путешествия за границу позволили почувствовать особенности той или иной национальной психологии, уклада жизни, политической культуры, осознать элементы ее ментального среза⁵. Наиболее рельефно это

¹ Маклаков В.А. Из воспоминаний. С. 94.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 92.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Селезнева Л.В. Указ. соч. С. 58.

отражено в мемуарах и публикациях Ковалевского в связи с его поездкой в Америку. «Личное пребывание в стране и ценно, что дает возможность познакомиться не с одним текстом ее законов, что легко сделать и дома, но и с ее нравами и привычками, ходячими убеждениями и предрассудками, со всем катехизисом обыденной политической мудрости», – писал либерал¹. Сама жизнь в США приносила Ковалевскому все новые доказательства взаимосвязи демократических институтов и политической культуры народа, его национального характера, познание которого, по убеждению мыслителя, есть «первый шаг к правильному пониманию той духовной силы, которая приводит в действие правительственную машину и без которой лучшая конституция есть не более как мертвый механизм»².

Российского либерала поразила такая черта американского менталитета, как уважительное отношение к личности безотносительно к роду ее занятий. «Никакое занятие не способно унижить человека» в США, отмечал он. И сколь велика была разница с европейскими традициями. Посоветовав сыну одного российского эмигранта перейти из Чикагского университета в какой-либо из европейских, Ковалевский услышал категоричный отказ, ибо студент ответил, что в Оксфорде или Берлине совершенно невозможно сказать сокурсникам, что ты зарабатываешь себе на жизнь тушением газовых рожков, тогда как в Америке это не вызывает никакой негативной реакции³. Ковалевскому, лишенному дворянского высокомерия, несомненно, были ближе американские порядки. Интересные заметки об образе жизни и традициях англичан и американцев оставил и Милюков⁴.

Непосредственное наблюдение западной общественно-политической жизни оказало существенное влияние на формирование мировосприятия российских либералов. Об этом, анализируя свой жизненный путь, писал Милюков. Знакомство с английской политической жизнью зимой 1903-1904 гг., указывал он, стало событием, которое помогло «мне выработать в

¹ Цит. по: Селезнева Л.В. Указ. соч. С. 58.

² Ковалевский М.М. История американской конституции. С. 1.

³ Он же. Моя жизнь. С. 305.

⁴ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 222, 230.

подробностях... собственное политическое мировоззрение»¹. В Англии произошел пересмотр отношения Милюкова к либерализму. До этой поездки, отмечал Милюков, «мои взгляды были ближе к либеральному мировоззрению; но в области политической деятельности либерализм представлялся настолько неопределенным, колеблющимся и быстро отживающим течением, что отождествить себя с ним было просто для меня невозможно»². К тому же, Милюков не разделял слишком правую, по его мнению, позицию либералов по социальным вопросам. Однако, приехав в Англию, он «встретился с живым либерализмом более левого направления» в лице У. Гладстона. И хотя основательно разобравшись в его позиции, Милюков серьезно разочаровался в своем политическом кумире ввиду обнаружившейся эволюции взглядов Гладстона вправо, будущий лидер кадетов увидел множество других оттенков либерализма, представленных различными политическими группами. Милюкову «это давало материал для размышления, и ортодоксальный либерализм уже не казался последним словом политической тактики»³. Осознание необходимости и возможности модернизации либеральной доктрины, прежде всего в практической плоскости, во многом предопределило окончательный выбор Милюкова в пользу либеральных ценностей. Помимо того, пребывание за границей завершило процесс превращения ученого в политика. Как писал Милюков, уехав из России с репутацией «начинающего историка», возвращался он уже с репутацией «начинающего политического деятеля». Неизбежность этой перемены, по словам самого Милюкова, обуславливалась тем, что, увидев воочию политическую жизнь европейских стран, он стал современником таких событий в России, которые настоятельно требовали применения этих наблюдений⁴.

Соприкосновение с западными порядками, несмотря на всю его яркость и специфичность, нельзя признать доминантой процесса становления либеральной системы ценностей у российских интеллигентов. Для данных лиц было характерно раннее

¹ Там же. С. 232.

² Там же.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 233.

⁴ Там же. С. 264-265.

наступление мировоззренческой зрелости. Основные мировоззренческие либеральные константы складывались у них, как правило, к 20 годам. В частности, Струве указывал, что конституционалистом и либералом он ощущал себя с 15 лет, и его пребывание у социал-демократов объяснялось тем, что в России между 1885 и 1900 гг. не было сколько-нибудь действенного либерального движения¹.

«В 20 лет, то есть в критический человеческий возраст, среди русской общественности с кем было мне по пути? – писал Маклаков. – Мои симпатии были с теми представителями "Великих Реформ", которые хотели продолжать улучшать государство на началах законности, свободы и справедливости, и для этого исходить из того, что уже существует реально, то есть и как отдельная "личность" с ее природными свойствами, и как уже создавшееся раньше нас "государство". Они были теми "данными", которые нужно было улучшать, не разрушая, стараясь сочетать "идеал" и "действительность". Этой трудной, но не безнадежной задаче и служили "либеральные деятели"»².

Так что за границу будущие идеологи нового либерализма попадали с практически уже оформившимися политическими убеждениями, а живые впечатления играли подтверждающую, дополняющую, усиливающую роль³.

Поездки в страны Запада подкрепили убеждение либералов в необходимости дальнейшей либеральной и демократической трансформации политического строя России. Как писал Маклаков: «Свободные режимы Европы показывали, чем должно быть здоровое государство, и какая дорога приводит к нему. Пора было вступать на нее, где только возможно, и по этой дороге идти...»⁴

Ясно осознавая необходимость использования западного политического опыта в ходе конституционного реформирования страны, либеральные идеологи сформулировали свое понимание процесса заимствования в истории. Рассмотрение их позиции представляется существенно важным, поскольку она самым непосредственным образом повлияла на разработку доктрины,

¹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 412.

² Маклаков В.А. Из воспоминаний. С. 80.

³ Подробнее об этом: Там же. С. 59-60.

⁴ Там же. С. 96.

программатики и тактики нового российского либерализма. В наиболее полном виде взгляды либералов по проблеме заимствования нашли отражение в трудах Ковалевского, Милюкова, Герье, Кареева.

Позиция Ковалевского по проблеме соотношения традиций и новаций в развитии человеческого общества нашла концентрированное отражение в его полемике с Г. Тардом. Ковалевский, в отличие от Тарда, уподоблявшего заимствование подражанию, размежевал эти два процесса. Подражание, по Ковалевскому, это копирование формы явления, при которой ускользает существо последнего. Заимствование же имеет место, когда усваивается существо явления, причем новшество приспособляется к конкретным условиям.

«Единственная область, где народы действительно сплошь подражают друг другу, – писал Ковалевский, – это область науки и техники; во всем остальном они, худо ли, хорошо ли, только приспособливают свои собственные порядки и учреждения к новым требованиям, которые временами, если не постоянно, возникают в их собственной среде. Они приспособливают их, видоизменяя»¹.

Согласно теории Ковалевского, процесс заимствования чужого опыта проходит две стадии. Он начинается с подражания не внутренней, а внешней стороне того или иного явления. Примером внешнего подражания для либерала служило начало реформ Петра I, «который, желая сделать из своих подданных европейцев, начал с того, что сбрил им бороды и заставил их жен и дочерей танцевать на "ассамблеях"»². Подражание континентальных государств английской конституции, утверждал Ковалевский, также было поначалу внешним, формальным. «В самом деле, – писал либерал, – трудно допустить, чтобы система самоуправления общества, к чему в конце концов сводится представительный и парламентский порядок, могла мирно уживаться с централизацией, бюрократией и той государственной опекой над общинами, которые до установления Третьей республики господствовали во Франции, например»³.

¹ Ковалевский М.М. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Социология. СПб.: Алетейя, 1997. С. 1-52.

² Там же. С. 49.

³ Там же.

На следующей стадии – продолжительной по времени – происходит приспособление новых порядков, в том числе и на уровне законодательства, к конкретно-историческим условиям страны-реципиента. Как отмечает Селезнева, формула заимствования по Ковалевскому выглядит следующим образом: заимствование=подражание+приспособление¹. При этом ключевым моментом заимствования для либерала выступала именно адаптационная составляющая. Заимствование он рассматривал как своего рода «второстепенное творчество» того или иного народа в русле его саморазвития, лишь вдохновляемого иностранными образцами, причем последние «только в том случае пускают в стране корни, когда не противоречат прямо всему тому наследию прошлого, которое слагается из верований, нравов, обычаев и учреждений известного народа»². Так, из-за противоречия традиции, указывал Ковалевский, остался мертвой буквой закон Петра I о единонаследии, не привилась попытка Екатерины II ввести в городах ремесленные цехи.

Приспособление виделось либералу как долговременный процесс. «Приспособление достигается не сразу и не благодаря изобретательности того или другого бюрократа или действующей при нем канцелярии, – разъяснял он. – Оно является последствием постепенно проникающего сознания, что чужой кафтан сшит не по мерке, что надо его удлинить или укоротить, расшить в известных частях, укрепить в других. Все недостатки "неладно скроенного" сказываются "по мере носки", и я не отчаиваюсь поэтому, что те заимствования, которые не привились в жизни или стесняют правильный ход ее, со временем не то что отпадут, а подвергнутся перестройке по указаниям самой жизни»³. Таким образом, по Ковалевскому, не общество приспособляется к заимствованным порядкам, но порядки к потребностям общества. «Подражание редко принимает форму простого перенесения чужого учреждения и скорее является приспособлением этого учреждения к старым

¹ Селезнева Л.В. Российский либерализм и европейская политическая традиция: созвучия и диссонансы // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М.: РОССПЭН, 1999. С. 122.

² Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 52.

³ Ковалевский М.М. Законодательные заимствования и приспособления // Вестник Европы. 1912. № 5. С. 49-50.

условиям существования данного народа, созданным всем его прошлым», – писал Ковалевский¹.

Либерал был убежден в том, что заимствование есть естественное свойство, присущее всем народам и во все времена. «Государственный быт отдельных стран и народов складывается не под влиянием одного самостоятельного роста унаследованных от предков учреждений», отмечал Ковалевский, «в области государственного строительства, рядом с творчеством, есть место и для заимствований», так что «само творчество нередко принимает форму приспособления заимствованного к местным условиям»². В подтверждение данного тезиса либерал приводил множество фактов из истории зарубежных стран. «Как в древности конституции греческих городов, вошедших в состав дельфийской лиги, испытывали на себе влияние афинской конституции, как впоследствии Рим всюду создавал зависимые от него города – республики по собственному образцу, как в средние века и в начале нового времени Флоренция служила примером для внутренних порядков городов гвельфской лиги, а венецианские учреждения копировались полунезависимыми колониями, например, городами Далмации и славянским Дубровником или Рагузой, так точно со второй половины XVIII в. английская конституция стала пересажаться... на Старый и Новый материк», – писал либерал³. Ярким примером заимствования в сфере судебных учреждений для Ковалевского было распространение института присяжных, который возник в Англии и в течение «ряда веков и в особенности начиная с Великой французской революции 1789 г.», постепенно пустил «корни у всех народов культурного мира»⁴.

Обширную картину заимствований Ковалевский рисовал, обращаясь к фактам российской истории, при этом отмечая, что данный процесс начался задолго до Петра I. «Мы заимствовали и ранее Петра многие стороны чужого быта, – столько же от татар,

¹ Он же. Очерки по истории политических учреждений России. СПб.: Издание Н. Глаголева, 1908. С. 38.

² Он же. Законодательные заимствования и приспособления. С. 49.

³ Ковалевский М.М. Общее конституционное право: Лекции, читанные в СПб университете и Политехникуме в 1907-1908 году. СПб.: издание студента Н. П-М, 1908. С. 38.

⁴ Он же. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Социология. С. 67-68.

сколько из Литвы и Византии, – указывал либерал. – Система единой державы... сложилась не без воздействия примера, данного нам Золотой Ордой. Русские земские соборы следуют во времени за литовскими сеймами... Русское самодержавие выросло под влиянием византийских представлений о кесарийской власти. Упрочивая его в России и заводя в ней систему административной централизации и коллегиального устройства, Петр I имел одинаково перед глазами и французскую монархию Людовика XIV и те порядки совместного обсуждения и решения государственных вопросов целыми бюро чиновников,... образцы которого Лейбниц открыл для него в зависимой от Швеции Померании... При Александре I Сперанский создает... Государственный Совет и министерства, пересажая... наполеоновские порядки»¹. Вместе с тем, либерал отмечал, что движущими силами эволюции российской государственной власти, в первую очередь, были моменты исторической преемственности и «самопроизвольного развития», а только потом заимствования, подражания и другие факторы.

Анализ многочисленных примеров заимствований позволил Ковалевскому сделать вывод о том, что заимствование особенно активно идет в политической области. Здесь «хозяйственные формы не являются... решающим моментом», тогда как для заимствования юридических порядков необходимо, «чтобы и экономический уклад, установившийся у народа заимствующего, близко подходил к экономическому строю народа, законы которого делаются предметом подражания. Варварский народ, живущий в условиях натурального самодовлеющего хозяйства и, следовательно, редко прибегающий к обмену, не станет заимствовать гражданского правопорядка у народа, широко развившего денежное хозяйство»².

Однако заимствование, по Ковалевскому, отнюдь не ведет к уничтожению национальной самобытности. Заимствование английского парламентаризма не мешает французам оставаться французами, указывал либерал³.

¹ Он же. Общее конституционное право... С. 39.

² Он же. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Социология. С. 64.

³ Он же. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: сб. ст. Пг.: Артист. заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1917. С. 157.

По наблюдению Ковалевского, в процессе взаимовлияния роли отдельных стран разнятся. В различные исторические периоды одна или несколько стран выступают как приоритетные объекты сообщения тех или иных элементов общечеловеческого опыта для остальных народов и стран. На рубеже XIX-XX вв., с точки зрения либерала, в роли таких стран-доноров были западные демократии, а Россия находилась в ряду реципиентов в силу своей отсталости и догоняющего типа развития. На основании этого, полемизируя с приверженцами идеи о полной самобытности российских порядков, либерал замечал: «...когда нам говорят о том, что те или другие порядки не наши, что необходимо выработать самостоятельные, национальные, истинно русские, мы вправе ответить, что утверждать нечто подобное – значит идти против уроков мировой истории, знакомящей нас с мировым процессом подражания»¹.

Милюков, исследуя проблему заимствования, в отличие от Ковалевского, отводил заимствованию более скромную роль, утверждая, что оно не является логически необходимым. История народа, по Милюкову, создается его внутренними силами, а заимствование есть средство реализации самобытного и оригинального национального начала. Конкретизируя способы воздействия заимствования на развитие того или иного национального организма, Милюков указывал, что, во-первых, «ближайшее знакомство с чужим национальным типом бывает на практике первым толчком, вызывающим перемены в сложившейся форме национального сознания»². Во-вторых, иностранное заимствование Милюков сравнивал с прививкой, посредством которой организм получает некую долю иноземного яда, играющую роль стимулятора собственных возможностей организма³. И, наконец, заимствование либерал уподоблял проявителю фотографии. «Картина была собственного готова до своего "проявления" в растворе, – писал он. – Но всякий фотограф знает, что не только необходим "проявитель" для обнаружения картины, но что до известной степени, можно повлиять на распределение света и теней на картине, видоизменяя состав раствора.

¹ Он же. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Социология. С. 68.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 1. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1909. С. 11.

³ Там же. С. 133.

Иностранное влияние обыкновенно играет роль такого "проявителя" созданной историей картины данного национального типа»¹. Таким образом, по Милюкову, заимствование играет роль стимула самостоятельного национального развития. Как человек лучше понимает себя в сопоставлении с другими людьми, так и социальный организм посредством контакта с другими сообществами раскрывает свой потенциал.

Как и Ковалевский, Милюков утверждал, что заимствование зачастую начинается как внешнее подражание, но эта «внешность» есть «важнейшая часть немого языка культуры», только освоив которую можно углубиться в суть заимствуемых форм. С этих позиций Милюков подходил к оценке реформаторства Петра I. которым Петр во многом ограничился, был низшим, но обязательным этапом возвращения европеизма содержательного².

«Рабское заимствование» Петра Великого, писал Милюков, сыграло роль прививки, «за инкубационным периодом XVIII века... последовал расцвет национального творчества со времени Пушкина и Глинки (1820-1830-е). Россия выпрямила свое отклонение и пошла европейским путем»³.

Герье считал заимствование неотъемлемой составляющей исторического процесса на основании единства последнего и постоянного взаимодействия народов. Выстраивая логическую цепочку заимствований, он писал: «Греки получили семена своей культуры с Востока и воспитали римлян, римляне сделали учителями Западной Европы и т.д.»⁴ Во многих случаях подобного рода, отмечал либерал, заимствования были чрезвычайно плодотворны и помогали народам преодолеть отставание от своих более цивилизованных соседей, но в некоторых случаях внедрение чужеродных элементов политической и иной культуры оказывалось прививкой «пустоцвета», который «...только притягивал к себе соки, необходимые для питания целого»⁵. Поэтому Герье считал, что однозначного ответа на вопрос, являются ли заимствования

¹ Там же. С. 95.

² Российский либерализм: идеи и люди. С. 404-405.

³ Неопубликованная рукопись П.Н. Милюкова периода парижской эмиграции // Отечественная история. 2008. № 1. С. 163.

⁴ Герье В.И. Идея народовластия и французская революция 1789 г. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1904. С. 178.

⁵ Там же.

благом или злом, быть не может. В каждом конкретном случае надо определить природу заимствования, выяснить, будет ли оно простым подражанием тому, что выросло на совершенно иной почве и не имеет шансов привиться на новой, или же родная почва уже достаточно подготовлена, чтобы заимствованная форма принесла хорошие плоды. «Нужно иметь ввиду, – писал Герье, – что не всякое заимствование есть только подражание... Доступность чужеземному влиянию бывает иногда только признаком того, что в народе начинают проявляться новые потребности, и когда старые формы отжили свой век и потеряли значение, а новые еще не выработались, общество жадно хватается за готовые формы и понятия, которые находит у других народов, и с их помощью совершает переход в новую ступень развития»¹. Как на пример такого плодотворного заимствования Герье указывает на рецепцию римского права в Германии в XV в. «В тогдашней Германии, – отмечал он, – совершался переход от феодального устройства к государственному... Это стремление нашло себе полное удовлетворение в формах римского права, и последнее стало быстро вытеснять старое германское право повсюду, где новая государственная власть успела окрепнуть»². Таким образом, как и Милюков, при условии подготовленности государства к заимствованию, Герье отводил восприятию иностранного опыта роль катализатора исторического развития.

В трактовке Кареева заимствование есть характерная черта исторического процесса. «Многое не только в духовной культуре, но и в политической организации отдельных народов является результатом заимствования извне, подражания чужим примерам и образцам и т.п.»³ Причем заимствование осуществляют страны, позже других влившиеся в мировую цивилизацию. «Судьба всех позже приходящих в общем та, что им больше приходится испытывать влияний, чем самим влиять, более повторять то, что уже было пережито другими, чем идти впереди других», – писал

¹ Там же.

² Там же. С. 179.

³ Кареев Н.И. Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении всемирной истории. СПб.: Типо-лит. Шредера, 1905. С. 48.

он¹. При этом объективное препятствие на пути заимствования Кареев видел в «базисе» общества – совокупности инстинктов, привычек, навыков, обычаев, нравов, объективируемых в политические, юридические и экономические отношения. Отсюда, по Карееву, вполне возможно, чтобы Италия и Франция переняли формы политического устройства Англии, но это совершенно нереально по отношению к зулусским племенам. Как закон взаимовлияния культур либерал постулировал разделявшееся его политическими единомышленниками утверждение о том, что предрасположение к восприятию какой-либо культурной формы другой нации является результатом внутреннего развития нации-реципиента².

Помимо того, Кареев отмечал, что «народы, позднее вступающие на историческое поприще», попадая под влияние «более старых наций», «часто приходят им на смену, по-своему продолжают начатое ими дело, в чем и заключается так называемая историческая преемственность»³.

Идеологи нового российского либерализма были убеждены в том, что характер усвоения иностранного влияния и его результат зависит от нескольких факторов и, прежде всего, от субъекта заимствования, от его культуры восприятия иностранного опыта, уровня осмысления и интерпретации последнего. Они предостерегали от попыток привить на национальную почву политические институты, противоречащие исторической традиции. «Нельзя думать, – писал Ковалевский, – что можно навязать стране учреждения и нравы, переворот в которых стоит ей многих усилий и жертв, сжиться с которыми она более не в состоянии иначе как под условием отказа от своего прошлого»⁴. Аналогично высказывался Петрункевич. По его мнению, «государство, исторически сложившееся в течение многих веков, создавшее свою национальную культуру, свой умственный и духовный склад, налагающий свою особую печать на весь индивидуальный характер

¹ Он же. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох // Кареев Н.И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 329.

² Он же. О духе русской науки // Русская идея. М.: Издательство «Республика», 1992. С. 174.

³ Он же. Общий ход всемирной истории... С. 344.

⁴ Цит. по: Осипов И.Д. Философия русского либерализма XIX-начала XX веков. СПб.: Изд-во СПб университета, 1996. С. 136.

народа и на его общественный строй, ...не может по щучьему велению перестраиваться по любому трафарету, по любой теоретической схеме»¹.

Одновременно либеральные мыслители были против ускоренного заимствования, насаждения тех культурных форм, для эффективного функционирования которых условия еще не созрели. Для заимствования, писал Ковалевский, необходимы условия, которые и создадут потребность в заимствовании, «для действия "заразы" нужна предрасположенность к ней»². Маклаков, конкретизируя эту мысль в отношении России начала XX в., призывал идти по дороге, проторенной западной цивилизацией, «не мечтая всего сразу достигнуть», ибо «для роста всего живого есть свое положенное время. Раньше его вырастают только уроды»³.

Таким образом, представления российских либералов о заимствовании базировались на идее эволюционизма, являвшейся одним из важнейших теоретических оснований либерального мировоззрения.

По убеждению Герье, заранее предположить будущие результаты заимствования можно, но только в том случае, если не ограничиваться оценкой привлекательности тех или иных форм с современных позиций, а делать это «...в союзе с научным историческим методом», ибо только историческая наука может определить, соответствует ли перенимаемая форма «почве», подготовленной предшествующим развитием, или же «заимствование находится в противоречии с понятием органического развития народной жизни»⁴.

Анализ представлений отечественных либералов конца XIX-начала XX вв. по проблеме заимствования дает основания согласиться с утверждением Селезневой о том, что мыслители располагали достаточно высоким уровнем культуры заимствования⁵.

¹ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля: Воспоминания. Прага: Б.и., 1934. С. 213.

² Ковалевский М.М. Общее конституционное право. Б/д. С. 441.

³ Маклаков В.А. Из воспоминаний. С. 96.

⁴ Герье В.И. Идея народовластия и французская революция. С. 179.

⁵ Селезнева Л.В. Российский либерализм и европейская политическая традиция: созвучия и диссонансы. С. 123.

Объектом изучения и заимствования для либералов стали ведущие западные страны – Англия, Франция, Германия и США, причем ни одна из них не рассматривалась в качестве целостного образца для подражания: предполагалось заимствовать отдельные элементы в каждой из них. В объяснительной записке «освободительного» проекта конституции содержатся ссылки на опыт 11 стран. При этом весьма показательна аргументация авторов проекта, приводившаяся в обоснование заимствования того или иного элемента политической системы. Они полагали возможным заимствовать определенный элемент не потому, что тот оказался эффективен в стране-доноре, а потому, что он может быть оптимальным для российских условий¹. Такой подход органично согласовывался с взглядами либералов на проблему заимствования.

Из четырех ведущих стран Запада либеральные идеологи обращали особое внимание на политический опыт Германии, ибо считали данную страну наиболее близкой России типологически. В обоснование этого, Милюков указывал, что в обеих странах поборником прогресса и демократии выступал социализм, тогда как в англосаксонских государствах эта роль принадлежала либерализму². Отечественные либералы полагали, что созданная Отто фон Бисмарком конституционная монархия более всего соответствует российским историческим традициям. В современной историографии такую позицию отстаивают ряд исследователей и, прежде всего, Селезнева и А.Н. Медушевский. По мнению последнего, русские либералы ориентировались на германскую модель конституционной монархии с сильно выраженным монархическим принципом³.

Это не подтверждает тезис об англomanии отечественных либералов, долгое время господствовавший в советской историографии. Из идеологов нового либерализма наибольшие симпатии к Англии проявлял Ковалевский. По воспоминаниям современников, он «был одним из первых русских ученых, который узнал Англию, как она есть, в разнообразии ее течений и типов... он

¹ Основной закон Российской империи. Париж, 1905. С. 63.

² Селезнева Л.В. Указ. соч. С. 125.

³ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССЭН, 1997. С. 377.

был проникнут глубоким уважением к культурной жизни и правовому строю английского народа»¹. Однако, и Ковалевский не считал британскую модель парламентаризма идеальной, указывая, прежде всего, на неограниченную власть парламента, являющуюся угрозой правам граждан. «Английский парламент, – писал он, – ежечасно вправе применять меры к упразднению личных вольностей», и в этом случае у потерпевшего «не имеется никакого средства защиты»².

Чрезвычайно поучительным английский опыт государственного строительства находил Ф.Ф. Кокошкин. Парируя критику французских ученых в адрес Англии, он указывал: «Многие французские писатели иронизировали над английским государственным строем, ...они говорили, что англичане вместо того, чтобы создать простой порядок... создают сложное нагромождение предохранительных мер против беспорядка. История, однако, не оправдывает этой оценки государственных форм по степени их простоты. Сложный механизм английского государственного строя оказался гораздо прочнее и благоприятнее для свободы, чем те "простые машины", которые строили французы в течение ста лет, и которые ломались одна за другой, разбивая вместе с тем и индивидуальную свободу»³. Французская политическая модель привлекала Маклакова.

Исходя из этого, более обоснованным представляется утверждение В.В. Шелохаева о том, что среди русских либералов были сторонники как англосаксонской, так и континентально-европейской модели⁴.

Следует отметить, что либералы ограничивали предмет заимствования лишь «передовыми» странами, недооценивая важность изучения романских, балканских и скандинавских стран. Некоторым исключением может стать обращение Милюкова к конституционному опыту Болгарии. Помимо того, ориентируясь на

¹ Ковалевский М.М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. С. 62.

² Он же. Учение о личных правах // Опыт русского либерализма. Антология. М.: Канон, 1997. С. 201.

³ Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М.: Бр. Башмаковы, 1912. С. 253.

⁴ Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 31.

эффективно проявившие себя в странах Запада политические институты, либеральные мыслители недостаточно внимания уделяли негативному опыту развития представительной демократии.

Таким образом, политический опыт западных стран был одним из основных факторов формирования государственно-правовых взглядов представителей нового российского либерализма, причем значительное влияние имел опыт немецкой, английской, французской и американской государственности. Личное знакомство с западными порядками создавало броский демонстрационный эффект, подчеркивая социально-политическую отсталость России. Видя воплощение либеральных ценностей на практике, будущие либералы приходили к выводу о необходимости заимствования зарубежного опыта в процессе модернизации государства Российского.

О.А. Харусь¹

**ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ ГАРМОНИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ
ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА
(ИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ
ПРОФЕССОРОВ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

В числе многочисленных социально значимых проблем, волновавших умы либерально настроенных профессоров-правоведов Томского университета в начале XX века, особое место отводилось проблеме, составлявшей самую суть либерализма как мировоззренческой системы: как обеспечить общественный порядок, принимая за его основание индивидуальную свободу личности? К этому вопросу они обращались в своих научных трудах, посвященных различным аспектам истории, теории и философии права. Специфика исследовательских интересов и методологической позиции придавала рассуждениям интеллектуалов определенное своеобразие, проявлявшееся в их

¹ Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета.

предметном контексте, в эмпирической базе и логике умозаключений, в аргументации авторских выводов. Однако при этом обнаруживалось и несомненное сходство мнений по целому ряду ключевых моментов, обусловленное констатацией особой роли права как инструмента сопряжения общественного порядка и субъективной свободы. Фиксация позиций, по которым была достигнута высокая степень согласия профессоров юридического факультета Томского университета, размышлявших о перспективах социального переустройства Отечества на принципах свободы личности, и составляет исследовательский замысел данного доклада.

Общей исходной посылкой для либеральных мыслителей являлось понимание основного назначения права как базового конструкта общественного устройства: с одной стороны, оно должно обеспечивать личности свободу и возможность беспрепятственного развития, а с другой – гарантировать общежитие и прочный порядок совместной жизни. Иными словами, задачей права провозглашалась «не только охрана субъективных прав, но и охрана общих условий развития культуры, охрана культурных благ, которые не могут быть разделены без остатка между отдельными личностями, а имеют непреходящее значение»¹. Конкретизируя содержание этой задачи, профессор кафедры энциклопедии и истории философии права И.В. Михайловский вычленял два ряда общих принципов в правовой сфере: «Один ряд выводится из свободы и самоцельности личности, а другой – из необходимости организации общежития». К первому ряду он относил равенство всех перед законом, охрану личности и ее прав, запрещение нарушать чужое право, необходимость соблюдать договоры, а также свободу религиозных убеждений, свободу родного языка, неприкосновенность женской чести, право на жизнь, на честь, на свободное пользование законно принадлежащим имуществом, право не быть превращенным в вещь и т.п. Второй ряд принципов включал в себя необходимость прочной организации общежития, необходимость власти, стоящей на страже общего блага,

¹ Михайловский И.В. Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство // Образование. 1904. № 7. С. 37.

необходимость известных ограничений личной свободы для поддержания общежития, право власти применять принудительные меры для охраны общежития¹.

Разделяя представление о синтезе личной свободы и общего блага как ключевом императиве права, коллеги Михайловского разошлись с ним в трактовке природы и истоков подобного содержательного наполнения сферы права. Если Михайловский исходил из концепции естественного права, понимаемого с античных времен как идеальное, независимое от государства право, вытекающее из велений разума и природы человека, то его оппоненты ставили под сомнение «естественно-правовой» характер принципов, обеспечивающих сопряженность свободы личности и жизнеспособного общежития людей. Профессор кафедры полицейского права Н.Я. Новомбергский считал эти принципы продуктом «позднейшего, почти современного правосознания». К тому же, в отличие от Михайловского, Новомбергский скептически относился к представлениям об универсальности принципов естественного права, их доступности пониманию каждого человека, приемлемости для всех времен и народов².

Профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства И.А. Базанов также придерживался мнения, согласно которому функцию охраны свободы личности право обретает только на высших ступенях своего развития, в связи с изменением реального соотношения главных субъектов гражданского права: индивида и союза. Суть этого процесса он излагал следующим образом. Если в древнем праве союз в форме семьи, общины и пр. господствует над личностью, поглощает ее, то новейшее право характеризуется развитием индивидуализма, преобладающим значением личности, падением старых, естественных союзных форм и возникновением новых, главным образом произвольных союзных образований (различных обществ, товариществ, компаний и т.д.). Специфика новых союзов проявляется в свободном по преимуществу характере соединения индивидов, гарантирующем сохранение самостоятельного

¹ Он же. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. С. 203, 204, 217, 219, 470.

² Новомбергский Н.Я. Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права (Томск, 1914. Т. 1) // Журнал министерства юстиции. 1915. Март. С. 298.

значения личности¹. Именно на этой стадии, с точки зрения Базанова, задачей гражданского права становится строгая фиксация исторического изменения взаимодействия личности и союза.

Впрочем, тезис о соответствии права определенной ступени развития культуры, условиям места и времени не вызывал возражений и у Михайловского. Но при этом он был убежден, что «такое соответствие не исключает возможности для разумного законодателя, стоящего выше обычного уровня, постепенно работать над приближением данного общежития к более высокой ступени культурного развития»².

Несмотря на имевшиеся нюансы в трактовке природы и генезиса принципов права, теоретики либерализма были единодушны в признании необходимости формирования адекватного общественного правосознания в качестве обязательной предпосылки создания правового государственного порядка. В отсутствие развитого правосознания формально-правовые установления в обществе представлялись им лишенными смысла, не способными сколько-нибудь заметно изменить реальное положение вещей. «Правовое государство, – подчеркивал специалист в области финансового права М.И. Боголепов, – прежде всего опирается на определенное правосознание общества и в этом правосознании находит свое основание и устойчивость»³.

Обосновывая значимость воспитания в обществе чувства законности, теми же соображениями руководствовался и Михайловский, писавший: «...уважение к закону, когда оно утверждается долгой практикой и входит в нравы, составляет самую надежную опору государственного строя»⁴. Главная задача, по его мнению, заключалась в наполнении формы (конституции) содержанием посредством борьбы «с самими собою» – «с невежеством, с дикими понятиями, разлитыми в обществе, с

¹ Базанов И.А. Основные черты гражданско-правового строя крестьян по Положениям 19-го февраля и позднейшим узаконениям. Томск, 1912. С. 13-14.

² Михайловский И.В. Рецензия на учебник философии права Иосифа Колера (Берлин, 1909). Б.м., б.г. С. 369 (оттиск).

³ Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб., 1907. С. 26.

⁴ Михайловский И.В. Воззрения Б.Н.Чичерина... С. 33.

укоренившимся веками раболепством, с одной стороны, и с легкомысленным либерализмом, с другой»¹. Михайловский подчеркивал: «Никакие бумажные конституции, никакие законы не могут перевоспитать общество, веками воспитанное в атмосфере бесправия. Только сильно развитое чувство законности, уважение к личности, уважение к праву создают крепкий, надежный фундамент государственного строя, и это настроение, господствующее в обществе, гораздо надежнее охраняет правопорядок, чем томы законов, бессильно стоящих на полках библиотек и присутственных мест»².

На необходимости подготовки человека к новому государственному и общественному строю при помощи мер социального воспитания настаивал и профессор кафедры истории русского права И.А. Малиновский. При этом он ссылался на содержащийся в книге В.М. Бехтерева «Внушение и его роль в общественной жизни» социологический рецепт борьбы с преступностью, суть которого заключалась в прививке обществу антизаразного начала путем правовых жизненных норм³.

Здравая оценка интеллектуалами российской действительности не оставляла места для иллюзий по поводу готовности соотечественников к переустройству общества на началах синтеза личной свободы и общего блага. Либералы чутко фиксировали симптомы отставания России от Западной Европы в этом отношении: отсутствие уважения к закону во всех слоях русского общества, самоуправство и произвол со стороны власти, порождавшие замену чувства законности верой во всемогущество барина-начальника, постоянные нарушения предписаний закона и т.п. Драматизм ситуации, по их мнению, усугублялся тем, что атрофия чувства законности имела глубокие корни в самих устоях общественной жизни. Реформы 60–70-х гг. XIX в., будучи противоречивыми и непоследовательными, не смогли изменить эти устои. Сохранение зависимости крестьян от общины, от податного и паспортного закрепощения, контрреформистские по сути

¹ Он же. Б. Чичерин о конституции в России // Право. 1906. № 35. Стб. 2767.

² Он же. Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск, 1910. С. 9.

³ Малиновский И.А. Кровная месть и смертные казни. Томск, 1909. Вып. II. Ч. III. С. 141, 142, 145.

изменения в Земском и Городовом Положениях 90-х гг., частичные изменения судебных уставов, введение института земских начальников, сохранение цензурного гнета, телесных наказаний и пр. – все это в совокупности способствовало, по словам Малиновского, поддержанию тех понятий, взглядов, привычек и нравов, которые образовались во времена крепостного права¹.

Тем не менее, правоведа с оптимизмом смотрели в будущее. Их уверенность в конечном успехе формирования национального сознания на принципах законности, уважения к праву, к личности питалась исторической памятью о традициях и богатых возможностях русского народа, отраженных в юридических памятниках («Русской правде», Псковской и Новгородской судных грамотах), «где выразилось такое здоровое, цельное правовое чувство»; в памятниках народного искусства, народной песне, во многих фактах и событиях русской жизни. Михайловский писал: «...страна, давшая человечеству Глинку, Чайковского, Васнецова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Менделеева, Мечникова, Чичерина, ... имеет перед собой будущее, для такой страны стоит работать»².

Дополнительным основанием для положительной оценки либералами перспектив приобщения россиян к цивилизованному гражданскому обществу посредством культивирования чувства законности служили наметившиеся на рубеже XIX-XX вв. тенденции трансформации народного правосознания. Фиксируя противоречивость русской общественной жизни, Малиновский отмечал присутствие в ней двух течений: «Молодая раскрепощенная Россия уже начала свое бытие и сделала первые нетвердые шаги; но еще доживает последние дни старая крепостная Россия, она употребляет отчаянные усилия, чтобы продлить свое существование ... и ревниво оберегает приобретенные права»³.

Эта противоречивость не могла остаться без влияния на народное правосознание, которое также обрело некое переходное

¹ Он же. Вопросы права в сочинениях А.П. Чехова. Доклад, читанный в заседаниях Томского юридического общества 9 и 30 октября 1904 г. Томск, 1905. С. 11.

² Михайловский И.В. Университет и наука. Вступительная лекция в курсе философии права, читанная 18 сентября 1907 г. студентам I курса юридического факультета. Томск, 1908. С. 16, 17.

³ Малиновский И.А. Вопросы права в сочинениях А.П. Чехова... С. 12.

состояние. Анализ наметившихся сдвигов давал богатую пищу для размышлений. Сущность новых тенденций, обозначившихся в 90-е гг. XIX в. как реакция на «начавшееся разложение в самих недрах народной жизни», Новомбергский определял таким образом: «Правосознание народное, всегда чуткое к температуре окружающей среды, постепенно начинает отражать в себе криворост крестьянской мысли, расшатанной жизнью в казарме, городе, на фабрике и различных отхожих промыслах. Крестьянство, затронутое толками об общих гражданских правах, теряет мало-помалу патриархальную веру в совесть мира и ищет спасения в определениях писанного права, идет к мировому, апеллирует к земскому начальнику»¹.

Движение «от совестного безобрядного волостного суда к камере представителя твердой правительственной власти», служившее показателем вытеснения обычая законом, воспринималось как необратимое. Залогом поступательного развития этого процесса Новомбергский считал даже не столько начавшееся расщепление устоев народной самобытности, которое должно было сломить власть мира над личностью и поставить последнюю в условия общих гарантий правосудия и гражданского равенства перед единым для всех законом, сколько общие закономерности формирования гражданского общества. Излагая их суть, заключающуюся в процессе «обобществления закона», профессор писал: «Когда гражданская жизнь достигает известной степени выработанности, когда падают национальные, религиозные и сословные перегородки между гражданами одного государства, когда просвещение и культура становятся всеобщим достоянием, то закон обобществляется, народное правосознание покидает свои изолированные пути развития и неизбежно сливается с общим течением национально-государственного правообразовательного творчества»².

Признание необратимости замены обычного права законом не являлось для либералов основанием к попыткам придать ей ускоренный характер. Напротив, исходя из принципа постепенности общественного развития, они стремились не допустить его

¹ Новомбергский Н. Волостной суд, преобразованный по закону 2-го июня 1898 года. Практическое руководство. Томск, 1910. С. XIII.

² Там же. С. XIII-XIV.

форсирования при отсутствии соответствующих объективных условий. Поэтому при всей важности общих законодательных норм для воспитания у масс чувства законности и охраны правопорядка, без которого немыслима государственная прочность, радикальный разрыв с нормами обычного права представлялся совершенно неприемлемым. Новомбергский подчеркивал: «Непризнание обычая в вопросах, возникающих между обществами, отдельными крестьянами и между первыми и последними на почве общинного пользования землею и кругового отбывания повинностей ... равносильно будет ... расстройству крестьянской жизни до тех пор, пока личность крестьянина в силу полицейских и финансовых соображений подавлена властью двора, общества, прикреплена к земле, ограничена в правах передвижения, собственности и т.п.». И эту убежденность в недопустимости насилия по отношению к народной совести со стороны абстрактных норм писанного закона не могли поколебать ни обращения отдельных крестьян, переросших незатейливую волостную юстицию, с просьбами о разбирательстве их дел на основании общих законов, ни то обстоятельство, что волостной суд зачастую принимал решения, противоречащие переходному настроению крестьянства и нацеленные на движение вспять – к обычаю. Исключение «в интересах не правового, а общего культурного развития массы» допускалось лишь в плане отмены решений, принятых под влиянием жестоких и вредных обычаев, характеризующих не самобытный склад семейно-хозяйственных основ деревни, а душевную грубость и прискорбную духовную нищету народа, как-то: деспотизм старшего в доме, унижительное отношение к женщине, сечение розгами и т.п.¹

Стремление представителей юридической интеллектуальной элиты приобщить россиян к цивилизованному гражданскому обществу путем распространения образования, социального воспитания, формирования правосознания при опоре на традиционные религиозные и нравственные ценности с учетом национальной самобытности может расцениваться как показатель зрелости либеральной культуры заимствования. Их западническая ориентация в самом общем виде не вызывает сомнений. Выход

¹ Там же. С. XV, XVII, XIX.

России из «заколдованного круга отсталости» они однозначно связывали с движением «со всеми цивилизованными народами по одному пути культурного прогресса, ... к одному общему идеалу – дать всем людям ... возможность пользоваться благами света культуры, на основах гражданской свободы и равенства». Тем не менее нет ни малейших оснований для обвинения либералов в «слепом» копировании европейского опыта в России, поскольку они предусматривали адаптацию его элементов к почвенным условиям. Михайловский подчеркивал: «Вообще надобно с большим уважением и вниманием относиться к урокам истории, к вековым традициям и учреждениям: в них всегда мы откроем элементы истины, несмотря на все уклонения, наслоения, которыми нередко закрыты эти элементы»¹.

Сознанием необходимости усваивать элементы общечеловеческого опыта, найденные и апробированные другими народами, с учетом конкретно-исторических обстоятельств своей страны руководствовался и профессор Базанов. Рассуждая по поводу критических замечаний в адрес проекта вотчинного режима, обсуждавшегося в III Государственной Думе, он отвергал как абсолютный негативизм по отношению к заимствованиям с Запада в вопросах правовой организации под предлогом их недоступности пониманию широких масс и вытекающих из этого тяжелых испытаний для населения, так и стремление сторонников рецепции западноевропейских ипотечных порядков к стихийному подражанию в области формального права. «В этих разногласиях, – писал он, – истина кроется в середине». Такой позицией и объяснялось его одобрительное отношение к тем проектам (в том числе к проекту вотчинного устава, внесенному в III Государственную Думу министром юстиции), которые «так же внимательно считаются с достоинством родного правообразования, как и с опытом и с успехом правообразования соседей», а потому, «если они и представляют собою заимствование, то самостоятельное и свободное»².

В целом, в своих размышлениях о возможностях и перспективах гармонизации интересов личности и общества в

¹ Михайловский И.В. Культурная миссия юристов... С. 6.

² Базанов И.А. Вотчинный режим в России. Его происхождение современное состояние и проект реформы // Известия Императорского Томского университета. Кн. XXXIX. Томск, 1910. С. 295-296.

России правоведы Томского университета исходили из ценностных ориентиров либеральной доктрины. Основной акцент в их концепциях был сделан на социальное воспитание, культивирование чувства законности в населении, развитие адекватного гражданскому обществу национального самосознания. Трансформация сознания посредством развития общей культуры россиян должна была стать оплотом против всевозможных правонарушений, посягающих на интересы как отдельной личности, так и всего общества. Такое смещение акцентов с проблем правового регулирования общественного порядка на вопросы морально-этические не было случайностью. В его основе лежало осознание контраста между западноевропейской и российской социокультурной реальностью, понимание того, что последняя, не будучи подвергнута соответствующему воздействию, способна заблокировать любые либеральные начинания. Отсюда то исключительное значение, которое придавалось просвещению населения и воспитанию разумных, зрелых, сознающих свои личные интересы и вместе с тем свою ответственность перед обществом индивидов. Ключевым мотивом либерального просветительства являлось при этом стремление сделать представления о ценности человеческой личности, ее праве на свободу самовыражения в рамках общежития имманентными для россиян благодаря глубокому индивидуальному их осмыслению. Подобный подход, основанный на учете своеобразия российской действительности, исключал возможности искусственной трансплантации элементов западноевропейской культуры и, вместе с тем, был безусловно либерален по своей сути.

А.Н. Егоров¹

ВОЛОГОДСКИЕ КАДЕТЫ НА ВЫБОРАХ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

В начале XX в. Вологодская губерния являлась обычной российской провинцией с преимущественно крестьянским населением. Географическое положение губернии превращало ее в удобное место для политической ссылки, которая являлась важным фактором общественно-политической жизни края. На местах сложились тесные контакты между политическими ссыльными и деятелями земского и городского самоуправления, придерживавшихся, как правило, либеральных взглядов. Накануне Первой российской революции в губернии сформировалась относительно единая оппозиционная среда из политссыльных, провинциальной интеллигенции и деятелей местного самоуправления, которой были близки как либеральные, так и социалистические идеи, наблюдался их симбиоз. Именно из этой среды в 1905 г. выросли кадетские организации губернии, отличавшиеся левизной и опиравшиеся на органы местного самоуправления.

Выборы в первые две Государственные думы прошли в губернии в соответствии с общероссийскими тенденциями. Региональная особенность заключалась в отсутствии рабочей курии из-за недостаточно развитого крупного промышленного производства. В I Думу выбрали губернского предводителя дворянства, октябриста Н.Н. Андреева и четырех крестьян, один из которых вошел во фракцию трудовиков (остальные ни в какие фракции не вступили); во II Думу – земского деятеля, кадета Н.М. Волоцкого и четверых крестьян, поддержавших трудовиков².

В июне 1906 г. вологодским губернатором назначили активного участника монархического движения, будущего министра

¹ Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета.

² Егоров А.Н. Политические предпочтения депутатов Государственной думы Российской империи от северных губерний // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2015. Ч. 1. С. 256, 259.

внутренних дел А.Н. Хвостова, который жесткими административными методами стал бороться с кадетами и социалистами, опираясь на возникший в Вологде в феврале 1906 г. Союз русского народа во главе с женой земского начальника А.И. Карауловой. Третьеиюньский избирательный закон явно ослаблял возможности левых партий и либеральной оппозиции на выборах в III Думу, чем не мог не воспользоваться Хвостов. Используя методы административного воздействия на выборы, он сумел обеспечить благоприятный для властей результат – все пять избранных от губернии депутатов III Думы вошли в правые фракции¹.

Административно-полицейские меры властей в совокупности с общим спадом общественной активности после окончания Первой российской революции привели к внешней нормализации положения в губернии: революционные организации были подавлены, влияние кадетской партии подорвано. Провинциальные либералы были отстранены от работы в государственных учреждениях, земствах и городских думах, исключены из дворянских собраний и общественных организаций. Подобная общественная атмосфера приводила к ослаблению интереса населения к избирательным кампаниям. Если во время первых двух Дум еще была слабая надежда на парламент, то к третьим выборам она практически исчезла. Пять лет работы III Думы еще сильнее разочаровали обывателей, интерес к парламенту, как новому политическому институту, явно затухал. Так, в начале 1912 г. отвечая на запрос губернатора, председатель Яренского уездного дворянского съезда С.И. Турбин писал, что интерес населения к деятельности Думы «со времени учреждения ее, прогрессивно ослабевал и в данный момент число лиц, интересующихся деятельностью Думы среди местной интеллигенции, не говоря уже о крестьянах, – весьма незначительно»².

¹ Егоров А.Н. Политические предпочтения депутатов Государственной думы Российской империи от северных губерний // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2015. Ч. 1. С. 260.

² ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4877. Л. 1.

В преддверии выборов в IV Государственную думу в Российской империи оживилась общественно-политическая жизнь, проявились тенденции к полевению общественных настроений, затронувшие и Вологодскую губернию. В январе 1912 г. МВД обратилось к губернатору с просьбой дать прогноз на ход предстоящих выборов в Думу «в смысле политической группировки избирателей» и избрания в депутаты представителей тех или иных партий. По большинству уездов местные власти высказывали тревогу по поводу роста оппозиционных настроений. Подводя итог предвыборным настроениям, губернский предводитель дворянства А.Н. Неелов заключал, что среди избирателей в последнее время серьезно усилились «оппозиционные элементы» и что «движение это не имеет связи с деятельностью Государственной думы, а есть продукт местных условий жизни»¹.

В августе 1910 г. вместо А.Н. Хвостова на должность вологодского губернатора был назначен М.Н. Шрамченко, активно поддержавший в годы Первой российской революции Союз русского народа. Казалось бы, его естественными союзниками на выборах должны были стать местные черносотенцы, на которых опирался Хвостов. Но к тому времени Союз русского народа раскололся на «дубровинцев» (лидер А.И. Дубровин) и «обновленцев» (лидер Н.Е. Марков). Первые резко осуждали Манифест 17 октября 1905 г. и появление парламента, видя в этом отступление от самих основ российского самодержавия. Вторые, видя в Манифесте волю Императора, признавали наличие Государственной думы и были готовы в ней работать. К этому добавлялось различие в социальном составе «дубровинцев» и «обновленцев»: за первыми шли различные слои простого народа, а вторые опирались на помещиков и часть чиновничества. Николай II и его окружение открыто предпочитали «обновленцев» «дубровинцам». Вологодские черносотенцы относились к последним, что должен был учитывать Шрамченко, не собиравшийся поддерживать на выборах в парламент вологодское отделение СРН. Но проблема была в том, что иных политических организаций правых в губернии не было.

¹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4877. Л. 7.

При таком положении дел властям нужно было решить две взаимосвязанные задачи: начать массовую пропагандистскую кампанию в поддержку правых идей и создать некую новую политическую структуру для проведения на выборах своих кандидатов. Первая задача решалась по отработанной схеме – с начала марта 1912 г. в Вологде начинает выходить правомонархическая газета «Северное время», которая финансировалась, как и другие издания подобного рода, из рептильного фонда Главного управления по делам печати¹. Особым распоряжением губернатора все волостные правления должны были с 1 июля 1912 г. выписывать эту газету².

Решение второй задачи подсказал уроженец Вологды, местный помещик, член Государственного совета, министр путей сообщения С.В. Рухлов, который являлся первым председателем Всероссийского национального союза. Во время визита в Вологду в июле 1912 г. он посоветовал губернатору организовать вологодское отделение данного союза, которое и должно было объединить всех сторонников правых. Шрамченко подхватил эту идею и 14 сентября 1912 г. в Вологде прошло торжественное открытие Вологодского отдела ВНС, на котором присутствовала вся административная элита губернии³. Однако, серьезной поддержки эта организация не получила, что объясняется неприятием националистических идей населением практически мононациональной Вологодской губернии. В итоге Вологодский отдел ВНС остался мертворожденной организацией, которая прекратила свое существование вскоре после окончания выборов.

Планируя провести в думу кандидатов ВНС, Шрамченко необходимо было заручиться поддержкой вологодского отделения СРН, которое имело определенный авторитет в губернии. Обращаясь через «Северное время» к вологодским черносотенцам, власти призывали: «Сейчас всем правым необходимо объединиться, а не делиться на крайних правых, националистов, октябристов, потому что эти партии в отдельности в Вологде представляют из себя незначительное количество и только разобьют голоса, если будут каждая голосовать за своих

¹ Степанов С.А. Черная сотня. М., 2005. С. 159.

² ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4873. Л. 7.

³ Северное время. 1912. 16 сентября.

кандидатов»¹. В итоге на общем собрании местного отдела СРН 23 сентября 1912 г. принимается решение о том, что черносотенцы своих кандидатов в выборщики не выставляют, а будут поддерживать правых кандидатов, рекомендованных властями².

Кроме Всероссийского национального союза и Союза русского народа власти делали ставку на духовенство, имевшее во многих уездах Вологодской губернии большинство в курии землевладельцев из-за слабо развитого помещичьего землевладения, что ярко проявилось на выборах в III Думу – из пяти избранных депутатов трое были священниками.

Накануне выборов в IV Думу в губернии, как и по всей стране, наблюдалась поляризация политических сил – правым кандидатам противостояла оппозиция, опиравшаяся на кадетскую партию и умеренных социалистов. Популярная местная газета «Вологодский листок», на страницах которой неоднократно печатались близкие к либералам и социалистам авторы, называла всех оппозиционеров «прогрессистами», противопоставляя их «правым». В 1906 – 1907 гг. власти сумели административно-полицейскими методами существенно ослабить оппозиционные силы, но полностью подорвать их влияние было невозможно.

В Вологде сказывалось влияние политических ссыльных, многие из которых принадлежали к РСДРП. Вологодские социал-демократы решили выдвинуть на выборы своего кандидата – присяжного поверенного В.Н. Трапезникова³. Поскольку в Вологодской губернии не было отдельной рабочей курии, социал-демократы могли рассчитывать лишь на второй съезд городских избирателей, по которому голосовали близкие к ним приказчики и рабочие, снимавшие отдельную квартиру или имевшие имущественный ценз.

Однако, основная опасность для властей исходила не от РСДРП, представленной на выборах одним Трапезниковым, а от кадетов, которые хотя и не имели формально своей организации, но действовали сплоченно и пользовались серьезным авторитетом среди избирателей городской и, отчасти, крестьянской курии. Так,

¹ Северное время. 1912. 23 августа.

² Северное время. 1912. 25 сентября.

³ См.: Панов Л.С. Непримиимый Трапезников. Очерк жизни политического деятеля, юриста и краеведа В.Н. Трапезникова. Вологда, 2013. 218 с.

председатель Никольского уездного дворянского съезда в докладе губернатору отмечал, что крестьяне поддержат тех кандидатов, которые пообещают им землю, так как «местные крестьяне больше всего заинтересованы земельным вопросом, а таковые вопросы на первое место выдвигает крестьянин Попов, принадлежа сам к кадетской партии»¹.

Накануне выборов кадеты выдвинули согласованный список «Прогрессивных избирателей», включавший в себя по г. Вологде бухгалтера общества взаимного страхования, гласного городской думы Ф.А. Копылова; купца, директора городского банка И.В. Клушина; инженера-технолога, гласного городской думы Н.Я. Масленникова; управляющего частной типографией В.Ф. Сиземского; присяжного поверенного, гласного городской думы А.М. Виноградова². Первые трое принадлежали к кадетской партии, остальные ей сочувствовали. Лозунги либеральной оппозиции отличались умеренностью. Кадеты призывали решать «нужды нашего края, нужды общегосударственные и местные»; «нужды крестьянина, страдающего от малоземелья»; исправлять «непорядки российской действительности»; выбирать независимых людей, которые «будут стоять за неотложное проведение тех реформ, которые поведут русскую жизнь по пути прогресса, которые широко разовьют экономические силы страны, которые облегчат положение трудящихся масс»³.

Кадеты могли представить свои лозунги жителям Вологды через городскую газету «Вологодский листок», поддерживавшую оппозицию, но донести их до всех избирателей губернии было довольно сложно. Во время выборов власти, пытаясь всячески ограничить распространение либеральной и социалистической агитации, установили на местах жесткий контроль за получением печатных изданий. Вологодский губернатор дал указание земским начальникам строго наблюдать за тем, какие издания выписываются волостными правлениями, направлять их списки в канцелярию губернатора, изымать левые издания⁴. Также изымались и уничтожались все листки, воззвания, газеты и

¹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4877. Л. 6 об.

² Вологодский листок. 1912. 25 сентября.

³ Вологодский листок. 1912. 18 октября.

⁴ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4873. Л. 7.

журналы, которые рассылались бесплатно без подписки для распространения. Полиция должна была срывать все расклеенные воззвания с именами кандидатов, напечатанные без разрешения властей. Запрещалось упоминать в воззваниях нелегализованные партии, к которым относились и кадеты¹.

Начиная с выборов во II Думу, избирательный процесс тщательно контролировался. Еще в декабре 1910 г. Департамент полиции потребовал от всех губернских жандармских управлений «в виду предстоящих выборов депутатов в четвертую Государственную Думу» установить «самое тщательное наблюдение» за местными организациями кадетской партии и ее отдельными представителями². Данные обо всех выборщиках собирались уездными избирательными комиссиями, посылались губернатору, а от него направлялись товарищу министра внутренних дел А.Н. Харузину, отвечавшему за ход выборов. В случае избрания оппозиционного кандидата власти стремились найти любой повод для законного опротестования выборов, а если он не находился, то выборы нежелательного кандидата могли кассировать и без каких-либо серьезных оснований. Показательна телеграмма Шрамченко в МВД, в которой говорилось, что в десяти волостных сходах Грязовецкого уезда избрали двадцать уполномоченных правых по убеждениям, а в одиннадцатой Гаврильцевской волости избрали левого; соответственно «выборы этой волости отменены полностью по нарушению 85 статьи положения»³.

Стремясь не допустить на выборы оппозиционных кандидатов, власти шли на различные хитроумные комбинации. Так, в г. Никольске избрали в выборщики оппозиционного кандидата – врача М.А. Перова, что не устроило губернатора, подавшего протест в губернскую избирательную комиссию. Председатель комиссии В.И. Сокальский 15 октября, т.е. за 5 дней до губернского избирательного собрания, сообщил Перову в Никольск по телеграфу об его отстранении от выборов на основании протеста губернатора, хотя решения губернской комиссии по этому вопросу еще не было. 16 и 17 октября Перов по телеграфу интересовался у

¹ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 194. Л. 150.

² ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 36. Л. 17.

³ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 194. Л. 10.

Сокальского, ехать ли ему на выборы, и получал ответ, что вопрос еще не решен. Лишь 18 октября губернская комиссия признала выборы Перова правильными, после чего в тот же день вечером ему сообщили об этом по телеграфу. Но в это время из Никольска добраться на выборы в Вологду к утру 20 октября было уже физически невозможно (от Никольска до Вологды 616 верст, а до ближайшей железнодорожной станции Шарья 180 верст)¹. Не вызывает сомнений, что председатель губернской избирательной комиссии Сокальский намеренно тянул время с принятием решения с целью не допустить приезда оппозиционного кандидата на выборы.

Очевидно, что подобные действия явно не прибавляли авторитета властям среди избирателей. Все случаи административного воздействия на ход выборов кадеты фиксировали и направляли информацию о них в газету «Речь»; местная пресса, за редкими исключениями, не писала о подобных фактах, опасаясь конфликтовать с губернскими властями. После выборов кадеты направили соответствующие жалобы в Государственную думу, оставшиеся, правда, без последствий. II отдел Думы, рассмотрев избирательный процесс в Вологодской губернии, счел административные нарушения не существенными и утвердил итоги выборов². Использование властями административного ресурса не являлось местной особенностью – подобные явления на провинциальном уровне происходили повсеместно.

Как показали выборы в III Думу, оппозиционные кандидаты получали поддержку, прежде всего, по второму городскому избирательному съезду, объединявшему средние городские слои: мелких домовладельцев и торговцев, ремесленников, служащих, чиновников и квартирнанимателей (до 85% городских избирателей)³. Понимая это, накануне выборов Шрамченко по распоряжению министра внутренних дел разделил второй съезд избирателей Вологды на два отделения, отнеся к первому владельцев недвижимых имуществ и торгово-промышленных

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 14. Л. 13 об.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 14. Л. 26.

³ Государственная дума России: Энциклопедия: В 2-т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). М., 2006. С. 494.

предприятий, а ко второму – всех остальных избирателей. Тем самым разбивались голоса оппозиционных избирателей, а правые получали дополнительную возможность пройти по первому отделению второго городского съезда.

Однако любые административные меры воздействия на избирателей имели свои границы. Выборы в Вологде показали, что оппозиция имеет серьезную поддержку. По первому городскому избирательному съезду из трех выбранных двое представляли кадетскую партию (Ф.А. Копылов и И.Ф. Клушин) и лишь один – правых (Н.А. Волков). По первому отделению второго городского избирательного съезда избрали сторонника оппозиции В.Ф. Сиземского, который опередил почти в два раза (72 голоса против 47) правого И.Е. Чурина. Тревожным звонком для властей стало избрание по второму отделению второго городского избирательного съезда социал-демократа В.Н. Трапезникова благодаря поддержке кадета А.М. Виноградова, снявшего свою кандидатуру в его пользу после первого тура голосования¹. В письме в редакцию газеты «Вологодский листок» Виноградов объяснил это тем, что в первом туре Трапезников получил больше всего голосов, и он хотел избежать «дробления голосов при вторых выборах»². В телеграмме Харузину Шрамченко сожалел, что нет формальных оснований отменить выборы в Вологде³.

Кроме Вологды, оппозиция получила поддержку в ряде городов губернии. В Великом Устюге из трех выборщиков от городской курии двое принадлежали к кадетской партии, в Яренске – один из двух выборщиков⁴. Выборы по крестьянской и землевладельческой куриям внешне проходили для властей благоприятно – по донесениям с мест повсюду проходили, в основном, правые.

Итоговые выборы состоялись в губернском избирательном собрании 20 октября 1912 г. Избирательный закон 3 июня 1907 г. требовал обязательного представительства всех курий. Поэтому три члена Думы избирались всеми выборщиками от курий земледельцев, землевладельцев и горожан (по одному от курии), 2 депутата – от общего собрания губернских выборщиков. По

¹ Северное время. 1912. 9 октября.

² Вологодский листок. 1912. 3 октября.

³ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 194. Л. 114.

⁴ Северное время. 1912. 10 октября.

крестьянской курии баллотировалось 7 человек, но основная борьба развернулась между председателем Тотемской уездной земской управы К.С. Шумляевым, которого поддерживали власти, и волостным старшиной, крестьянином Ф.К. Кабановым, не скрывавшим своих симпатий к кадетам – за него стояла оппозиция. Во втором туре Кабанов победил преимущественно в четыре голоса. По курии землевладельцев в ходе баллотировки оппозиционный кандидат Д.Я. Попов получил всего 21 голос, что было явно недостаточно для успеха на выборах. В этой ситуации он не стал выдвигать свою кандидатуру, а кадеты решили проголосовать за умеренно-правого А.А. Можайского, рассчитывая, что в случае избрания он уедет в Санкт-Петербург и освободит должность председателя губернской земской управы, на которую кадеты планировали провести своего лидера В.А. Кудрявого. В итоге Можайский оказался единственным членом Думы, избранным в первом туре приличным большинством голосов (47 за, 22 против). В городской курии власть делала ставку на городского голову Грязовца А.П. Морозова, но он провалился уже в первом туре. Во втором туре правые добились успеха – их представитель протоиерей Никольского собора И.М. Гвоздев обошел кадета В.В. Глубоковского преимущественно всего в один голос. Общий съезд избирателей за представителей властей не проголосовал. Во втором туре избрали священника Д.Я. Попова, прогрессиста по политическим взглядам; два кандидата получили одинаковое количество голосов и, в соответствии с действующими правилами, один из них был избран по жребию. Им оказался крестьянин, волостной старшина Н.С. Орлов, позиционировавший себя как умеренно-правый¹.

Как показали выборы, усилия губернских властей провести в Думу своих кандидатов дали довольно скромные результаты. Из пяти избранных депутатов Думы во фракцию правых вступил лишь один – священник И.М. Гвоздев. Даже председатель Вологодской губернской земской управы А.А. Можайский, на которого делали ставку власти, вошел во фракцию Центра. Выбор фракции Можайским был вполне осознанным – в Думе он выступал за создание устойчивого и работоспособного центра в составе

¹ Северное время. 1912. 24 окт.; Вологодский листок. 1912. 24 окт.

прогрессистов, октябристов, центристов и националистов¹. В эту же фракцию вступил и крестьянин Н.С. Орлов, не имевший четких политических взглядов. Священник Попов вошел во фракцию прогрессистов, о чем он и говорил во время предвыборной кампании. Депутат от крестьянской курии Ф.К. Кабанов в интервью «Вологодскому листку» четко определил свои политические предпочтения: «я в Думе занимаю место между прогрессистами и кадетами и голосую всегда с оппозицией... Душой я с оппозицией»².

Докладывая министру внутренних дел А.А. Макарову о результатах выборов, Шрамченко признавал провал всех кандидатов в Думу (кроме Можайского), намеченных властями. Он объяснял это случайным характером выборов и невыполнением священниками предварительных договоренностей: «духовенство стремилось захватить три места вместо двух условленных на предварительном соглашении, чего им к счастью не удалось достигнуть». В итоге «выборы протекли крайне нервно» и были избраны «совершенно случайные» люди³. Ссылки Шрамченко на случайный характер выборов выглядят как оправдание собственной неспособности провести в Думу нужных лиц. Роль случайности, которая присутствует в любой избирательной кампании, не стоит переоценивать. На выборах сошлись две силы: правые, которых всячески поддерживала власть, и оппозиция во главе с местными кадетами. Благодаря положениям избирательного закона от 3 июня 1907 г. и административному ресурсу, правые имели преимущество, но сами губернские власти не пользовались авторитетом среди избирателей – все их кандидатуры (кроме Можайского) были забаллотированы. Оппозиция имела существенное число своих сторонников – из пяти избранных двое вошли в оппозиционные фракции кадетов и прогрессистов, причем до выборов они свои взгляды не скрывали. Большое значение имела позиция не определившихся в политическом отношении выборщиков, от чьих голосов часто зависел общий исход выборов. Об этом говорит тот факт, что все депутаты, кроме Можайского, были избраны только во втором туре незначительным большинством голосов. Уверенная победа

¹ Вологодский листок. 1912. 2 декабря.

² Вологодский листок. 1912. 11 декабря.

³ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 194. Л. 121.

Можайского в первом туре объясняется тем, что за него голосовали кадеты по указанным выше причинам, причем данный факт Шрамченко признавал. Вряд ли можно назвать случайной победу близкого к кадетам крестьянина Ф.К. Кабанова по земледельческой курии – в ходе предвыборной кампании он подчеркивал, что ставит решение земельного вопроса в качестве своей приоритетной задачи.

Таким образом, можно сделать вывод об очевидно проявившихся в ходе выборов на провинциальном уровне тенденциях к росту оппозиционных настроений и падению авторитета властей. Жесткие меры по «успокоению» страны дали определенный результат в первые годы после революции 1905 – 1907 гг., но они не могли снять всех накопившихся в стране противоречий. Выборы в IV Государственную думу, несмотря на все ограничения избирательного закона от 3 июня 1907 г., показали очевидный запрос общества на реформирование страны. В этой ситуации провинциальные власти на уровне Вологодской губернии не только не смогли ответить на этот запрос, не пойдя хоть на какой-то ограниченный диалог с оппозицией, но даже не смогли должным образом консолидировать правые силы и провести в Думу своих кандидатов. Применяя против оппозиции широкий спектр административных мер, власти еще больше загоняли ситуацию в тупик. Выборы показали нарастание противоречий между властью и обществом, что при сохранении проводимого правительственного курса вело Российскую империю к революционным потрясениям.

А.А. Кара-Мурза¹

**ФИЛОСОФИЯ И ЖУРНАЛИСТИКА:
АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КРАЕВСКИЙ²**

Наш сегодняшний симпозиум посвящен теме «Философия и журналистика» и приурочен к 200-летию Андрея Александровича Краевского, крупнейшего русского журналиста, редактора, выдающегося организатора журналистского дела. Краевский несколько десятилетий редактировал «Отечественные записки» – бесспорно лучший российский общественный журнал. Он был организатором и редактором первой русской ежедневной газеты «Голос», ставшей идеологом и рупором «Великих реформ» 1860-х гг., а потом жертвой контрреформ 1880-х. Краевский был организатором и руководителем первого в России телеграфного агентства.

Но Андрей Краевский был не только журналистом. Он был еще и философом: окончил философский факультет Московского университета с отличием и степенью «кандидата этико-политических наук». Через всю свою долгую жизнь (а прожил он без малого 80 лет) Краевский пронес любовь к философии, особенно к таким ее разделам, как этика и политическая философия.

Поэтому, воспользовавшись этим 200-летним юбилеем, мы намерены сегодня поставить вопрос шире: поговорить о сродстве и переплетениях этих двух ремесел, профессий, призваний, – философии и журналистики. Это было важно для России XIX в., это интересно и важно для нас сегодня.

Начать свой доклад перед философско-журналистской аудиторией я бы хотел с особой темы. Мало в Москве найдется таких зданий и таких залов (как это здание на Волхонке и этот зал, в которых мы сейчас находимся), – которые были бы так тесно

¹ *Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории Института философии РАН.*

² Доклад 10 мая 2010 г. в Институте философии РАН на симпозиуме «Философия и журналистика»

связаны с историей не только русской философии, но и с историей отечественной журналистики.

Начну с «матушки» Екатерины Великой. Ученица Монтеня, Локка и Вольтера, она была весьма сильна во многих литературных жанрах, была вдохновительницей и деятельной сотрудницей сатирического журнала «Всякая Всячина», вела остроумную журналистскую полемику с «Трутнем» Н.И. Новикова. В 1775 г., во время своего почти годичного пребывания в Москве на праздновании годовщины Кучук-Кайнарджийского мира с Турцией (а именно с 22 января по 20 декабря 1775 г.), Екатерина Вторая жила именно в этом здании, особняке князей Голицыных, объединенном в тот год деревянными переходами на сваях с соседними усадьбами Лопухиных и Долгоруких под общим именем Пречистенского дворца. Мы даже знаем точно, где конкретно жила императрица: на втором этаже, в соседних с этим залом помещениях. Рядом – в домовая церквях князей Голицыных – Екатерина по преданию венчалась с Г. Потемкиным. В этом доме у нее в июле 1775 г. родилась дочь, которую нарекли Елизаветой Темкиной. В активной переписке о своем пребывании в этом доме с французским философом-энциклопедистом бароном Гриммом, Екатерина писала о том, что на досуге пописывает сатирические заметки, вошедшие потом в знаменитые «Были и Небылицы», опубликованные в «Собеседнике любителей свободного слова», коем Екатерина была главным редактором.

Голицынский дом тесно связан с именем Александра Сергеевича Пушкина – поэта, мыслителя, но также и журналиста, который, напомним, с 1830 г. редактировал первую «Литературную газету», а с 1836 г. был редактором и издателем раннего «Современника». Когда-то, 18-летний Пушкин был влюблен в Евдокию Ивановну Голицыну – жену владельца этого дома, на 19 лет себя старше. В 1817 г. Пушкин пишет в известном стихотворении «Краев чужих неопытный любитель»: «Отечество почти я ненавидел, // Но я вчера Голицыну увидел // И примирен с отечеством моим...»

Княгиня Голицына – «русская мадам де Сталь», как ее называли, писала публицистику и философские трактаты, у которых еще, возможно, будут исследователи. Однажды, будучи в Германии, Евдокия Голицына бросила вызов самому Шеллингу,

предложив ему философский диспут. Трактаты Голицыной опубликованы на французском языке, Пушкин их читал, делал пометки. Были и те (например, князь Петр Андреевич Вяземский), которые иронизировали над философскими упражнениями «Princesse Nocturne» («Ночной княгини», как прозвали Голицыну в Петербурге и Москве за тягу к ночным балам), но общая закономерность подтверждается: эти стены, стены особняка Голицыных, явно подвигают к философствованию...

Князь Сергей Михайлович Голицын дружил с Пушкиным и покровительствовал ему: бывая в Москве, Пушкин непременно посещал здесь приемы и балы, танцевал в этом самом зале. В феврале 1831 г. Пушкин (напомню: уже соиздатель в то время «Литературной газеты») собирался венчаться в этом доме с Натальей Гончаровой, в домовая церкви Рождества Богородицы, но митрополит Московский Филарет, имевший абсолютное влияние на хозяина дома, запретил венчание неблагонадежного Пушкина, скандального автора «Гаврилиады», в доме личного друга императора. И венчание состоялось, как известно, в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот.

Кстати, об этом императоре – Николае Павловиче Романове. Он объявил себя, как известно, «личным цензором» Пушкина, через него проходили и все журналистские начинания Пушкина: получается, что и он имеет отношение к журналистике. Так вот: Николай Первый побывал в доме Голицыных осенью 1846 г. Московский почт-директор А.Я. Булгаков, издавший свои подробнейшие «московские дневники» аж в 17-ти томах, вспоминает, что царь хотел ограничиться одним приемом у Голицына с балом человек на 200. Но Голицын убедил императора, что жаждущих его увидеть – во много раз больше, и в итоге здесь были даны два огромных бала с участием императора и, добавлю, наследника-цесаревича 28-летнего Александра Николаевича.

Многочисленное посещение этого дома Александром Ивановичем Герценом уж точно напрямую связано с историей отечественной журналистики. Феномен герценовской публицистики, его эмигрантская эпопея с изданием за границей бесцензурных «Колокола» и «Полярной звезды» вряд ли состоялись бы, если бы в 1834–1835 гг. он не стал жертвой следствия и суда по в целом надуманному делу о т.наз. «заговоре молодежи». А главные

события происходили в этом доме, в соседних с этим залом комнатах. Именно там, в кабинете Сергея Голицына, заседала назначенная царем Следственная комиссия под председательством князя. Если внимательно читать «Былое и Думы», там описаны минимум пять посещений Герценом этого места в 1834–1835 гг. Приговор известен: ссылка в Пермь, затем в Вятку и т.д. и возвращение в Москву лишь в 1840 г. Кто знает, как бы сложилась при иных обстоятельствах судьба Герцена – недавнего выпускника физико-математического факультета, написавшего диссертацию по астрономии Коперника? Меня лично не убеждает широко афишированный некогда факт, что революционное будущее Герцена и Огарева было якобы предрешено их «аннибаловой клятвой» на Воробьевых горах, когда Герцену, напомним, было 13 лет, а Огареву 12 лет.

В 1881–1886 гг. в нашем доме (прямо под этим залом, теперь в тех помещениях учатся наши студенты и аспиранты) снимал квартиру лидер русского западничества, философ, правовед, публицист Борис Николаевич Чичерин. В этом доме написаны десятки публицистических статей и такие фундаментальные труды, как «Собственность и государство» и несколько томов «Истории политических учений».

Наконец, в квартире жившего в этом же доме, в правом флигеле, лидера славянофильства Ивана Сергеевича Аксакова была редакция еженедельной газеты «Русь» – главного печатного органа либерального славянофильства и европейского панславянского движения. Иван Аксаков умер здесь 27 января 1886 г. за своим рабочим столом, редактируя очередной номер еженедельника «Русь». На третий день 100-тысячная толпа молодежи, пронесла отсюда тело мыслителя и журналиста Аксакова к университетской церкви св. Татианы на Большой Никитской, далее по Моховой, Лубянке, Мясницкой до Каланчевской площади, где с Ярославского вокзала тело повезли в Троице-Сергиеву Лавру.

Я мог бы еще множить философские и журналистские истории из жизни этого дома, но хочу вернуться к юбилею Андрея Александровича Краевского. Краевский родился совсем недалеко отсюда, тоже в Пречистенской части. Это дом по адресу: Пречистенка, 17 хорошо известен: иногда его называют «домом

Дениса Давыдова», кто-то помнит его, как здание Ленинского райкома партии... А в 1810 г., когда родился Краевский, владельцем дома был Николай Петрович Архаров, крупный вельможа, при Екатерине – московский обер-полицмейстер. Кстати, напротив, в доме по Пречистенке, 16 (теперь это Дом ученых) жил брат Николая Архарова – Иван Петрович, тоже достигший высших должностей в русской полиции. Вот эти два дома и стали родными для юного Андрея Краевского.

Однако часто встречаемое утверждение, что Краевский, мол, получил блестящее образование благодаря протекции деда – ошибочно. Николай Архаров умер в 1814 г. (когда мальчику было 4 года), а его брат Иван скончался годом позже. Мать Краевского, незаконнорожденная дочь Архарова-старшего была женщиной совсем небогатой. Андрея Краевского отдали в Московский университет, на философский факультет в возрасте 15-ти лет, подделав метрики (видимо, с помощью бывших сослуживцев уже покойных Архаровых). В 1828 г., в 18 лет Краевский уже окончил полный 4-х годичный курс – первым на своем отделении философии и получил степень «кандидата этико-политических наук». Впоследствии он очень жалел о том, что материальная нужда не дала ему возможности остаться при университете для подготовки к профессорскому званию и продолжить научную карьеру.

Переехав в Петербург, Краевский определился на мизерную должность в министерство народного просвещения. По службе сотрудничал в министерском журнале, помещая там статьи по вопросам философии, истории, обзоры русской периодики. Уже тогда, выражаясь современным языком, Краевский выступил против «общества массового» и за «общество гражданское». Для этого, по мнению Краевского, общество должно получать не информационные низкопробные суррогаты, а образцы высокой культуры, а сам журнал должен не скармливать читателям дозированную информацию, а стать площадкой для обсуждения самых важных общественных проблем.

Его тогдашний начальник, министр Сергей Уваров думал одно время, что Краевский – его союзник. Министр на словах тоже был за высокую духовность и идейную самобытность. Но, в противоположность «уваровской триаде», Краевский выступает не

за мифологизированную, искусственную «народность», а за просвещение и культуру. «Надобно знать, что Россия сама о себе думает» – вот любимый тезис Краевского. Если для Уварова русская самобытность – идеологически насаждаемый миф о России, то Краевский понимает русскую самобытность буквально – как возможность для России «самой быть».

В этом суть оригинальной историософии Краевского, которую я бы определил, как *либеральное почвенничество*. К этой традиции принадлежал Пушкин – «певец Империи и свободы»; в этом русле писал и рассуждал Лермонтов, да и молодой Достоевский начинал, по воспоминаниям близкого знавшего его Страхова, именно как «почвенный либерал». Сюда же можно отнести идеи Ивана Аксакова и воспитанных на его публицистике Петра Струве и Бориса Зайцева. В XX в. выдающимся представителем либерально-почвеннического направления был писатель и журналист Михаил Осоргин – напомним, первый председатель Союза журналистов России, высланный при большевиках из страны.

Молодой Краевский мечтал о своем журнале. П.В. Анненков очень точно написал об этом стремлении: «Краевский... усиленно добивался возможности очистить себе место в ряду журнальных концессионеров эпохи – надо сказать правду – не по одному ясному материальному расчету, но и по нравственным побуждениям; противопоставить злой вооруженной силе другую, тоже вооруженную силу, но с иными основаниями и целями. Он принялся искать редакторского кресла для себя по всем сторонам и притом с выдержкой, упорством и твердостью действительно замечательными».

Оставляя в стороне многие эпизоды, хочу остановиться на теснейшем сотрудничестве молодого Краевского с Пушкиным. В конце 1835 г. князь Одоевский знакомит Краевского с Пушкиным; с начала 1836 г. Краевский уже активно помогает Пушкину в издании «Современника». Официальный его пост – заведующий корректурой и техническим оформлением, слежение за выполнением типографских работ, прохождение цензуры. Но роль Краевского в «Современнике» была намного шире: Пушкин часто передоверял ему редакторские дела. Плетнев вспоминал: «Бывало, Александр Сергеевич уедет из Петербурга, срок выпуска

книги подходит, и поэт шлет поручения составить ее. Краевский отправляется к Пушкину в кабинет и выбирает из поступивших к нему рукописей, что получше и поинтереснее, при этом пишет и к самому поэту и требует от него собственных его вкладов в журнал». Известно, например, что вторая книжка «Современника» составлялась и набиралась в отсутствие Пушкина Плетневым, Одоевским и Краевским из материалов, найденных ими в кабинете Пушкина. Ознакомившись с книжкой, Пушкин выразил неудовольствие Краевскому за помещение одного из стихотворений Кольцова.

В самом начале 1837 г. Краевский становится, наконец, «главредом» – еженедельной газеты «Литературные приложения к Русскому инвалиду». Пушкин, которому будет суждено погибнуть менее чем через месяц, подарил Краевскому и его газете знаменитое стихотворение «Аквилон», и оно открыло беллетристический отдел газеты Краевского. «Аквилон» – самое загадочное философское стихотворение Пушкина. Начатое в Михайловском, потом переделанное в Болдине, – это, по мнению многих литературоведов, философское кредо Пушкина. Северный ветер Аквилон ломает и вырывает с корнем могучие дубы, но перед мыслящим тростником философии Аквилон бессилён...

То, что Пушкин, никогда ранее не публиковавший этого стихотворения, отдал его «на зубок» именно Краевскому – философу по образованию – весьма символично. Краевский очень любил подобные символы. Известно, что после гибели Пушкина, он настойчиво просил ближайших друзей поэта отдать ему трость Пушкина с впаянной в нее пуговицей Петра Первого, которую царь-Петр подарил предку Пушкина – Ибрагиму Ганнибалу. Краевский писал в те траурные дни князю Одоевскому: «Мне хочется иметь на память от Пушкина камышовую желтую его палку, у которой в набалдашник вделана пуговица с мундира Петра Великого... Если опекуны не уважат моего чувства привязанности к покойному, то пусть дадут мне палку за тот долг, который Пушкин всегда считал на себе относительно меня за «Современник»: за весь год, как вам известно, я не получил от него ни копейки». Подробности дальнейших переговоров по этому вопросу мне неизвестны. Но всем известно, что трость Пушкина сегодня находится в его музее-квартире на Мойке, 12.

Похоже, в данном случае амбициозного Краевского не уважили, зато уважили в главном. После смерти Пушкина было решено продолжить издание «Современника» в пользу детей поэта. В число редакторов Жуковский, Вяземский, Плетнев и Одоевский кооптировали Краевского, которому прямо поручили готовить следующую книжку «Современника». Выяснилось, что никто из душеприказчиков Пушкина журнал поднять не сможет, тем более увеличить число подписчиков – это доказало, кстати, последующее редакторство Плетнева.

А в № 5 «Прибавлений к Русскому инвалиду» Краевского появился в 1837 г. знаменитый некролог о Пушкине (единственный на всю огромную Империю), составленный Краевским и Одоевским: «Солнце русской поэзии закатилось...». Издатель Краевский получил за это строгий выговор, и с тех пор министр Уваров внимательно следил за изданиями Краевского.

Итак, Краевский продолжает мечтать о толстом энциклопедическом журнале. В 1836 г. он и Одоевский разработали проект журнала «Русский сборник» (первоначальное название «Северный зритель») – 4 книжки в год с ежемесячным приложением «Литературный летописец». Но царь Николай на прошение об открытии нового журнала наложил знаменитую резолюцию: «И без того много...». Краевский был тяжело разочарован.

Дело было не столько в амбициях, сколько в переживании опасного состояния русской литературы и журналистики, в необходимости дать отпор популярным изданиям литературных «братьев-разбойников» Булгарина и Греча и откусившего у них часть рынка Сенковского, сделавшего в своей «Библиотеке для чтения» ставку на откровенный «маскульт» и вышучивавшего в едких фельетонах (обожаемых, надо сказать, публикой) высокую русскую культуру. В начале 1838 г. Краевский писал Владимиру Далю: «Оттого-то и плоха надежда на поправление хода нашей литературы, что честная литературная партия только охает, сложа руки, а мошенническая работает неутомимо и, разумеется, завоевывает внимание читателей, растлевает вкусы и прививает гангрену к литературе».

И, наконец, у Краевского получилось. Поскольку новые журналы издавать было нельзя, он в конце 1838 г. выкупает у

П.П. Свиньина право на издание старого полудохлого журнала «Отечественные записки». Вложив все личные деньги, Краевский привлек в новый журнал лучшие литературные силы, в первую очередь, «околопушкинской плеяды». Как собирали деньги на первые номера, хорошо видно из письма Одоевского Жуковскому: «Помогите и помогите от души, потому что дело задушевное... Если не будет помощи от вас, то принуждены будем издание прекратить, и торговая братия захлопает в ладоши, а честным людям будет жаль, ибо наш подрыв докажет, что в России ни один честный журнал существовать не может».

Что же такое были «Отечественные записки»? – Огромная книжка (в 2-3 раза больше чем у Сенковского), выходящая ежемесячно с беспрецедентным составом участников: в качестве «сотрудников» были объявлены 127 человек – весь цвет русской культуры. Краевский детально продумал структуру. Первый раздел – «Современная хроника России». От репортажей поездок по стране царя и наследника-цесаревича Александра (будущего Александра II, на которого Краевский, с подачи Жуковского, очень рано сделал долгосрочную ставку) – и кончая обзорами достижений русской промышленности.

Второй раздел – «Науки», и первая часть этого раздела (внимание!) в каждой книге – «Философия», изложение главных философских идей и методов познания, позволяющих культурному читателю разобраться в нарастающем потоке информации.

Для написания раздела «философия» в первых номерах «Отечественных записок» Краевский привлек своего друга, блестящего знатока немецкой философии и переводчика с немецкого Эдуарда Губера – фигуру, ныне почти забытую. Э. Губер был родом из семьи поволжских немцев, сыном лютеранского пастора, обладавшего одной из лучших философских и богословских библиотек в России. Эдуард Губер обладал несомненным литературным талантом: достаточно сказать, что он был первым переводчиком на русский язык «Фауста» Гете. Не пройдя цензуру, Губер сжег первый вариант «Фауста»; узнав об этом, к Губеру приехал Пушкин и заставил восстановить перевод, который был все-таки опубликован.

К несчастью, Эдуард Губер прожил очень недолго. Уже в начале 1840-х годов Краевскому приходится искать замену автору

раздела «философия». В конце концов, он останавливается на Александре Герцене, который пишет для «Отечественных записок» серию знаменитых философских «Писем о природе». После эмиграции Герцена за этими номерами журнала охотилась полиция с целью изъятия и последующего сожжения.

Нельзя не сказать о буквальном «открытии» Краевским для русского общества имени Михаила Юрьевича Лермонтова. Уже в первом номере «Отечественных записок» публикуется лермонтовская «Дума» («Печально я гляжу на наше поколение»...) – стихотворение предельно диссидентское. Поразительно, что цензура, по-видимому, зачитавшись репортажами о путешествиях императорской семьи в первом разделе, пропустила все, за исключением двух строчек. После строк: «К добру и злу постыдно равнодушны, // В начале поприща мы вянем без борьбы», – вместо двух следующих строчек – только точки. Но мне как-то выдали в Исторической библиотеке первый номер «Отечественных записок», где вместо точек аккуратным почерком (похоже, женским) было вписано:

Перед опасностью позорно малодушны

И перед властью – презренные рабы...

В чем же главная заслуга «Отечественных записок» и их главного мотора Краевского? Главное на мой взгляд, в том, что Краевский взял высокую идейно-эстетическую программу (условно говоря, «пушкинского направления») и в то же время сделал массовый и коммерчески-выгодный журнал. Он показал, что высокая идея может оказаться выгодной. В итоге, он несомненно послужил делу коммерциализации журналов, с которой боролся Пушкин и др. Но вместе с тем молодой Краевский выступил как представитель именно этой, «пушкинской литературной группы», сражался с литераторами «торгового направления» – Булгариным, Гречем и Сенковским. Ориентация на коммерческий успех в согласии с высокой идеологической и эстетической позицией – вот его принцип. Его наставниками были В.Ф. Одоевский, П.А. Вяземский, П.А. Плетнев, В.А. Жуковский. Краевский не поступился высокой программой, которую он заимствовал у писателей пушкинской группы и донес ее до широкого круга столичных и провинциальных читателей.

Разумеется, у Краевского была масса врагов. Фаддей Булгарин в одной из статей, прямо предназначенных для III-го Отделения, аттестовал либерала (причем умеренного либерала) Краевского ни много – ни мало, как «главу коммунистов и развратителя цензуры» (1846). «От существования России, – писал Булгарин, – не было примера, чтобы человек столь ясно и столь дерзко действовал к подрыву веры, престола, любви к отечеству и всех преданий, внушающих любовь к родине...».

В советский период фигуру Краевского начали обстреливать с противоположного фланга. В 1951 г. в СССР отмечали 100-летие смерти Белинского, и сам товарищ Сталин (тоже, кстати, в 1929 г. побывавший и выступавший в нашем доме), назвал Белинского в числе «выдающихся деятелей», «пролетариев умственного труда». Но если есть пролетарий, – должен быть и его антипод, хозяин-эксплуататор. И вот в юбилейном филологическом издании была дана развернутая характеристика хозяина «Отечественных записок» Краевского – как безжалостного угнетателя «пролетария умственного труда» Белинского.

Что тут скажешь? Остается предоставить слово самому Виссариону Белинскому. «Брось он журнал, – говорил Белинский о Краевском, – и у него будет прекрасное место, деньги, чины... Но его бог наказал страстью к журналистике... Это человек, который из всех русских литераторов, один способен крепко работать и поставить в срок огромную книжку, способен один талантливо отвалить Греча, Булгарина или Полевого... Наконец, это честный и благородный человек, которому можно подать руку, не боясь запачкать ее».

Да, Белинский, особенно будучи в приступе болезни, не раз возмущался жесткой требовательностью Краевского. «Краевский стоит с палкою и погоняет...», – писал, например, Белинский. Но сам же Белинский, чуть отойдя от болезни, признавал: «И то сказать, без этой палки я не написал бы никогда ни строки...»

Подведем итоги деятельности нескольких крупнейших журналистов времен Краевского.

Сенковский с его некогда популярнейшей «Библиотекой для чтения», принесшей ему баснословные богатства, по-настоящему процветал несколько лет, а потом был прочно забыт.

Греч и Булгарин, сумевшие на четыре тысячи подписчиков «Северной пчелы» приобрести: один – дом в Петербурге, другой – целую мызу в Дерпте, под конец жизни разорились.

Старчевский, покупавший на деньги от «Сына Отечества» дома Румянцева и Монферрана с античными статуями и кроватью Марии Антуанетты, доведен был своими спекуляциями до крайнего положения.

Андрей Александрович Краевский перед кончиной завещал московскому и петербургскому университетам по 10.000 рублей на стипендии студентам; по 10.000 рублей – трем обществам: Литературному фонду; Обществу пособия ученикам городских начальных школ (основано Краевским); Обществу сценических деятелей (основано Краевским). 6.000 рублей – Обществу поощрения художеств. Вся огромная библиотека Краевского была передана в дар городским училищам Санкт-Петербурга.

В идеально организованном личном архиве Краевского после его смерти были найдены тысячи и тысячи долговых расписок от тех, кому он давал в долг некие суммы: от весьма незначительных – до очень и очень крупных. Согласно завещанию Краевского, все долги себе он аннулировал.

Последние годы Краевский вел активнейшую работу в городском самоуправлении Петербурга, возглавляя там училищную комиссию. Этот период жизни Краевского, связанный с широчайшим общественным подвижничеством и благотворительностью, заставляет вспомнить об образцах из античных утопий, где бескорыстие и щедрость дополняют общественное величие.

Кстати, об античности. Наше сегодняшнее мероприятие мы назвали симпозиумом: от греческого «*симпосий*» – пир. Недавно в нашем Институте философии РАН вышел фундаментальный, мирового класса труд – «Энциклопедический словарь по античной философии». Некоторые авторы данного замечательного проекта консультировали меня в ходе подготовки этого доклада. Они-то и просветили меня относительно одного поразительного обстоятельства, которое имеет место, например, в классических «Диалогах» Платона – например, в «Пире», «Пармениде» или «Теэтете». В каждом из этих диалогов, являющихся вариациями на тему классического древнегреческого *симпосия*, наряду с

дискутирующими философами неизменно присутствует по крайней мере еще одна характернейшая фигура – которую мы с полным правом можем назвать фигурой «репортера» или «античного журналиста». В «Пире» – это участник симпозиа по имени Главкон; в «Пармениде» – это Кефал; в «Теэтете» – это Терпсион. Мои друзья отметили, что у Платона все эти журналисты – строго индивидуальны, непохожи друг на друга, и правильнее было бы их назвать платоновским «Союзом журналистов».

Получается, что уже не столетия, а тысячелетия сосуществуют и взаимодействуют эти два ремесла, две профессии, два призвания – философия и журналистика. Их общей судьбе, прежде всего в контексте отечественной, российской истории и культуры и посвящен наш сегодняшний симпозиум.

С.Л. Чижков¹

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЧИЧЕРИН И ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ЕГО ИДЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ В РУССКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МЫСЛИ

В статье сделана попытка объяснить причины того прискорбного факта, что социально-политическое и философское наследие крупнейшего русского либерала XIX в., Бориса Николаевича Чичерина, оказалось невостребованным ни одной из российских партий либерального спектра начала XX вв., ни одним из направлений русской либеральной общественной мысли.

Как нам представляется, это связано не столько с самим Чичериным и его наследием, сколько с главной особенностью русского либерализма начала XX в. Проблема «нового» или социального либерализма в России в идейном плане состояла в том, что он не прошел школы классического либерализма, а в своем генезисе был скорее либерализацией социалистических идей, а не социализацией либеральных. В этом, кстати, состояло и его главное отличие от европейского либерализма.

¹ Чижков Сергей Львович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

В первой части статьи мы рассмотрим оценки Чичерина его младшими современниками и представителями более поздней русской эмиграции. Во второй – мы проанализируем некоторые доктринальные основы его либерализма и отметим те положения, которые вызывали возражение у социального либерализма, каким он явился в России.

I.

Большинство русских либералов конца XIX – начала XX вв. прошли в начале своего пути через увлечение социализмом и его радикальной версией – марксизмом. Это увлечение было подчас довольно серьезным. Кто-то, как П.Б. Струве и С.Н. Булгаков, принимал активное участие не только в работе марксистских кружков, но и стал заметной фигурой в социал-демократическом движении на раннем его этапе. Кто-то, как С.Л. Франк и Н.А. Бердяев, лишь слегка прикоснулся к марксизму и довольно быстро от него отошел. Но все они, расставшись с марксизмом и даже критикуя какие-то его положения, все же сохранили некую ему верность, может быть даже не самому марксизму, сколько своим юношеским социалистическим убеждениям и увлечениям.

В русском обществе, по большей части критически настроенном в отношении власти, политические идеи Чичерина не находили отклика. Концепция Чичерина о взаимной дополнительности либерализма и консерватизма, его ориентация на сотрудничество с властью при сохранении независимости суждений в образованных кругах русского общества XIX в. всегда воспринимались насторожено. В эпоху же резкого размежевания политических сил в начале XX в. идеи Чичерина и его гражданская позиция представлялись радикализованному обществу неприемлемыми, а его критика социализма рассматривалась как совершенно огульная.

На рубеже веков заслуги Чичерина в разработке собственно либеральной теории, теории личности и ее достоинства, вопросов развития земства, как бы выносились за скобки. Струве именно так и поступает в своей статье «Г. Чичерин и его отношение к прошлому», лишь в сноске признавая его вклад в защиту «самоуправления, гражданской свободы и вообще общественной и

личной самодеятельности»¹, тогда как вся статья представляет собой сплошное обвинение в некомпетентности, предвзятости и даже легкомыслии. Особенно Струве возмущен критикой Чичериним социализма и его утверждениями об особой опасности этого течения мысли для России. Для него Чичерин – это «литературная окаменелость», не понимающая новых обстоятельств общественной жизни.

Бердяев несколько иначе, но столь же критически и с теми же оговорками пишет о Чичерине: «Чичерин никогда не стремился к новым настроениям, к созданию нового, преображенного человека. Он создавал только систему рациональных идей для утверждения крепкого строя жизни, незыблемого познания, нравственности, государства, семьи и т. д. Этот человек никогда не понимал трагедии, не допускал ее, и потому он чужой для нас. Чичерин был, в сущности, консерватором и всегда был чужд самым дорогим для нас алканиям»², но тут же в сноске делает оговорку: «Говорю «консерватором», хотя он был одним из самых сильных теоретиков либерализма»³.

Интересно, что после краха либерализма в России отношение к Чичерину в либеральных кругах русской эмиграции сильно изменилось в лучшую сторону и именно консервативные элементы его либерализма стали предметом особого интереса. Так Струве в своей статье «Б.Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности», опубликованной в 1930 году, снова анализирует те же статьи и те же идеи Чичерина, но приходит к прямо противоположным выводам и оценкам его наследия. Он не только приносит свои извинения памяти Чичерина, но и утверждает, что идея либерального консерватизма⁴, – это главная идея в русской интеллектуальной истории, идея, в которой Россия всегда нуждалась и которая развивалась в русской мысли,

¹ Струве П.Б. Г. Чичерин и его обращение к прошлому // Струве П.Б. На разные темы. (1893-1901 гг.): Сборник статей. СПб.: тип. А.Е. Колпинского, 1902. С. 85.

² Бердяев Н.А. Н.К. Михайловский и Б.Н. Чичерин (О личности, рационализме, демократизме и проч.) // Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis*. Опыт философии, социальные и литературные (1900-1906 г.). М.: Канон+, 2002. С. 231.

³ Там же.

⁴ Струве употребляет понятия «консервативный либерализм» и «либеральные консерватизм» как имеющие практически одинаковое содержание.

начиная с Н.М. Карамзина. Наиболее разработанной она предстала именно в работах Чичерина.

В.В. Зеньковский тоже отмечает сочетание либерализма и консерватизма в качестве важной особенности мировоззрения Чичерина: «Отойдя от радикализма, Чичерин раз навсегда определил свой путь в своеобразном сочетании либерализма и консерватизма. Прежде всего, Чичерин явил в русской историософии и политической доктрине чистейший и редкий у нас тип защитника свободы личности»¹, — и добавил: «В сущности, Чичерин всегда был верен себе — и в своем консерватизме, и в своем либерализме, — но именно эта стойкость основных убеждений плохо гармонировала с беспокойной и напряженной общественной жизнью его времени»². А вот еще одно суждение Зеньковского, кстати, не очень точное по существу, но при этом точно отражающее тот образ Чичерина, который сложился в русском обществе начала XX в.: «Система либерализма была у Чичерина глубоко связана с учением об абсолютной ценности личности. Но твердо и неуступчиво защищая права личности, Чичерин связывал с этим идею «порядка» — он очень сознательно стоял за твердую власть, решительно и резко осуждал все проявления революционного духа. Это отталкивало от Чичерина русское общество и, наоборот, делало его ценным в глазах правительства»³.

С последним утверждением Зеньковского трудно согласиться, зная реальную историю взаимоотношений Чичерина и властей. Хотя, как справедливо пишет Струве, одно время действительно «в Петербурге в 60-х гг. XIX в. в бюрократических кругах иногда превозносили московского государствоведа, называя его *le grand* Чичерин, но там никогда не следовали всерьез за его указаниями в их полноте и по их духу»⁴.

Н.О. Лосский в 1951 г. в книге, адресованной англоязычному читателю, говоря о крупных фигурах XIX в. утверждает, что «многие

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001. С. 578.

² Там же. С. 579.

³ Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 578.

⁴ Струве П.Б. Б.Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности // Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 458.

из них, как, например, Чичерин, в состоянии были образовать партию умеренных и либеральных консерваторов. Отстаивая свободу в рамках закона, такая консервативная партия могла бы осуществить необходимые реформы в то время, когда для них созрели бы благоприятные условия»¹. Однако, отмечает Лосский, нишу консерватизма занял «нелепый и грубый консерватизм» и именно он привел к радикализации противоположных консерватизму политических течений.

Еще одна интересная оценка Чичерину дана Д.И. Чижевским. Он пишет: «Значение государства Чичерин ставил очень высоко. В России XIX в. он был одним из немногих мыслителей, которые вообще указывали на значение государства в противоположность личности. Чичерин должен был защищать идею государства от нападков со всех сторон: от монархизма, с одной стороны, для которого государство стояло ниже личности монарха, являясь его простым орудием, от политического радикализма – с другой, для которого государство должно служить или совокупности отдельных свободных личностей, или народу, от анархических учений и еще более настроений — с третьей, совершенно отрицавших за государством какое бы то ни было положительное значение. Но Чичерин утверждает высокое призвание государства быть сферой свободного развития свободной личности»².

Как мы видим, у более молодого поколения русской эмиграции ни осознание роли консерватизма в политической жизни, ни признание роли государства в деле укрепления правового статуса личности совершенно не вызывают отторжения. Более того, они рассматривают обращение Чичерина к этим вопросам как его непреходящую заслугу. Впрочем, это было характерно для многих представителей русской эмиграции.

II.

Но только ли умеренная политическая позиция Чичерина, его попытки сотрудничества с властью и его «консерватизм» явились причиной его отторжения в дореволюционных либеральных кругах. В конце концов, партии либерального центра и либерально-консервативные течения были представлены в русской

¹ Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. С. 135.

² Чижевский Д.И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. С. 335.

политической жизни. Ни что, однако, не свидетельствует о каком-то влиянии на них идей Чичерина, во всяком случае, до большевистской революции 1917 г. Недостаточно, как нам представляется, просто указать на поляризацию общественной жизни и на радикализацию политических сил, чтобы понять природу отторжения идей Чичерина.

Чичерин был отвергнут также, если можно так сказать, на мировоззренческом уровне. Ниже мы остановимся на этом вопросе, что позволит нам лучше представить картину этого отторжения.

В философском мировоззрении Чичерина есть понятия, имеющие особое значение. Одно из таких понятий обладает для него одновременно высшим нравственным и онтологическим смыслом – это понятие гармонии. Для Чичерина философски понять означает найти и постичь внутреннюю гармонию всего сущего. Если это общество, то надо понять гармоничное сочетание разнообразных его элементов, если это личность, то надо понять гармоничное сочетание духовного и физического. Все, что в рассудочном сознании воспринимается как противоположности: свобода и порядок, право и обязанность, общество и государственная власть, противоположные классы, – в философском мышлении должно быть понято в его внутренней взаимосвязи.

Есть еще два понятия у Чичерина, ключевых понятия, которые почти всегда современниками понимались превратно или настолько неточно, что возникало желание, особенно у радикально настроенного читателя, с ним категорически не согласиться. Это понятие свободы и понятие государства.

Свобода для Чичерина – не некая совокупность внешних условий, позволяющих или нет те или иные действия человека. Свобода – это сама форма бытия разумного существа, его способность к самоопределению по собственным разумным основаниям. Поэтому ключевым моментом свободы является свобода внутренняя. Влияние учения Канта об автономии нравственности, о взаимосвязи нравственности и свободы на концепцию внутренней свободы Чичерина трудно переоценить. Чичеринский метафизический персонализм, безусловно, основывается на идеях Канта, а не Гегеля. Однако в конце XIX в. в представлениях о природе человеческой нравственности

происходят самые радикальные изменения. Нравственность уже не проистекает из разумно-свободной природы человека, а есть порождение общественных отношений, отражает их.

С одной стороны, распространение в России позитивизма, как нового стандарта научного мышления, с другой – формирование правового позитивизма, довольно сильно повлияли на русский либерализм конца XIX – начала XX вв. и привели в нем к серьезному мировоззренческому сдвигу. Особо следует отметить очерк Р. Иеринга «Историко-общественные основы этики», издававшийся как отдельно, так и в составе его книг, в котором был предложен альтернативный подход к анализу природы этики и вообще нормативной сферы. Этот подход оказал сильное и достаточно одностороннее влияние на развитие правовой мысли в России. Г.Ф. Шершеневич пишет: «Нормы нравственности – это требования, обращенные к человеку извне. Нравственный закон не в нас, а вне нас, как и звездное небо»¹. Шершеневич далее пишет: «Нравственность предоставляет не требования человека к самому себе, а требования общества к человеку. Это не человек определяет, как он должен относиться к другим, а общество определяет, как один человек должен относиться к другому человеку. Это не человек оценивает поведение, как хорошее или дурное, а общество»². Шершеневич, иронизируя над идеями Канта, на самом деле выражал наиболее распространенную на тот момент точку зрения о происхождении и природе нравственности. Социоцентристский подход к вопросу о природе личности, кстати, вполне гармонировал и с социалистическими учениями. Персоналистические концепции личности к концу XIX в. практически полностью вытесняются в общественной мысли социоцентристскими концепциями. Чичерин пытается этому противостоять, но тщетно.

Что касается понимания государства у Чичерина, то оно серьезно расходится с представлениями обыденного сознания и, соответственно, ориентированной на него публицистики. Отсюда и такая обильная критика Чичерина в русской публицистике и журналистике.

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Том I. Философия права. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. С. 171.

² Там же. С. 169.

Во многом чичеринское понимание не совпадает и с классической локковской либеральной трактовкой государства, как учреждения, оказывающего определенный набор публичных услуг обществу. Чичерину много ближе либералы немецкие и в первую очередь Лоренс фон Штейн, который рассматривал государство как единый социально-политический организм.

Государство по своей природе – это не просто система власти и управления, а человеческий союз, именно человеческий, а не социальный или какой-то еще. Человеческие союзы, а их по Чичерину четыре: семья, гражданское общество, церковь и государство, – связаны с самой онтологией человеческого земного существования. То, что обычно понимают под государством, – это для Чичерина только система организации публичной власти и управления в нем. Цель государства, как и любого союза, в реализации общей пользы, причем польза понимается широко, а не утилитарно, поскольку включает в себя вопросы устройства жизни, в том числе и правовой ее организации.

Власть, как способность одних определять поведение других, даже если последние с этим не согласны, есть в любом союзе, но нельзя отождествлять власть, пусть даже сложно институционально устроенную, с самим союзом. Не отождествляем же мы власть в семье с самой семьей. Поэтому Чичерин выступает против понимания государства как учреждения, а противопоставление «общество – государство» вводит в заблуждение.

Наконец, есть еще одна тема размышлений Чичерина, которая оказалась не понятой и даже осуждаемой. Это проблема консерватизма. Сами понятия «консерватор», «консерватизм» в России имели крайне отрицательные коннотации.

Концепция охранительного либерализма Чичерина с ее принципом «либеральные меры и сильная власть» достаточно хорошо известна. Концепция же «разумного консерватизма» Чичерина мало кому понятна. Странно, что даже Струве, который определил Чичерина как «либерального консерватора» взял за основу общеупотребительный смысл слова «консерватизм», а не специально разработанную Чичериним концепцию, существенно отличающуюся от расхожего словоупотребления. Консерватизм, по Чичерину, – это обязательное приложение к либерализму, но при

этом все же не следует смешивать его с «охранительным либерализмом».

Статья Чичерина «Что такое охранительные начала?» включена им в тот же широко цитируемый сборник статей «Несколько современных вопросов», но именно ее исследователи обходят вниманием, останавливаясь только на статье «Различные виды либерализма».

Консерватизм в целом, несомненно, отстаивает универсальное значение семьи, церкви и государства и борется за их устойчивость, но эти человеческие союзы сопровождают жизнь людей во все времена и при всех формациях. Основные усилия политики разумного консерватизма должны быть направлены на поиск тех конкретных «начал» гражданского устройства, которые обеспечивают жизненные интересы людей в данное время, которые скрепляют общество устойчивыми и жизненно важными связями. Такими началами могут быть только те элементы гражданской жизни, которые что-то создали, которые получили уважение к себе ввиду их внутренней крепости и практической полезности. Именно эти начала общественной жизни Чичерин называет охранительными началами.

Слепая преданность старине может лишь усугублять проблемы общества. Поэтому консервативная партия должна искать свою опору в первую очередь в реальных формах связи людей в данной конкретной исторической ситуации. Смысл консерватизма, по Чичерину, не в том, чтобы навязать что-то обществу, что когда-то было важным, а в том, чтобы услышать его в данный момент, понять его внутреннюю жизнь.

Либералы, расширяя свободы, снимают различные ограничения в общественной и гражданской жизни, снимают или ослабляют таможенные или административные барьеры, создают благоприятные условия для новых видов деятельности. Однако картина не столь радужная, у всего этого есть обратная сторона: рушатся устоявшиеся связи и не только производственные, но и социальные, подчас и семейные, жизненно важные ресурсы могут перетекать в другие виды деятельности, да и сам процесс освоения новых свобод не безоблачен, а часто еще и конфликтен, а неудачи на этом поприще вещь обычная.

Процесс расширения свобод не может и не должен быть слишком продолжительным и всеохватывающим, необходимо периодически стабилизировать общество, восстановить его устойчивость. Вопрос не в том, чтобы отказаться от новых свобод и вернуть все назад, а в том, чтобы сформировать в новых условиях «крепкий строй жизни». Именно этим и занимается разумный консерватизм. Разумный консерватизм не враг свободы. Чичерин полагает, что на определенном этапе свобода сама может стать тем самым охранительным началом в общественной жизни.

Если либерализм при всем его многообразии имеет свою доктринальную основу, то в отношении чичеринского понимания консерватизма встает закономерный вопрос: может ли он вообще иметь собственную доктринальную основу? Охранительные начала исторически изменчивы внутри каждой страны и на каждом этапе ее развития, от страны к стране они неизбежно должны меняться, а из некоей общей доктрины их просто невозможно вывести. Поэтому Чичерин никогда не говорит об общей доктрине консерватизма. Разумный консерватизм для Чичерина – это политическое искусство построения «крепкого строя жизни» в условиях постоянных изменений этой жизни.

Богатое теоретическое наследие Чичерина пришлось не ко двору. Прискорбно и почему-то совсем не утешает то обстоятельство, что это был не первый и не последний краеугольный камень, который отбросили строители нового либерализма.

А.И. Нарезный¹

ОБОСНОВАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ В РУКОПИСНЫХ СТАТЬЯХ Б.Н. ЧИЧЕРИНА ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В дискуссиях о периодизации русского либерализма фактически общепризнанной является точка зрения, согласно которой расцвет

¹ Нарезный Анатолий Иванович – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета.

этого направления в России приходится на вторую половину XIX века и связан он, в том числе, с деятельностью Б.Н. Чичерина, которого, по мнению Н.А. Бердяева, можно было бы назвать единственным философом либерализма в России¹. Такая оценка в определенной степени проецируется и на политические проекты Чичерина, работа которого «Современные задачи русской жизни» (1855 г.) характеризуется в историографии как первая программа русского либерализма².

Исторические условия ее формирования определялись непростыми факторами, влиявшими на развитие образованной части русского общества в середине XIX в. В теоретическом смысле они объяснялись особенностями восприятия либерализма в России как явления чуждого историческому опыту и традициям страны. Как бы суммируя подобные оценки, И.С. Аксаков утверждал, что «все доктрины либеральные, радикальные, нигилистические не имеют как доктрины никаких корней в общественном сознании, лишены всякой органической связи с нашим общественным строем, всякой исторической почвы... Все это не более как пена взбаламученной мысли»³. В то же время, в отечественной общественной мысли была представлена и другая точка зрения, согласно которой объяснять появление у нас либерализма, сходного с западноевропейским, «одним только недоразумением и недомыслием в области экономических учений, значит забывать, что в основании движения всегда лежит потребность». Пока она не удовлетворена, заключал Н.К. Михайловский, не могут исчезнуть и соответствующие ей стремления⁴.

Такое различие в оценках видных представителей общественной мысли России объяснялось, на наш взгляд, разным пониманием сущностных черт либерализма. И если у Аксакова оно

¹ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М-СПб., 2005. С. 651.

² Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли второй половины XIX -начала XX вв. М., 1974. С. 64.

³ Аксаков И.С. Программа наших либералов // Аксаков И.С. Соч. Т. 2. М., 1886. С. 551.

⁴ Арсеньев К.К. Литературное обозрение // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 422.

было явно ближе к оценкам первой половины XIX в.¹, то Михайловский рассматривал либерализм в более широком смысле, как закономерный этап в социально-экономическом развитии европейских стран. Утверждение такого подхода в отечественной общественной мысли происходит в 60-е гг. XIX в. и можно согласиться с М.В. Калашниковым, что «одним из первых, если не первым, кто в новых условиях попытался вложить новый смысл в понятие «либерализм» стал Б.Н. Чичерин»², который использовал его для характеристики необходимых стране реформ.

В самом общем виде его оценка заключалась в том, что либерализм представляет собой «лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России, ...знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений». Как представляется, такая позиция объяснялась тем, что именно либерализм «даст нам возможность стать наряду с другими народами, и с обновленными силами идти по тому великому пути, которого залог лежит в высоких доблестях русского народа», а потому, заключает автор, «в либерализме вся будущность России» и призывает сплотиться «около этого знамени и правительство и народ»³.

Предложенное Чичериним понимание либерализма достаточно быстро получило общественную поддержку в стране, о чем свидетельствует, в частности, эмоциональное заявление известного сенатора К.П. Лебедева, согласно которому «в современной атмосфере искренне или притворно – все либералы»⁴. Спустя годы, с такой оценкой настроений шестидесятых годов солидаризировался и Чичерин, указавший в своих воспоминаниях, что с новым царствованием, «либерализм вошел в моду»⁵. Историческая обусловленность поворота в общественных настроениях, обеспечившая поддержку грядущих

¹ Калашников М.В. Понятие «либерализм» в русском общественном сознании 1855-1858 годов // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2008. № 1. Т. 8. С. 8-19.

² Там же. С. 8.

³ Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Вып. 2. М., 1976. С. 111.

⁴ Лебедев К.П. Из записок сенатора К.П. Лебедева // Русский архив. 1893. Кн. 1. № 4. С. 353.

⁵ Чичерин Б.Н. Воспоминания Б.Н. Чичерина // Русское общество 40–50-х годов XIX в.: в 2 ч. Ч. 2. М., 1991. С. 50.

Великих реформ, достаточно подробно исследуется в рукописных статьях Чичерина периода Крымской войны, в которых автор доказывает тезис о необходимости и даже неизбежности либеральных преобразований в России, как единственного средства преодоления кризиса в развитии страны.

Свою аргументацию молодой исследователь выстраивает на основе анализа состояния Российской империи к середине XIX века в контексте поиска ответов на вопрос, как страна, в недавнем прошлом безусловный лидер Европы во многих, если не во всех отношениях, оказалась в кризисной ситуации в годы Крымской войны. По его оценке, к 1855 г. «в обществе не видать уже той уверенности в успехе, которая так долго поражала при начале войны» и теперь, замечает Чичерин, «каждый поневоле спрашивает себя: чего же мы наконец добивались? Как мы могли поставить себя в такое положение?»¹ Ответ, предлагаемый автором на поставленные вопросы, основан на либерально-западнической трактовке событий и выражается, в самом общем виде, в заявлении, что истоки проблем заключаются в нарастающем отставании России от ведущих европейских стран в XIX в.

Указанную проблему Чичерин рассматривает в теоретическом и историко-политическом аспектах. Относительно первого его внимание сосредоточено на выявлении алгоритма исторического развития в европейских странах. Основываясь на представлении, что развитие представляет собой «естественное условие человеческой жизни...закон, вложенный в человечество провидением... самая его природа, его внутренняя духовная сила»², Чичерин сосредоточился на характеристике отношений власти и общества в Европе на разных исторических этапах, поскольку полагает, что «правительство и народ – это два основных элемента, из которых слагается общество» и при этом каждый из них «имеет свое назначение, и каждый должен иметь

¹ Чичерин Б.Н. Восточный вопрос с русской точки зрения // Записки С.П. Трубецкого. М., 1906. С.125-126.

² Чичерин Б.Н. Священный союз и австрийская политика // Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. Кн. 1-2. London. 1859-1861. Кн. 1. С. 153.

надлежащую самостоятельность» для успешного функционирования и развития государства¹.

Подтверждение своей позиции Чичерин обнаруживает в истории европейских стран, демонстрирующих непростой путь к достижению желательного равновесия указанных элементов в государстве. В начальный период он отмечает в них «почти исключительное господство народного элемента», в результате чего «возгораются непрерывные междоусобия и господствует анархия, повсеместная и нестерпимая». С возникновением государства «существенной задачей жизни делается постепенное развитие и усиление недостающего общественного элемента – правительства», а народный элемент при этом «более и более отходит на задний план». Однако и это состояние представляется Чичерину односторонним и неустойчивым, поскольку «полнота жизни исчезла, ...из нее выбыло нечто существенное», а в результате, заключает он, правительство при достигнутом преобладании «в сущности становится бессильным, а в народе все более возрастает неудовольствие»².

Такое положение в конце XVIII – начале XIX вв. свойственно многим европейским странам, включая Россию, однако здесь Чичерин выявляет ряд особенностей развития, заставляющих сомневаться в приверженности нашей страны европейскому вектору. Среди таковых он особо выделяет ситуацию в XVIII веке, когда, по его мнению, правительственный элемент не получил еще в империи такого преобладания, которое бы «сделало его слишком стеснительным для народа», а с другой стороны, основное внимание властей было обращено на общие государственные дела и в повседневную жизнь народа «не проникало». Кроме этого, проблема равновесия элементов в российском государстве на данном этапе автора, как представляется, не очень и заботит, поскольку он весьма высокого мнения о модернизационном потенциале самодержавия на данном этапе. В частности, Чичерин напоминает, что осознание вывода о том, что «крепкое государство не может обойтись без мысли и просвещения» обусловило обращение Петра I к западным народам, «хранителям мысли и

¹ Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни. С. 68.

² Там же. С. 72-74.

просвещения», и в результате этого, заявляет он, русский народ становится «одним из народов, управляющих ходом исторических событий», растет его внешнее могущество и крепнет внутреннее состояние. Ситуацию полного благополучия подчеркивает и итоговое заключение автора о том, что «русские видели на престоле гениальную деятельность Петра, либеральную мудрость Екатерины и любили престол, как источник славы и добра для отечества»¹.

Однако в XIX в., по оценке Чичерина, «все изменилось»: по мере развития бюрократии правительство «сделалось всеобъемлющим, господствующим всюду, проникающим всюду, а народ все более бледнел и исчезал перед ним»². Такое положение представляется ему тем более несправедливым, что если прежде правительство одно стояло во главе просвещения и «побуждало подданных к развитию и заставляло их учиться, даже насильственными мерами», то теперь, утверждает он, «насажденное им семя созрело» и образованные подданные «начали мыслить и рассуждать о делах общественных; пробудилась жизнь и умственная деятельность в самом обществе», что рассматривается автором как «верное ручательство за будущее развитие, за улучшение общественного быта»³.

В этих условиях, заявляет Чичерин, правительство «сознающее себя призванным к осуществлению общего блага, должно стать в уровень с потребностями общества, должно прислушиваться к его голосу и вести его сообразно с новыми естественными условиями духовной его жизни»⁴. Обоснование данного предложения построено автором на вполне либеральном утверждении, что «народ живет как самобытная цель и для него устанавливается и самое правительство, которое не имеет другого значения, как содействовать народному благу». В силу этого, полагает он, правительственная деятельность «не должна уничтожать самостоятельности народа, ибо самостоятельность есть необходимое условие жизни», а правительство и общество «должны существовать рядом...совокупными силами стремясь к

¹ Там же. С. 76.

² Там же. С. 77.

³ Чичерин Б.Н. Священный союз и Австрийская политика. С.153-154.

⁴ Там же. С. 154.

достижению единой общественной цели»¹. Заметим, что этому принципиальному подходу автор следует и в дальнейшем, отмечая, в частности, в письме брату в 1861 г., что «в настоящее время первая наша потребность – предоставление обществу значительной доли самостоятельности». По его мнению, без этого жить нельзя, поскольку в таком случае «мы вечно останемся в том положении, которое привело нас к бедствиям Крымской войны»².

Теоретическое обоснование закономерного характера либеральных преобразований, основанное на признании прогресса главной целью развития государств, дополняется в рукописных работах Чичерина соображениями историко-политического характера. Прежде всего, он указывает на фактическую ревизию правительством Николая I прежнего курса, его намерение отказаться «от некоторых заблуждений» своих великих предшественников, в числе которых автор называет заботу о пробуждении мысли в народе, о распространении просвещения, поскольку они, по мнению российской бюрократии, зарождают «либерализм и неверие». В результате, отмечает Чичерин, «где прежде были одни союзники, там являются уже враждебные силы», и в конечном счете, в империи произошло «всеобщее растление государственного организма», породившее многие «общественные язвы»³.

Характеризуя основные из них, автор уделяет основное внимание причинам, по которым в России в XIX в. происходит затухание модернизационного импульса, заданного реформами Петра I и Екатерины II. Главной из них он считает попытки правительства отмежеваться от революционных событий, происходящих в Европе, распространить в стране мысль, что «мы составляем отдельный от запада мир, имеющий свои условия, свое развитие». Исходя из этого, заявляет Чичерин, правительство «старается внушить нам, что мы должны идти самостоятельным путем, а между тем само усваивает себе политику чисто подражательную, нисколько не соответствующую потребностям

¹ Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни. С. 69-71.

² Чичерин Б.Н. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. Московский университет. Земство и Московская дума. М., 2010. С. 19.

³ Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни. С. 79, 80.

России»¹. Это замечание Чичерина связано было, как можно понять, с выяснением им роли Священного союза, заключенного Россией, Австрией и Пруссией в 1815 г., к которому со временем присоединились практически все монархи Европы, за исключением турецкого султана.

Исходная позиция автора заключается в убеждении, что создаваемая охранительная система основывается «на совершенном непонимании истории человечества»², свидетельством чему он считает усилия монархов по «подавлению живых сил народа»³. Отметим, что в такой оценке Чичерин был не одинок, ее разделяли в это время и другими представителями общества, включая, например Н.И. Тургенева, который отмечал, что на каждом из конгрессов союза «возглашались проклятия так называемому духу времени, проклятия людям, кои будто бы стремились к ниспровержению всех правительств, всех властей, всех порядков, и т. д.»⁴ На самом деле, заявляет Чичерин, к образованию коалиции «не было никакого повода», поскольку все революционные тенденции в Европе, по его мнению, «имели в виду вовсе не ниспровержение существующего порядка вещей, а только побуждение правительств к политике более свободной и более согласной с требованиями просвещения»⁵. При таком подходе, считает он, «соединенными монархами» были осуждены всего лишь «законные требования» народов, а «на европейский мир наложена была узкая рамка, из которой он не должен был выходить во веки веков»⁶.

Основную роль в образовании Священного союза Чичерин отводил канцлеру Меттерниху, который «успел», по его выражению, внушить австрийскую политику другим государствам и «соединить их страхом за монархическое начало в один консервативный союз»⁷. Однако вскоре на передний план выходят уже российские императоры, фактически возглавившие союз, а также подчинившие его целям содержание внешней и внутренней политики империи. И

¹ Он же. Священный союз и Австрийская политика. С.158.

² Там же. С. 153.

³ Чичерин Б.Н. Восточный вопрос с русской точки зрения. С.129.

⁴ Тургенев Н.И. О нравственном отношении России к Европе. Лейпциг, 1869. С. 8.

⁵ Чичерин Б.Н. Священный союз и австрийская политика. С. 148.

⁶ Там же. С. 149.

⁷ Там же. С.153.

если первая, по оценке автора, вначале «ведена была довольно умно» и Россия утвердилась в международных делах в качестве хранителя консервативных начал и всю первую половину XIX в. считалась в Европе «колоссом непобедимым, грозящим покорить весь раздираемый внутренним брожением Запад», то во внутренней политике, ложными являлись, по его мнению, не только консервативные начала, но и практика реализации, состоящая в заботе правительства лишь «о поддержании своего неограниченного самовластия»¹.

Этому курсу, по мнению Чичерина, способствовали «внутренний ход истории, безропотная потребность народа», а консервативная система, заимствованная у австрийского двора все это лишь «узаконила и превратила в теоретическое убеждение», состоящее в том, что «всякое самостоятельное проявление жизни есть беззаконие, ведущее к смутам и революциям», а правительство, «желающее сохранить себя, должно подавлять в народе всякое движение и всякую жизнь»². К тому же эта система была усугублена, по его мнению, страхом революционных элементов после событий 14 декабря, вследствие чего правительство «не хотело слушать общественного голоса в убеждении, что в нем выражаются революционные стремления, которые надобно подавлять»³.

В результате такой политики, заключает Чичерин, мы «до последнего времени, не делали ни одной уступки, мы пожертвовали вековыми своими замыслами поддержанию Монархического насилия и политики сохранения существующего порядка вещей». По его мнению, это была ошибочная политика, «ослепление неслыханное», которая противопоставила Россию всей Европе, поскольку, напоминает он, даже из числа ее бывших союзников, Пруссия пошла по другому пути и даже Австрия склонилась к либерализму, одно разве Неаполитанское королевство, иронично замечает автор, «может поспорить с нашим в консервативном упорстве»⁴. В этом смысле Чичерин не очень удивлен и начавшейся войной против России, поскольку вынужден

¹ Чичерин Б.Н. Восточный вопрос с русской точки зрения. С.126, 129-131.

² Он же. Современные задачи русской жизни. С. 78.

³ Он же. Священный союз и Австрийская политика. С. 158-159.

⁴ Чичерин Б.Н. Восточный вопрос с русской точки зрения. С. 130.

признать, что правительства европейских государств «боятся ее честолюбия», а народы «видят в ней сильнейшего противника либеральных идей»¹.

Такое положение автор считает подтверждением своего вывода о состоявшемся «выпадении» России из алгоритма европейского исторического развития, а потому настаивает, что для России время либерализации пришло, поскольку, с одной стороны, начавшийся в XV в. процесс государственной организации «наконец совершился» и в стране сложились оба элемента (правительство и общество) этой системы, а с другой, Крымская война «показала всю несостоятельность этой системы, ... в которой внешний блеск заменял внутреннее благоустройство»². Заметим, что в данном случае возможности обновления страны Чичерин объясняет уроками истории, суть которых обнаруживает в том, что «война бывает полезна, главным образом побежденным, если только в них есть довольно силы, чтобы воспользоваться своим поражением для внутреннего обновления»³.

Прилагая этот подход к определению перспектив России, Чичерин связывает будущие изменения с реформой «коренных начал государственной жизни», признавая, однако, что она «есть плод времени и истории», поскольку, по его мнению, «внезапное превращение возможно только тогда, когда общество давно к тому приготовлено, да и тогда это производит страшные перевороты из которых не всякий народ выходит живым и здоровым». В данном отношении Чичерин вначале был настроен достаточно пессимистично, утверждая в феврале 1855 г., что «у нас же от народа нечего ожидать и правительство, разумеется, не отважится на такую перемену в политике»⁴. Однако уже в недалеком будущем он скорректирует свою позицию в части оценок готовности общества заявлением, что оно «стояло неизмеримо выше Николаевского правительства», свидетельством чему называет тот факт, что все совершенные в годы Великих реформ преобразования в России «созрели уже в общественном сознании;

¹ Там же. С. 134.

² Чичерин Б.Н. Основание политики // Русский военный сборник. М., 1992. С.122.

³ Он же. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. Москва сороковых годов. Путешествие за границу. М., 2010. С. 248.

⁴ Он же. Восточный вопрос с русской точки зрения. С.152.

программы их были намечены в ходившей по рукам рукописной литературе; по важнейшим вопросам выработаны были целые проекты частными людьми» и дело оставалось за готовностью властей его принять¹. Существенный вклад в эту деятельность внесен был и самим Чичериным, который признавая необходимым для страны «обновиться с головы до ног, преобразовать все общественные учреждения, освободить Польшу, отказаться от своего прошедшего и пойти совершенно по новой дороге»², предложил программу либеральной партии, суть которой выразил в формуле: «нам нужны не сословные права, не ограничение царской власти... Нам нужна свобода»³.

О.А. Жукова⁴

ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ И УНИВЕРСИТЕТ: А.В. ГОЛОВНИН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЛИБЕРАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

С именем *Александра Васильевича Головнина* (1821 – 1886), министра народного просвещения (1861 – 1866) в реформаторском кабинете Александра II, связаны важнейшие интеллектуальные процессы в отечественной культуре, которые стимулировали и обеспечили условия по развитию академической философской традиции в русских университетах. Изучение опыта Головнина по организации системы образования в России на посту министра в отечественной гуманитарной науке рассматривается, как правило, историками, политологами, историками образования в широком контексте изучения Великих реформ. Но в предметное поле истории философии фигура Головнина не включена, выпадая из общепринятого историографического «канона» русской мысли. На наш взгляд, творческий феномен Головнина – перспективный и

¹ Чичерин Б.Н. Россия накануне XX столетия. Берлин, 1901. С. 11.

² Он же. Восточный вопрос с русской точки зрения. С. 151,152.

³ Он же. Современные задачи русской жизни. С. 110-111.

⁴ Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор, профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель философской и культурологической магистратуры.

значимый предмет исследования, который необходимо выделить в отдельный историко-философский сюжет при обсуждении общих и специальных задач анализа интеллектуального процесса в России в контексте ее социально-политической и духовной истории. Он дает возможность увидеть пути формирования российской интеллектуальной культуры, складываемой как *конstellация творческих опытов ее создателей*, благодаря своей личной творческой активности выступающих конструкторами ее институтов и генераторами идейных процессов. Роль Головнина в созидании русской либеральной культуры подчеркивается также его интенсивным участием в идейных дискуссиях середины 1850-1870-х гг., его способностью влиять и во многом определять направленность и содержание общественной мысли в публичном пространстве. В основе его культурно-образовательного проекта находились ценности Просвещения в сочетании с православными традициями русской культуры, которые он понимал, как идеалообразующие для духовного и интеллектуального развития русского общества, что позволяет говорить о Головнине как самостоятельном мыслителе христианско-либерального типа. Все это ставит перед историком русской мысли и философом русской истории вопрос о необходимости реинтерпретации его наследия.

Для прояснения методологических оснований своей исследовательской интенции заметим, что история мысли – это дисциплинарно и методологически именно история, в развитии идей представляющая как *интеллектуальная история*. Стоит посмотреть на наследие Головнина как на неотъемлемую часть интеллектуальной истории России XIX века, одним из центральных событий которой являются реформы Александра II. Необходимо исходить из того факта, что Великая реформа в России – это не столько перестройка по горизонтали и вертикали социальных структур и принципов их взаимодействий, сколько глубокий процесс *трансформации общественного сознания*. По словам М. Блока, история – это «в точном и последнем смысле – сознание людей»¹, и без него невозможно представить, как складываются отдельные социальные группы и общество, какие связи обеспечивают их существование, какими целями и

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 83.

ценностями определяются их мотивы поведения и действия. Под конец царствования Николая I в сознании русского общества произошли внутренние изменения, выявившие запрос на перестройку всей системы сложившихся отношений. Жажда перемен в русском обществе многократно была усилена чувством обиды и горечи в связи с проигранной Крымской войной, ставшей печальным апофеозом николаевского правления. Русское самосознание дало мощную трещину, о чем в «Былом и думах» напишет А.И. Герцен¹. С Герценом мог бы согласиться Головнин, фиксируя в своих мемуарах и переписке с видными представителями имперской бюрократии, литераторами и учеными «переворот во взглядах и понятиях»².

Когда мы смотрим на историю подобным образом – как на сложный интеллектуальный процесс – *на драму идей*, а именно в таком ключе, отметим, русская общественная мысль рассматривалась М. Гершензоном, Н. Бердяевым, Д. Святополк-Мирским, И. Берлином, А. Валицким,³ мы можем видеть, как моральные мотивы участников процесса, так и идейный генезис их творчества. Иными словами, мы способны точнее понять, как мысль становится источником движения общества, его институтов и культурно-интеллектуальных практик. Такую мыслительную работу, превратившую морское ведомство вел. князя Константина Николаевича в инкубатор либерально-прогрессивных идей и штаб Великих реформ, в буквальном смысле слова соткав вокруг него *интеллектуальную сеть* ориентированных на решение конкретных теоретических и общественно-практических задач людей, удалось создать Головнину.

¹ Герцен А.И. Былое и думы. М.: Захаров, 2006. С. 929-930.

² Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 годов). М.: Канон+ОИ, «Реабилитация», 2007. С. 222.

³ См.: Гершензон М.О. История Молодой России. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина. 1908; Бердяев Н.А. Русская идея: (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). Париж, YMCA-Press, 1946; Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014; Berlin Is. Russian Thinkers. 2nd edition, edited by Henry Hardy and Aileen Kelly, with an introduction by Aileen Kelly. London, Penguin Books, 2008; Walicki A. A history of Russian thought from the enlightenment to Marxism /Translated by Hilda Andrews-Rusiecka. Stanford: Stanford University Press, 1979.

Специально выделим, что опыт преобразования университетов, осуществленный Головниным в реформаторском правительстве Александра II, как с точки зрения институализации философии в России, так и с точки зрения его личной включенности в идейно-идеологические дискуссии 1860-1870-х гг., не артикулирован и практически не оценен исследователями отечественной мысли. В то время как Головнина, по нашему мнению, с полным основанием можно считать не только теоретиком и генеральным конструктором либеральной Реформы, но и одним из ведущих коммуникаторов и «операторов» русского образованного общества, создавшим запрос на публичный характер дискуссий социально-философского и философско-педагогического содержания. Большими личными усилиями Головнину удалось, сначала с опорой на аппаратные возможности вел. кн. Константина Николаевича, затем на полномочия, даваемые ему министерской должностью, собрать вокруг решения определенного класса задач – интеллектуальных, культурных, политических – активных деятелей, которые понимали необходимость преобразований, могли анализировать злободневные проблемы и переводить идеи по устройству общественной жизни на уровень организационных и правоприменительных действий.

Во многом благодаря влиянию, оказываемому Головниным на брата царя, Константина Николаевича, личным секретарем и помощником которого в Географическом обществе и по делам «Морского сборника» он состоял¹, в середине XIX в. военноморское ведомство, возглавляемое великим князем, оказалось головным институтом, в котором шла идейная и организационная работа по подготовке реформ, либеральных по своей сути². Найдя верный подход к великому князю Константину, оставаясь в его тени, Головнин, применяя мягкую тактику советов и рекомендаций, целенаправленно формировал представления своего патрона по широкому кругу общественных вопросов, умело используя его политический вес и бюрократические возможности для решения насущных проблем русской жизни.

¹Шевырев А.П. Во главе «константиновцев»: великий князь Константин Николаевич и А.В. Головнин // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сб. ст. СПб. Изд-во Европ. ун-та, 2012. С. 51-52.

² Там же. С. 58-60.

Весьма показательно, что Головнин предлагал генерал-адмиралу для знакомства как художественную, так и философскую литературу, содержащую, по его мнению, сведения и идеи, которые могли быть использованы для анализа общественно-политических проблем. Так, в 1856 г. он рекомендовал ему познакомиться с новым выпуском «Голосов из России», издаваемом Герценом и Н.П. Огаревым в Лондоне, предваряя замечанием, что «книжку стоит прочесть в свободные минуты, хотя в ней есть много ошибочного»¹. В этот же период он привлек внимание Константина Николаевича к книге А. Токвиля «Старый порядок и революция», а также к роману Г. Бичер-Стоу «Дред», написанному, по его словам, «против рабства в Америке», где Бичер-Стоу «представляет, какое вредное влияние имеет рабство на владельцев рабов и на государственное управление и финансы»².

Идейное воздействие, оказываемое Головниным на вел. кн. Константина Николаевича, приносило свои плоды. Круг источников, с которыми он знакомил брата царя, постоянно расширялся. Для чтения своему патрону он предлагал сочинение Артура Юнга «Путешествия по Франции», имея в виду великокняжеские «мысли при окончательном обсуждении положения о крестьянах»³. Среди рекомендованных великому князю книг – «Демократия в Америке» Токвиля, «О свободе» и «Размышления о представительном правлении» Дж. Милля, «История цивилизации в Англии» Г. Бокля, «О централизации и ее последствиях» О. Барро⁴.

Заботился Головнин и об уровне развития гуманитарной культуры великого князя. Советуя книгу Шарля Левека «Наука прекрасного в ее применениях и истории», он делал акцент на необходимости эстетического воспитания для облагораживания души. В других своих посланиях Константину Николаевичу он приводил примеры устройства университетов в Европе – в письмах Головнина содержатся сведения о Карловом университете в Праге

¹ Головнин А.В. – вел. кн. Константину Николаевичу. 7 (19) сентября 1856 // РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 331. Л. 41-41 об.

² Головнин А.В. – вел. кн. Константину Николаевичу. 9 (21) сентября 1856 // РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 331. Л. 44

³ Головнин А.В. – вел. кн. Константину Николаевичу. 26 июня (8 июля) 1861 // РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 335. Л. 77.

⁴ Головнин А. В. – вел. кн. Константину Николаевичу. 7 (19) июня 1860 // РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 334. Л. 58.

и Альбертине в Кенигсберге. Свою цель Головнин видел в том, чтобы его патрон при обсуждении важнейших государственных вопросов, требующих интеллектуальной проработки, мог на заседаниях Совета министров блеснуть знаниями, «коих нет у других членов»¹.

Обеспечивая сначала работу военно-морского ведомства, а затем уже вверенного ему министерства народного просвещения, Головнин умело организовал деловое и идейное взаимодействие блестящих интеллектуалов своего времени – Н.А. Милютина, Ю.Ф. Самарина, К.Д. Кавелина, Н.Х. Бунге, М.М. Стасюлевича, В.Д. Спасовича, Б.И. Утина, П.П. Семенова-Тянь-Шанского, К.Д. Ушинского, Н.И. Пирогова, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова. Если в отношении вел. кн. Константина Николаевича Головнин придерживался уважительной и осторожной тактики советов, направлял патрона к нужной цели, предлагая ему для чтения публицистику, художественную, политико-философскую литературу, то со своим другом Тургеневым Головнин вступал в уважительную для собеседника полемику, примером чего является обсуждение романа «Новь» в переписке с его автором². Доверенным людям, таким как Ушинский и Пирогов, он давал конкретное задание: поручил Ушинскому редактировать Журнал Министерства народного просвещения для того, чтобы сделать журнал органом для разъяснения всех сложных педагогических вопросов, а затем направил его изучать зарубежный педагогический опыт и систему образования, Пирогова же, уволенного предшественником, вернул на службу в министерство.³ С помощью других русских интеллектуалов – писателей, публицистов, – не всегда даже близких ему по взглядам, Головнин, тонко чувствующий настроения в различных кругах, формировал общественное мнение о себе как о человеке, открытом к диалогу: так было с Некрасовым, Панаевым и их «Современником»⁴.

¹ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб.: Д.А.Р.К., 2006. С. 157.

² Переписка И.С. Тургенева с А.В. Головниным // Литературное наследство. Из парижского архива И. С. Тургенева. Публ. А.М. Гаркави. Т. 73. Кн. 2. М., 1964. С. 71.

³ Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 годов). С. 78.

⁴ Панаева А.Я. (Головачева). Воспоминания. М.: Правда, 1986. С. 278.

Головнина, по способу его работы можно назвать «модератором» отечественной культуры, который выстраивает цепочки отношений между представителями русской философской, религиозной, правовой и литературно-художественной среды, во многом генерирует для конкретного круга правящей элиты и ярких представителей образованного класса задачи «повышенной сложности», задает вектор движения интеллектуальным спорам, создавая архитектуру национальной культуры, ее идейный и институциональный каркас. В нашем случае уместно вспомнить евангельскую формулу – «камень, отвергнутый строителями, сделался главою угла» (Мф 21:42). Как представляется, фигура Головнина, не включенная пока в общий историографический нарратив русской философии, является ключевой в подготовке концепции и реализации образовательных реформ, частью которых стала практика преподавания философии и академических философских исследований в университетах¹.

В результате реформ Головнина университет не только стал современным научным и образовательным институтом, определяющим интеллектуальное содержание национальной культуры, но и изменил научное значение и общественную роль философии как профессиональной практики, трансформировав ландшафт академической и в целом интеллектуальной культуры в России. Именно эти реформы дают мощный толчок и делают практически необратимым процесс институализации профессиональной философии в России, который если и был «приторможен» и «подморожен» положениями Университетского устава 1884 г. – этой по сути контрреформой, инициированной консервативно-охранительным кругом Александра III, то не остановился в своем развитии. Есть прямая связь между идейным содержанием и организационной структурой реформ в области высшего и гимназического образования Головнина и расцветом философии в России в последней трети XIX – начале XX вв., когда «университетское преподавание философии последовательно создало такую именно атмосферу, в которой явилась возможность работать и мыслить философски в строгом смысле этого слова».²

¹ Ершов М.Н. Пути развития философии в России. Владивосток: Дальневосточный университет, 1922. С. 19.

² Там же. С. 22.

Символическим выражением этого русского пути научения философской мысли является творчество христианского религиозного мыслителя, либерала по своим убеждениям, Вл.С. Соловьева и его духовных преемников – братьев С.Н. и Е.Н. Трубецких, внесших огромный вклад в процессы либерализации в России.

В Московском университете преемником Юркевича на философской кафедре стал его ученик, Вл. Соловьев, после смерти наставника в 1874 г. избравшийся приват-доцентом на кафедру одновременно с профессором М.М. Троицким. На краткий период (два семестра) Соловьев заменил покойного Юркевича на кафедре. Академическая карьера Соловьева не была гладкой и завершилась для философа, придерживавшегося христианско-либеральных взглядов, после публичной лекции 28 марта 1881 г., где он взывал к Александру III помиловать убийцу своего отца, Александра II. Увольнение Соловьева стало симптомом изменения общей политической атмосферы. Эти охранительные тенденции нашли отражение в новом Уставе, введенном 23 августа (4 сентября) 1884 г., который знаменовал победу «партии» Каткова и Победоносцева. Устав упразднил автономию университетов¹, значительно затруднив при этом доступ неимущих классов к образованию путем кратного повышения платы за обучение. Демократические принципы университетской жизни были сведены к минимуму. Собственно, привычка правительства находить крамолу в университетах и философских умствованиях молодежи сыграла свою роль не только в жизни свободного мыслителя Вл. Соловьева – в этом путь Соловьева напоминает траекторию Головнина. После того, как 4 (16) апреля 1866 г. Каракозов произвел выстрел в Царя-реформатора, судьба министра Головнина была решена. Он был отправлен в отставку.

Великие реформы стали временем глубоких перемен в российской жизни, однако, кабинет реформаторов испытывал на каждом этапе немало трудностей. Образовательная реформа, проводимая Головниным в 1860-е годы на посту министра народного просвещения, не исключение. Для ее реализации

¹ Общие уставы императорских российских университетов 1863 и 1884 гг. Одесса: Тип. Акц. Южно-рус. о-ва печатного дела, 1901. С. 40-82.

понадобилась широкомасштабная подготовительная работа¹. Понимание необходимости такой работы пришло не сразу, во многом от осознания провала реформы, первоначальный вариант которой был предложен графом Евфимием Васильевичем Путятиным. Именно его на посту главы Министерства народного просвещения в конце 1861 г. сменил Головнин. Являясь по личностным характеристикам антиподами, Путятин и Головнин своими проектами реформы определяют и разные модели развития российского образования в системе общественного устройства.

В связи с анализом деятельности двух министров возникает вопрос о либеральной и консервативной составляющей их мировоззрения, их духовно-культурной идентичности, стержнем которой являются религиозные убеждения. Обращает на себя внимание различие психологического и интеллектуального профилей Путятина и Головнина. На посту министра Путятин пробыл всего несколько месяцев – с 20 июня (2 июля) по 25 декабря (6 января) 1861 г. Выбор Путятина в качестве главы ведомства на начальном этапе реформ был неслучаен. Внимание Императора и его окружения привлекла книга Путятина «Проект преобразования морских учебных заведений с учреждением новой гимназии»², которая явилась плодом его наблюдений и размышлений над системами образования в России и Англии, куда он был направлен в августе 1858 г. уже в чине адмирала на должность морского агента.

Закрытая корпоративная, цензовая в своей основе, система университетского и военного образования, закреплявшая иерархическую структуру английского общества, нацеленная на воспитание элиты, произвела на графа Путятина сильное впечатление мощью своих традиций, и что особо важно – ориентацией на *производство идеологии*, обеспечивающей защиту существующего социального порядка Империи и продвижение национальных интересов во вне. Не будет преувеличением сказать, что русский проект образовательных реформ Путятина имеет

¹ Томсинов В.А. Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года // Университетская реформа 1863 года в России / сост., авт. вступ. ст. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012. С. LXXI.

² Путятин Е.В. Проект преобразования морских учебных заведений с учреждением новой гимназии / Сост. адм. гр. Путятиным. Санкт-Петербург: тип. Мор. м-ва, 1860.

западнический образец в своей основе, и в этом своем идейном генезисе напоминает славянофильство А.С. Хомякова, после посещения Англии летом 1847 г. вдохновившегося органичным проявлением в ней национальных форм быта и культуры, о чем он рассуждает в своем «Письме об Англии», напечатанном в 7-й книге «Москвитянина» за 1848 г. Социальный порядок и укладность, определяющие культурный и социальный стиль английского общества, в сочетании умеренных политических свобод, поддерживаемых традицией парламентаризма, произвели сильное впечатление на Хомякова, побудив его поставить вопрос о реабилитации русской национальной старины как духовной опоры российской государственности и общественной жизни.

Что-то подобное произошло и с воззрениями Путятин. Исторический парадокс состоит в том, что благонадежный, лично преданный Императору и верный сын Православной церкви, Путятин оказался проводником не русской, а западной модели образования, национально окрашивая ее тем, что идеологически и юридически «подпирал» всю систему связкой государства и официального Православия. Будучи очень религиозным человеком, Путятин на посту министра решил полностью перевести начальное образование в сферу деятельности церкви, а в университетах отменить все «вольности». Обосновывая правительственный выбор, министр внутренних дел П.А. Валуев писал о Путятине: «Поводом к выбору гр. Путятин было состояние наших учебных заведений и в особенности университетов, где более и более ослаблялась дисциплина и распространялись социалистические и материалистические учения. Гр. Путятин был известен за человека набожного, даже склонного к религиозному ригоризму, и слыл человеком с твердым характером и железной волей. Вся его внешность имела аскетический оттенок, и я помню впечатление, им оставленное во мне после вышесказанного заседания Совета. Мысли о религиозном направлении образования юношества я вполне сочувствовал»¹. Давая оценку его личности и высказанным им мыслям о религиозном образовании молодежи, Валуев был уверен, что правительство делает правильную ставку на Путятин:

¹ Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел в 2 тт., т. 1. М.: изд-во АН СССР, 1961. С. 320.

«Всматриваясь в резкие, бледные, почти изможденные черты лица гр. Путятин, замечая неподвижность выражения этого лица и припоминая рассказы о твердости и сосредоточенности в самом себе, обнаруженных им во время его экспедиции в Японию, я думал, что Министерство народного просвещения передается в сильные и даже жесткие руки»¹. Путятин напоминал Валуеву строгих латинских кардиналов «времен Филиппа II-го»². Но эта вера в уместность решительных действий «графа-кардинала» на посту министра была очень скоро разрушена.

Введя циркуляр от 21 июля 1861 г., которым запрещались любые студенческие собрания, Путятин этим и другими своими нововведениями спровоцировал волнения учащейся молодежи. В Петербурге и Казани они закончились столкновениями с полицией, что заставило правительство 22 сентября закрыть Петербургский университет, что только подлило масло в огонь. Как отмечал Валуев, Путятин не смог справиться с вверенным ему делом, полностью расписавшись в своей некомпетентности. «Я конечно не предугадывал, – признавался Валуев, – что не далее, как через три месяца при первой вспышке беспорядков в Санкт-Петербургском университете этот непреклонный аскет, кардинал, адмирал и генерал-адъютант, окажется нерешительным, ненаходчивым, нестойким – одним словом несостоятельным в кругу тех обязанностей, которые были на него возложены»³. 25 декабря 1861 года (6 января 1862 г. по н. ст.) Путятин подал в отставку.

Такое развитие событий следовало ожидать: искусственное скрещивание двух разных духовно-социальных укладов, составлявших ядро англиканской и русской культуры, в условиях обострения социальных противоречий было обречено на провал. Сменивший Путятин на посту министра народного просвещения Головнин, сразу завоевавший расположение либеральной профессуры и общественности⁴, напротив, исходил из реалий и логики преобразований существующей образовательной практики. Он прекрасно понимал, что нужно учитывать национальный фактор

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 годов). С. 78-79.

культуры, в том числе традицию российской религиозности, но в юридическом и социальном поле не подчинять светский тип культуры «церковно-полицейскому уставу», говоря словами И.С. Аксакова,¹ а вводить эти два типа культуры в режим диалога и смыслового обмена.

Тип мировоззрения, синтезирующий опыт религиозности и ценности светской культуры, был характерен для самого Головнина. Об этом красноречиво свидетельствует эпизод с назначением его на пост министра. В мемуарах Головнин пишет о себе в третьем лице и вспоминает о горячей благодарной молитве к Богу после получения известия о назначении в символических обстоятельствах – ожидания праздника Рождества, «вечером 24 декабря 1861 г. в то самое время, когда по семейному обычаю у Головнина случилась всенощная накануне праздника Рождества Христова и он молился с матерью своею и сестрами. Служивший всенощную престарелый духовник Головнина, отец Илья (священник Института слепых), прочел громко помянутый указ»².

Перед нами – два актора процесса реформирования – Путятин и Головнин, представляющие собой два типа религиозности и ментальности. Граф Путятин понимает свою задачу как традиционалистско-охранительную, а Головнин – как просветительско-воспитательную. Не случайно Головнин начинает свою работу в министерстве с гласности, выступая против «цензуры как учреждения полицейского», с общественного обсуждения проблем, заботясь о том, чтобы расположить в пользу правительства общественное мнение, с вовлечения в проблемное поле лучших умом России, руководствуясь максимой, «что надлежит действовать, а не отписываться»³. Головнин прекрасно понимал, что «подмораживать» и «заколачивать» общественные силы гораздо опаснее, чем осуществлять эмансипаторский в своей

¹ Защищая свободу совести, И.С. Аксаков убеждал русское общество в том, что «Орудия церкви могут быть только духовные, свободные соблюсти свободу совести человека в самом послушании веры, в самом плену истины». По мнению либерального славянофила Аксакова, церковь, использующая орудия государства, сама становится государством, т.е. «царством от мира сего». См.: Аксаков И.С. Сочинения: в 7 т. Т. IV. М. Типография М.Г. Волчанинова, 1886. С. 32.

² Головнин А.В. Записки для немногих. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 214.

³ Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 годов). С. 243.

сути проект социально-политического и культурного развития России. Но для такого проекта должно быть выполнено главное условие – путь к свободе нужно умственно и морально направлять. Понимал он и то, что для идейного и структурно-институционального обеспечения проекта реформ необходимо создать и новый язык интеллектуального общения с разными кругами российского общества. К формированию этого нового языка публичной коммуникации по вопросам, входящим в сферу *интереса философии* к истории, политике, образованию, праву, культуре, литературе, искусству, Головнин будет умело подключать представителей литературного, журналистского, академического цеха и наиболее способных управленцев, работающих в разных ведомствах, участвуя, тем самым, в создании национального философского языка.

Всею своей деятельностью Головнин пытался предотвратить сползание России в революционный хаос, дать ей исторический шанс на эволюционное развитие, о чем он с полной искренностью и ответственностью писал великому князю Константину Николаевичу: «Нам нечего себя обманывать, вся наша роль состоит в борьбе с приближающейся революцией. Только слепые не видят ее шествия... К нам идет туча. Мы громоотводы, которые разряжают электричество... чтобы туча разразилась не громом и молнией, а вылилась благодатным дождем и оживила бы растительность»¹. Таких делателей новой жизни – прогрессистов и культурных просветителей – хотел найти в русском обществе его друг и собеседник И.С. Тургенев, показавший развилку эволюционного и революционного сценария развития в романе «Новь» и предупреждавший об опасности радикализма. В этом задачи двух представителей русского Просвещения, Головнина и Тургенева, были схожими, как и общими были их идеалы – пушкинско-карамзинские, русско-европеистские, *либерально-христианские*, утверждавшие социальные и интеллектуальные свободы, ценности культурного развития человека и общества.

Все это позволяет сказать, что Головнин в российской истории должен занять значимое место наряду с выдающимися мыслителями и писателями как создатель интеллектуальной среды

¹ Головнин А.В. ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 44. Л. 1-1об.

второй половины XIX века, вдохновляемой либеральными идеями. Его деятельность в значительной степени способствовала становлению на идейном и институциональном уровне профессиональной философской субкультуры, в рамках которой стало возможно развитие оригинальных философских систем и религиозно-метафизических концепций, ориентированных на переосмысление европейского интеллектуализма и национальной духовной традиции, на их философский синтез. Включение в нарратив интеллектуальной истории России такой фигуры, как Головнин, открывает новые возможности для интерпретации путей формирования либеральной субкультуры, как в перспективе политической истории России, так и истории отечественной мысли.

О.Л. Протасова¹

С.П. МЕЛЬГУНОВ И ЕГО ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ

Биография, общественно-политическая деятельность, научное и публицистическое наследие Сергея Петровича Мельгунова (1880-1956) достаточно хорошо изучены на сегодняшний день, однако не все их аспекты раскрыты в равной мере полно. В данной работе не ставится задача последовательного освещения всех жизненных событий и творческих достижений Мельгунова, а акцентируется внимание на своеобразии его идеологической позиции, которая формально прошла эволюцию от либерализма до умеренного социализма (дистанция сама по себе не столь длинная и извилистая), а фактически оставалась стабильной на протяжении всей жизни политика, историка и публициста, человека с большим характером и судьбой, изобиловавшей крутыми поворотами и бурными событиями.

Сам Мельгунов свою политическую позицию оценивал так: «всегда был недостаточно активным революционером», чтобы

¹ Протасова Ольга Львовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Тамбовского государственного технического университета.

«всецело отдаться кипучей агитационной работе»¹. В 1906 г. он вступил в партию конституционных демократов, примкнув к ее левому крылу. Политический темперамент заставил его деятельно участвовать в предвыборной кампании в I Государственную Думу. Его «целевой аудиторией» были люди, равнодушные к вопросам веры, в том числе старообрядцы и сектанты, которых он планировал сделать сочувствующими его партии на выборах. Мельгунов строил свои агитационные речи вокруг проблемы свободы совести, как гражданской, так и духовной, читал публичные лекции, выступал с докладами, опубликовал брошюру «Старообрядцы и свобода совести»², получившую широкую известность. Резюме его взглядов на вопрос взаимоотношений церкви и государства – церковь не должна вмешиваться в светские дела, а государство не должно вмешиваться в дела церкви³.

Исследование указанной проблемы привело Мельгунова к более широкой постановке вопроса о свободе личности в обществе. По его мнению, кадетская партия ближе всего по духу старообрядцам, поскольку именно она способна дать им требуемое – политическую свободу, если будет введено конституционное «народное правление», ведь именно кадеты считают веру «частным делом»⁴. Реформистская тактика кадетов была ему по душе, он предостерегал общественность от симпатий крайним партиям (как правым, так и левым), которые не собираются тратить свою политическую энергию на завоевание свободы личности – у них иные приоритеты. В отношении социального прогресса Мельгунов был последовательным эволюционистом. Коренная ломка, уничтожение старого строя, по его убеждению, болезненно отразятся на всем и всех – и на государстве, и на народе в целом, и на любом из общественных слоев.

Когда осенью 1906 г. среди российских политических партий появилась новая – народно-социалистическая, для левого крыла Партии Народной свободы открылась возможность перейти в нее как более радикальную по сравнению с их собственной партией.

¹ Цит. по: Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М.: «Эдиториал УРСС», 1998. С. 28.

² Мельгунов С.П. Старообрядцы и свобода совести. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1907. 86 с.

³ Там же. С. 78, 80.

⁴ Емельянов Ю.Н. Указ. соч. С. 29.

Мельгунов, однако, выступал против таких ротаций, призывая кадетов не нарушать партийной монолитности, а постараться демократизировать свою организацию. Он считал, что энесы ничуть не менее умеренны, нежели кадеты. Однако в 1907 г. Мельгунов сам переместился в ряды народных социалистов. Свой переход он объяснил усилением разногласий в ПНС (он считал, что этот фактор наносит организации вред, который не может не отразиться на парламентских возможностях партии), а также симпатией к кружку публицистов журнала «Русское богатство», который и стал ядром народно-социалистической партии. Его привлек, помимо того, «умеренный социализм» новой партии, «непрерывная защита интересов государства как целого, интересов нации»¹.

О первых нескольких годах деятельности Мельгунова в НСП сведений не слишком много: в организации лидировали, были на виду представители более старшего поколения – А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, Н.Ф. Анненский и др. Они жили в столице, налаживали связи с общественными организациями, участвовали в предвыборной кампании во II Государственную Думу, публиковали в «Русском богатстве» и других изданиях статьи остросоциального содержания. Мельгунов был одним из активистов московской группы, вместе с товарищами ратовал за расширение работы партии в профессиональных, культурно-просветительских, кооперативных союзах², о чем свидетельствовали пропагандистские и агитационные материалы его авторства. Например, в своей брошюре «Где же выход?» он призывал к объединению всей оппозиции, от социал-демократов до кадетов, против наступающей реакции. По его убеждению, «излишняя партийность», сложившаяся во время предвыборных думских кампаний, и «доктринерские нападки на компромиссные программы» очень мешали делу борьбы с режимом. Социализм – дело отдаленного будущего, путь к которому должен лежать через завоевание политических свобод, реформирование государственного строя³, а в этом в равной степени заинтересованы все левые и центристские партии, доказывал Мельгунов.

¹ Цит. по: там же. С. 32.

² Архив РАН. Ф. 647. Оп. 1. Д. 335. Л. 2. Д. 279. Л. 7.

³ Емельянов Ю.Н. Указ. соч. С. 34.

В период «третьеиюньской монархии» из-за невозможности выступления на открытой политической арене НСП была близка к распаду. Мельгунов в это время преимущественно занимался научной деятельностью, печатался в профессиональных изданиях, организовал собственное издательское дело – товарищество «Задруга», открытое в 1911 г. Он же и стал единогласно избранным председателем совета правления своего предприятия.

Большое внимание в своем публицистическом творчестве Мельгунов уделял правовым вопросам, тесно переплетавшимся с политическими. С 1909 г. он сотрудничал в журнале «Вестник права и нотариата», в котором публиковались такие маститые юристы, как С.А. Муромцев, В.А. Маклаков, В.М. Хвостов и др. Статьи самого Мельгунова посвящались обычно претворению законов в жизнь (далекому от совершенства); главной сферой его интересов была свобода совести, поэтому немало написанных им страниц по-прежнему было отведено церковной проблематике. В 1905 г. состоялось знакомство Мельгунова с Л.Н. Толстым: великого писателя, равнодушного к религиозно-психологической теме, заинтересовали статьи Мельгунова о сектантстве. Взгляды Мельгунова в корне отличались от толстовских, а Лев Николаевич, в свою очередь, считал «утопией все выводы социалистической мысли»¹.

Осенью 1914 г. С.П. Мельгунов стал одним из инициаторов попытки объединения «народников различных оттенков» для издания еженедельной общественно-политической газеты, которую решено было назвать «Наша жизнь»². Договор на ее издание был подписан в сентябре 1914 г.³ Состав желающих сотрудничать в газете оказался даже шире, чем просто народнический: намерение участвовать в ней изъявили В.В. Вересаев, О. Мандельштам, Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович и др., всего 52 человека. Вышел, однако, всего один номер⁴: из-за недостатка средств и пристального внимания полиции начинание, увы, не получило продолжения.

¹ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. В 2 т. Вып. 1. Париж, 1964. С. 127.

² См.: Сыпченко А.В. Народно-социалистическая партия в 1907-1917 гг. М.: РОССПЭН, 1999 С. 169.

³ РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 1579.

⁴ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 192.

Следует отметить позицию Мельгунова в отношении I Мировой войны. Она совпадала с настроем большинства его однопартийцев: необходимость поддержки мер по укреплению обороноспособности России и нетерпимое отношение к шовинизму, охватившему страну (чего не избежали многие авторитетные издания). В своих дневниках Мельгунов возмущенно пишет о том, что «патриотизм не отделяют от верноподданничества»¹, «Россия превратилась в черносотенную»². Когда осенью 1914 г. группа членов литературно-художественного кружка приняла решение исключить из своего состава всех немцев, Мельгунов, состоявший в этой организации и шокированный столь «черносотенным требованием», немедленно вышел из нее, чем вызвал негативные комментарии в свой адрес в прессе³. Сам он был убежден, что патриотизм и национализм – явления отнюдь не тождественные, напротив, они несовместимы. Эту позицию историк продолжал продвигать и далее, несмотря на многочисленные нападки оппонентов.

В марте 1917 г. Мельгунов вошел в состав организационного комитета партии народных социалистов. На первом же съезде в апреле, где готовилось объединение с трудовиками, он был избран в состав партийного ЦК и председательствовал на заседаниях съезда⁴, участвовал и в последующих форумах уже объединенной ТНСП (июнь, сентябрь), выдвигался кандидатом в члены Всероссийского Учредительного собрания от московской организации. Одновременно он редактировал московские партийные печатные органы: журнал «Народный социалист» и газету «Народное слово». К неудаче своей партии на выборах в Учредительное собрание Мельгунов отнесся философски и повторял, что верность своим принципам и идеалам важнее, чем сиюминутный успех, а главной задачей момента должна стать борьба с анархией, чтобы не допустить раздробления системы государственной власти⁵. Октябрьский переворот Мельгунов встретил, как и его соратники по партии «враждебно», а подписание большевиками Брестского мира убедило в необходимости бороться

¹ ГА РФ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 57. Л. 2.

² Там же. Л. Зоб - 4.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Народный социалист. 1917. 18 апреля.

⁵ Утро России. 1917. 28 сентября.

против новой власти, что он и делал, состоя с весны 1918 г. в различных подпольных организациях¹. И как бывший либерал, и как эволюционный социалист Мельгунов главными ценностями полагал «интересы человеческой личности как таковой». Установки на примат классовых интересов над общечеловеческими, «революционная целесообразность», именем которой совершались антигуманные и противоправные деяния, крайне возмущали его. Он оказался одним из очень немногих социалистов, считавших целесообразным сотрудничество с любыми антибольшевистскими силами, не исключая монархических, поэтому в лагере борцов против власти узурпаторов считался одним из «правых»². Бесчисленные обыски, пять арестов за три года, суды и приговоры к расстрелу и ссылке, замененные «мягким» лишением гражданства и высылкой из Советской России – все это явилось ожидаемым результатом жесткой «антисоветской» деятельности Мельгунова и, как следствие, фактического перехода с 1918 г. на положение, по его собственным словам, «внутреннего эмигранта»³.

В зарубежье, где С.П. Мельгунов жил с октября 1922 г., он сразу выдвинулся среди своих однопартийцев на передовые позиции антибольшевизма. И в 1920-е гг., полные эмигрантских надежд на избавление России от ненавистного режима и даже в 1930-е гг., когда организационная энергия российских изгнанников явно пошла на спад, Мельгунов продолжал призывать к консолидации всех эмигрантских сил – и социалистических, и несоциалистических (прежде всего либеральных). Он отмечал, что «в настоящее время граница внутри эмигрантских сил проходит не по партийным направлениям, а по отношению к «активизму», и миссия эмиграции – свободным словом будить русских эмигрантов и призывать их к сплочению»⁴. Мельгунова регулярно приглашали к сотрудничеству в крупнейших эмигрантских изданиях, на что он отвечал: «Я тоскую без газеты. Но активное участие в газете могу принять только в той, которая будет занимать непримиримое отношение к большевикам, без всяких компромиссов... которая не

¹ Емельянов Ю.Н. Указ. соч. С. 51.

² Там же. С. 52.

³ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Вып. II. С. 4.

⁴ Цит. по: там же. С. 212.

будет лягать без смысла политических противников в эмиграции»¹. Историк хотел подчеркнуть, что демократия в изгнании, пестуя свои «местечковые» разногласия, ослабляет сама себя и тем сводит на нет противостояние большевизму. «...По-моему, единственный смысл издавать сейчас нелегальный боевой орган для России и около него накручивать боевую организацию, – делился он мыслями с А.А. Аргуновым. – Но... нет ни денег, ни единомышленников. Я имею в виду "генералитет"... Рядовых "братьев" найти можно в достаточном количестве... Говорю "братьев", ибо мыслю себе своего рода карбонарийскую организацию»².

В 1923 г. соратник Мельгунова по ТНСП Пешехонов выпустил брошюру «Почему я не эмигрировал», положившую, по мнению эмиграции, начало его постепенного движения в сторону признания Советской власти. В книге, содержащей в целом критику большевистской политики, встречались рассуждения о некоторых положительных сторонах последней, прежде всего, заслуга в воссоздании российской государственности³. Говоря о жестокости большевистского режима, Пешехонов сравнивал его с царским, «красный» террор сопоставлял с «белым» и выражал предположение, что у новой власти просто было больше времени и возможностей развернуть свою деятельность⁴. Эти сравнения вызвали резкие возражения в эмигрантской среде. Мельгунов, в частности, доказывал, что «беспристрастность» Пешехонова к Советам в данном случае вредна, так как ослабляет моральный протест против большевизма, а перецеголять большевиков по части зверств и террора не под силу никому⁵. Обсуждение позиции Пешехонова в отношении советской власти продолжалось не один год, более того, дискуссии вокруг нее перманентно оживлялись, поскольку Пешехонов, с 1925 г. подававший в советские посольства стран, где он жил, прошения о предоставлении ему советского гражданства, начал, по сути, выступать против упорной непримиримости эмиграции по отношению к родине. Мельгунов в

¹ ГА РФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал? Берлин: Обелиск, 1923. С. 59.

⁴ Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. С. 166.

⁵ Мельгунов С.П. Красный террор в России. М.: Айрис пресс, 2008. С. 12.

прессе неизменно выступал с позиции жесткой критики пешехоновского «примиренчества». Когда в конце 1925 г. Пешехонов заявил о своем выходе из ЦК ТНСП, Мельгунов сообщил А.А. Аргунову собственное восприятие этой позиции: «Я антипод»¹.

Мнение Мельгунова для эмиграции было тем более авторитетно, что он являлся автором книги «Красный террор в России», ставшей в русском (и не только русском) зарубежье, без преувеличения, настоящим бестселлером. Впервые изданная в Берлине в декабре 1923 г., она постоянно переиздавалась в Старом и Новом Свете, переводилась на разные языки, обсуждалась в эмигрантских обществах: в ней содержалась «доказательная база» преступлений режима узурпаторов, дававшая лишний повод ненавидеть Советы. Правда, труд Мельгунова нельзя считать полностью беспристрастным: он основывался не только на объективных документах, но и на материалах белой пропаганды, эмоциях автора, лично пострадавшего от советской власти, нередко – на слухах и вымыслах, без указания источников². Автор признавал возможность ошибок, но оправдывал себя тем, что, «когда приходится оперировать с сотнями и тысячами... точность цифр отходит на задний план»³. Впрочем, на тот момент важнее была иллюстративность: устрашающая картина террора, разоблачающая преступные наклонности большевистских лидеров⁴ должна была подпитывать враждебность к большевизму. Стимулом к написанию в короткий срок книги послужил открывшийся в ноябре 1923 г. судебный процесс над М.М. Конради и А.П. Полуниным по делу убийства В.В. Воровского. Материал, собранный Мельгуновым с коллегами по просьбе А.И. Гучкова, лег в основу не только «Красного террора», но и сильной речи адвоката Т. Обера, которая длилась почти девять часов и имела большой успех: после нее обвиняемых освободили в зале суда⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

² Ганин А. «Красный террор» в черно-белом изображении [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/07/12/rodina-krasnyj-terror.html> (дата обращения 08.08.2023).

³ ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 236. Л. 12-13.

⁴ Ганин А. Указ. соч.

⁵ Там же.

В эмиграции Мельгунов продолжал активно заниматься любимым делом своей жизни – издательским. Он открыл в Берлине заграничный отдел «Задруги», названный «Ватага», где в 1923-1928 гг. вместе с В. А. Мякотиним и Т. А. Полнером издавал историко-литературный журнал «На чужой стороне». Параллельно в 1926-1928 гг. в Париже (там Мельгунов жил с 1926 г.) выходили его сборники «Голос минувшего на чужой стороне». С 1926 г. историк несколько лет участвовал в издании политического еженедельника «Борьба за Россию», программа которого гласила: русская эмиграция должна не просто отвергать возможность любых контактов с Советской Россией, но и бороться с нею всеми способами, вплоть до вооруженного. Большинство видных политиков-эмигрантов, однако, к этому времени уже считало поход войной на большевизм делом непродуктивным и пагубным прежде всего для самой эмиграции, и поддержку Мельгунову в данном вопросе оказала только группировка П. Б. Струве. Антибольшевистский же пафос самого Мельгунова, казалось, с годами только рос. В рамках работы в журнале «Борьба за Россию» он сотрудничал с эмигрантскими офицерскими организациями и сторонником активных действий против советской власти генералом А.П. Кутеповым. Советская контрразведка последовательно ликвидировала эти организации; лишенный спроса и финансирования, пришел в упадок и журнал. Соратники по ТНСП считали, что в своих политических связях Мельгунов слишком неразборчив, и отношения между ним и ключевыми деятелями народнического зарубежья, такими, как, например, В.А. Мякотин, Л.М. Брамсон и др., становились натянутыми. Это еще более подтачивало организационное единство заграничных групп ТНСП, и без того довольно условное.

В начале 1930 г. Мельгунов в письме Аргунову объяснял свой отказ вступить в организацию «Крестьянская Россия» тем, что, по его мнению, в эмиграции надо создавать не партию, а союз¹. Эти слова вновь отражают убежденность Мельгунова в том, что бывшая принадлежность к партиям, когда-то конкурировавшим друг с другом в российском политическом «поле», теперь потеряла

¹ ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

актуальность и смысл перед лицом общего неприятеля, против которого нужно заключить широкую коалицию.

Во время Второй мировой войны Мельгунов не разделял надежд тех своих соотечественников-демократов, которые считали, что победа над нацизмом сумеет заставить советских коммунистов пересмотреть свою государственную политику. Это, однако, не означало, что он желал успеха врагам своей родины; всякую возможность сотрудничества с нацистским режимом он отвергал. В послевоенные годы историк выступал против усилившихся просоветских настроений в эмиграции, подкрепляя свои слова действиями: с 1948 г. он стал председателем Союза борьбы за свободу России, с 1951 г. – председателем координационного центра антибольшевистской борьбы.

Мельгунов был человеком резким, решительным, чрезвычайно деятельным по натуре. В партийных и прочих организациях, где Мельгунов состоял в течение своей жизни, он играл роль более чем заметную, однако не стремился выступать в качестве идеолога-теоретика, да и, судя по всему, сам не склонен был испытывать пиетет к, как сейчас говорят, «топовым» политическим фигурам своего времени. Как таковую организационную принадлежность он вряд ли считал делом первостепенным: гораздо более важными ему представлялись общая ориентация на свободу человека, неприятие деспотизма, террора и насилия. Установив для себя антипример государственной системы в лице большевизма, Мельгунов последовательно боролся против него, ища союзников в разных идейных лагерях, однако не менее отвратителен для него был нацистский режим, шовинистический, ранжирующий нации по «качеству» подобно тому, как большевизм ранжировал социальные классы. Думается, что идеологический ориентир Мельгунова, по большому счету, не укладывался строго в рамки «социалистического» или «либерального»; он вобрал в себя основное из обеих этих идеологий, а именно уверенность: главное, к чему должен прийти общественный прогресс – свобода человеческой личности и социальная справедливость. Без достижения этих идеалов политическая борьба не имеет смысла.

С.А. Аронова¹, Д.В. Аронов²

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ В ДЕБАТАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ НАЧАЛА XX в. В РОССИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

На грани XIX–XX в. начинается явный отход от концепции невмешательства государства в дела экономики (так называемый принцип «*laissez-faire*», который господствовал на протяжении XVIII–XIX вв.). Эпоху государства – ночного сторожа сменяет эпоха все более активного государственного регулирования. Экономические вопросы, в том числе в либеральном контексте, все больше входят в программы политических партий и в повестку парламентов многих стран, включая Российскую империю.

Так в деятельности Государственной Думы России в 1906–1917 гг. увеличивается количество обсуждаемых экономических вопросов. Причем это касается инициативы практически всех партий. Данный тренд вполне очевиден. Выдвигаемые предложения во многом имели либеральную направленность, что обусловлено спецификой эпохи и теми политическими процессами, которые были характерны для данного периода.

Прежде, чем перейти непосредственно к анализу взаимодействия парламентариев, правительства и представителей общества в рамках выдвижения и решения проблем хозяйственной практики, следует отметить, что, несмотря на длительность господства концепции невмешательства государства в хозяйственную жизнь (*laissez-faire*), многие исследователи предшествующих столетий не исключали полностью необходимость государственного регулирования. В нашей стране еще в XVIII в. концепции необходимости государственного регулирования придерживался Иван Посошков, который предлагал

¹ Аронова Светлана Анатольевна – доктор экономических наук, профессор, директор департамента международных связей Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

² Аронов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

ряд конкретных мер, нацеленных на поддержание отечественной экономики¹.

За рубежом среди экономистов, которые продвигали подобные идеи, следует назвать, как ни парадоксально это звучит, Адама Смита, которого считают чуть ли не главным рупором экономического либерализма (возможно благодаря тезису: «Государства нужно в экономике не больше, чем нужно»²). Также важны работы Д. Рикардо, Дж. Милля. Первый признавал необходимость государственного управления для обеспечения не только внешней безопасности, но и внутренней, обеспечивающей членам общества возможность стабильного хозяйствования и развития, предполагал возможность расширения государственных функций. Но, тем не менее, это, скорее, было допущением возможности государственного регулирования, чем его обоснованием. Существенные изменения в хозяйственной жизни, включая нарастающие темпы монополизации, наличие профсоюзного движения, рост социальных обязательств, урбанизацию и иные изменения, несмотря на явное преобладание либерального экономического контента, требовали расширения зоны государственного регулирования.

Выдвижение тех или иных экономических идей, включая идеи либерального толка возможно путем анализа партийной и парламентской документации. Исследование документов позволяет выявить совокупность базовых вопросов, которые рассматривали Государственные Думы России в начале XX в. Это аграрный вопрос (по сути, базовый); бюджетное регулирование (что вполне обычно для деятельности законодательных органов начала XX в.) и налоговое законодательство; актуальные вопросы трудовых отношений (продолжительность рабочего времени, забастовки, права и обязанности отдельных категорий граждан (женщин, детей); функции профсоюзов); политика протекционизма и защиты внутригосударственных производителей). Есть, однако, различие в степени значимости этих вопросов для разных стран мира в контексте политических и социальных приоритетов.

¹ Брикнер А.Г Иван Посошков // Соч.. А.Г. Брикнера. Ч. 1. СПб.: тип В.С. Балашова, 1876. С. 199-200.

² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 513.

Это вполне обосновывает в рамках своей теории А. Гершекрон¹, относя нашу страну к государствам второго эшелона развития мирового капитализма, наряду со странами Восточной Европы, Турции и Японии, которые с некоторым опозданием проходили этапы формирования экономических отношений. Это сделало возможным усилить роль государства в экономике по сравнению со странами Западной Европы и США. Специфичным стало то, что одновременно Государственная Дума России (во всех своих созывах вплоть до 1917 г.) была более ограничена в правах в отличие от парламентов вышеупомянутых государств. Приоритеты при рассмотрении экономической проблематики в деятельности законодательных органов промышленно развитых стран в начале двадцатого столетия отражены в таблице 1.

Таблица 1: Степень приоритетности экономической проблематики в парламентах, промышленно развитых стран в начале XX столетия. сопоставление круга экономических вопросов в парламентах России, Европы и США (по степени значимости)

Приоритетность экономической проблематики в Государственной Думе (I–IV) созыва) в Российской империи	Приоритетность экономической проблематики в деятельности парламентов государств Западной Европы в начале XX в.	Приоритетность экономической проблематики в деятельности парламента США в начале XX в.
Агропреобразования	Рассмотрение и утверждение бюджета	Антимонопольное законодательство
Регулирование финансовых отношений, включая налоги	Регулирование трудовых отношений, включая регулирование рабочего времени, регулирование труда малолетних и женщин, деятельность профсоюзов	Регулирование финансовых отношений, включая налоги
Регулирование трудовых отношений, включая регулирование рабочего времени, регулирование	Агропреобразования	Защита национальных рынков и отраслей, протекционистская

¹ Herschenkman A. The approach to European industrialization: a postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1962. P. 353–364.

труда малолетних и женщин, деятельность профсоюзов		политика
Рассмотрение и утверждение бюджета	Антимонопольное законодательство	Регулирование трудовых отношений, включая регулирование рабочего времени, регулирование труда малолетних и женщин, деятельность профсоюзов
Защита национальных рынков и отраслей, протекционистская политика	Регулирование финансовых отношений, включая налоги	Рассмотрение и утверждение бюджета
Антимонопольное законодательство	Защита национальных рынков и отраслей, протекционистская политика	Агропреобразования

Произведенная систематизация позволяет утверждать, что в нашей стране на первое место (особенно в I – III Государственных Думах) явно выходит проблематика, связанная с регулированием аграрных отношений, а в законодательных органах государств, относимых к Западной Европе и в США, эта тема уже не столь актуальна и уходит на второй план, пропуская вперед антимонопольное законодательство. Специфичность подобных приоритетов обусловлена незавершенностью в нашей стране многих реформ 60-70-х гг., XIX в., включая агропреобразования и вопросы финансового регулирования. При этом состав Государственных дум был весьма различен (отражен в таблице 2):

Таблица 2: Политический состав I-IV Государственных Дум

Политический состав I Государственной Думы (24 апреля - 8 июля 1906 г.)	Политический состав II Государственной Думы (20 февраля – 2 июня 1907 г.)	Политический состав III Государственной Думы (1 ноября 1907 г. – 9 июня 1912 г.)	Политический состав IV Государственной Думы (15 ноября 1912 г. - 6 октября 1917 г.)

499 депутатов: кадеты – 161, трудовики -97, мирнообновленцы - 25, социал- демократы – 17, партия демократических реформ – 14, прогрессисты – 12, беспартийные – 103, партия союза автономистов - 70	518 депутатов: трудовики – 104, кадеты – 98, социал-демократы - 65, эсеры – 37, правые – 22, народные социалисты – 16, умеренные и октябристы – 32, беспартийные - 50, национальные группы - 76, казачья группа – 17, партия демократических реформ - 1	442 депутатов: октябристы - 136, националисты -90, правые -51, кадеты – 53, прогрессисты и мирнообновленцы – 39, социал- демократы - 19, трудовики – 13, беспартийные – 15, националисты - 26	442 депутатов: октябристы - 98, националисты и умеренные правые - 88: группа центра - 33, правые - 65, кадеты - 52, прогрессисты - 48, социал- демократы – 14, трудовики – 10, беспартийные -7, национальные группы - 21
--	--	---	--

Следует иметь в виду, что состав парламентариев существенно менялся от первой Думы к четвертой. Состав законодателей менялся не только с позиций политических предпочтений, но и захватывая возрастной, образовательный, профессиональный и этноконфессиональный контекст, что не могло не сказываться как на круге обсуждаемых экономических вопросов, так и предлагаемых мероприятиях, связанных с их решением.

Состав представителей законодательной власти в Российской империи в начале XX в. позволяют установить работы Н. Бородина, Н. Иорданского, Д. Стаховича, А. Смирнова, Н. Энгельгард и иных исследователей.

Динамика трансформации состава субъектов законодательной власти Российской империи, помимо политических предпочтений, свидетельствует о таких тенденциях, как:

- увеличение среднего возраста парламентариев (средний возраст парламентариев в I и II Государственных Думах меньше, чем в III и IV Государственных Думах);

- положительная динамика уровня образования парламентариев от Думы к Думе;

- отсутствие корректной корреляции между национальным, религиозным и гендерным составом Государственных Дум и российским социумом;

- нестабильность социального состава депутатов в Думах.

Интересным является то, что первая российская Дума оказывается «моложе» парламентских сообществ Запада. В то время, как в германском рейхстаге и во французской нижней палате доля народных представителей в возрасте до 35 лет представителей составляла всего 5%, в первой Государственной Думе России эта доля была около 20%. Что касается старших возрастов, то если доля парламентариев в возрасте свыше 60 лет среди депутатов в Германии и Франции была в районе 17–22%, то в нашей стране их было 3%¹.

Изучение возраста представителей депутатского корпуса в первой Государственной Думе показывает, согласно исследованиям Н. Бородин, следующее: депутатов менее 30 лет – 7,3%; в возрасте от 30 до 40 лет – 40,4%; в возрасте от 40 до 50 лет (37,2%); в возрасте от 50 до 60 лет (12,0%); в возрасте более 60 лет (3,1%).² Если следовать современным теориям, то тот факт, что более 75% народных избранников Государственной Думы находилось в расцвете физических и умственных сил, характеризует ориентированность российского выборщика на реформаторский парламент. Следует отметить, что средний возраст лиц, входивших в этот же период времени в Государственный Совет, составлял более 50 лет. Психологически это определяет некую разницу в системе принятия решений и возможность конфликтов, что фактически было реализовано. А. Смирнов, сравнивая возрастной состав депутатов Первой и Второй Государственной Думы, подтвердил наличие тенденции на «омоложение» народных избранников. Несмотря на то, что количество парламентариев среднего возраста (30–40 лет) осталось прежним, количество лиц от 25 до 29 лет возросло практически в три раза. Уменьшилась численность народных избранников в возрасте от 40 до 50 лет и практически в полтора раза сократилось количество лиц от 50 лет и старше. Наибольшая доля людей до 35 лет было среди крестьянских депутатов (40,6%). Одновременно соотношение возрастных групп в их среде уравнивалось достаточным числом лиц в возрасте от 40 до 49 лет (каждый третий). Парламентариев, которые были старше 50 лет

¹ Бородин Н. Государственная Дума в цифрах. СПб., 1906. С. 9.

² Там же. С. 13.

среди них обнаружено практически вдвое меньше (5,9%), чем среди народных избранников иных социальных групп (13,3%)¹.

В Третьей Государственной Думе, с точки зрения возрастной структуры, парламентарии оказались, как отмечал обозреватель кадетской газеты «Речь», старше представителей двух первых Дум. Доля парламентариев старше 50 лет возросла до 28%, а моложе 30 лет упала до 5,3%, тогда как в I Думе это соотношение было 15 к 7,3%, а во II Думе — 10,4 к 19,5%. Считается, что такой состав является итогом принятия нового избирательного закона².

Интересна тенденция роста образованности депутатов от Думы к Думе. Возможно, избиратели считали образование одним из факторов эффективной политической деятельности. С этой точки зрения выявляются наибольшие диспропорции. В нашей стране по переписи 1897 г. доля неграмотных составляла 70,7%. В то же самое время только два депутата Первой Думы (0,4%) указали, что не умеют читать и писать, а существенная доля опрашиваемых (42,1%) указали, что имеют высшее образование. Стоит упомянуть наличие данных о том, что количество получивших высшее образование в составе российского населения в этот период составляло сотые доли процента.

В частности, Н. Бородиным было выявлено, что избиратели Российской империи в своих предпочтениях учитывали уровень образования претендентов на депутатские места, что могло быть, по мнению исследователя, связано с потенциальной эффективностью их деятельности. Бородин установил факт, связанный со спецификой предпочтений в сельских и городских округах: так на выборах население сельской местности предпочитало учителей, в первую очередь, с происхождением из крестьянского сословия, в городе преимущественно выбирали субъектов с университетским образованием, участвующих в выборах. Объяснял исследователь это исключительностью фигур с образованием и пиететом избирателей перед образованными лицами. «При довольно обширном участии в выборах крестьян это явление может быть объяснено ничем иным, как желанием безграмотного и малограмотного народа провести в парламент

¹ Смирнов А. Состав 2-й Государственной Думы // Речь. 1907. № 43. С. 3-4.

² Состав 3-й Государственной Думы // Речь. 1907. № 257. С. 3.

более знающих и более образованных людей, чем они сами»¹. А. Смирновым был осуществлен сравнительный анализ образовательного уровня депутатов Первой и Второй Государственной Думы, в итоге которого он выявил наличие связи между возрастом и грамотностью парламентариев, согласно которой более юный состав депутатов от крестьян привел к росту числа субъектов со средним (преимущественно учителя) и низшим образованием². Несколько меньший процент дали народные представители с высшим образованием.

Что касается уровня образования депутатов III Государственной Думы», то он выше предыдущих парламентариев. 48,7% из 357 депутатов имели высшее образование (в I Государственной думе их было 42,1%; во II Думе – 38,6%). Возросла численность парламентариев со средним образованием до 25% (в I Думе – 13,8%, во II Думе – 20,8%). Численность народных избранников-самоучек осталось примерно такой же, как и во второй Думе 8% (в I Думе их было значительно больше 19,3%). Рассматривая данный феномен в рамках современного осознания, установленный факт можно было бы увязать с модернизацией закона о выборах той эпохи.

Если анализировать профессиональный состав депутатов I, II, III и IV Государственных Дум, то можно прийти к выводу о том, что на смену учителям, крестьянам и рабочим приходили предводители дворянства, земские руководители, генералы и другие «служивые» люди.

Так Н. Энгельгард, рассматривая как пример выборы в Гродненской губернии, где 57% жителей составляли русские, 24,1% – поляки, а 17,5% – евреи, указывает, что в составе губернского избирательного съезда из 107 выборщиков 40 составили представители русского населения, 40 или 42 – польского и 26–28 – еврейского³.

Электоральное пространство в рассматриваемый период было существенно различным. Уже выборы в I Государственную Думу позволили проследить особенности поведения представителей города и сельской местности в рамках проведения избирательных

¹ Бородин Н. Государственная Дума в цифрах. СПб., 1906. С. 14-15.

² Смирнов А. Состав 2-й Государственной Думы // Речь. 1907. № 43. С. 2-3.

³ Энгельгард Н. Современная летопись // Русский вестник. 1906. Май. С.18-28.

кампаний. Сельский уклад обуславливал, с одной стороны, тесную социально-психологическую зависимость жителей деревень друг от друга, достаточно выявляемый уровень общественного контроля в общинном житии на виду друг у друга, а, с другой стороны, показывал ограниченность связей коммуникационного характера среди представителей разных поселковых сообществ. Избиратели-крестьяне и их среда с этой точки зрения являла собой наиболее несовместимую коалицию лиц, которых объединяла потребность в завершенности аграрных преобразований, но разъединял тип местности проживания в огромной России. А. Стахович писал, что: «Многие избиратели (на сельском сходе, волостном) и многие уполномоченные и выборщики (на уездных, городских и губернских выборах), потому и старались во чтобы то ни стало избрать в выборщики или члены Государственной Думы непременно лицо из своего села, волости...»¹.

Таким образом, представляется возможным говорить о том, что экономическая проблематика в программатике и думской политико-правовой практике российских политических партий еще не стала предметом того исследовательского интереса, которого она заслуживает. На протяжении десятилетий, а теперь уже и второго столетия формирования историографии российского парламентаризма начала XX в. основной акцент делался на политических аспектах данной деятельности, степени оппозиционности или толерантности правительственной политике. Полагаем, что углубленный анализ экономической составляющей и, прежде всего, ее либерального компонента еще впереди, а обращение к нему позволит создать более объективную картину деятельности российского парламента начала XX в.

¹ Стахович А. Как и кого выбирать в Государственную Думу. Что такое партийные выборы? Краткий обзор русских политических партий. М., 1907. С. 14.

А.Д. Гронский¹

БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАЧАЛА ХХІ в. О ЛИБЕРАЛИЗМЕ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ПЕРИОДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Большая часть научных публикаций, посвященных либерализму периода Российской империи в Белоруссии выполняется на русском языке. Однако существует небольшой объем текстов, выполненных на белорусском языке. Естественно, эти тексты публикуются внутри республики и крайне редко представлены в историографии за пределами Белоруссии. Белорусскоязычные тексты, посвященные либерализму периода Российской империи интересны тем, что в основном концентрируют свое внимание на проблематике «белорусского» либерализма. Сугубо белорусским такой либерализм назвать сложно, т.к. его носителями являлись в основном поляки (или по этническому происхождению, или по идентичности), но таких персонажей белорусская наука записывает в белорусы, т.к. они, например, могли проводить белорусскоязычные литературные эксперименты, используя белорусскую речь в своих произведениях или изучали местный фольклор. К белорусским общественным организациям белорусская историография часто относит польские организации, действовавшие на территории Северо-Западного края Российской империи, иногда даже на тех землях, которые в состав современной Белоруссии не вошли.

В частности, белорусские исследователи рассматривают функционирование либеральной мысли в Императорском Виленском университете, образованном в 1803 г. из Главной виленской школы. Как пишет доктор исторических наук И.А. Басюк, в белорусской историографии нет ни одной монографии, «специально посвященной либеральной мысли в Виленском

¹ *Гронский Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сектора Белоруссии, Молдавии и Украины Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук; доцент Минской духовной академии; заместитель председателя Синодальной исторической комиссии Белорусской Православной Церкви.*

университете». Лишь фрагментарно этот вопрос поднимался в ряде работ белорусских историков¹. Описывая либеральные течения в Виленском университете, И.А. Басюк указывает, что «идеи либерализма были восприняты в Белоруссии»². Одного Вильно (современный Вильнюс) не находится на территории Белоруссии. В XIX в. территории, на которых располагался Вильно, также относили к Литве. Далее И.А. Басюк подчеркивает, что «взгляды либералов на общество, белорусскую государственность, на право, функции правительства, на обязанности и права граждан, на закон, мораль и сегодня слабо отражены в научной отечественной [белорусской – А.Г.] литературе». Статья про либерализм в Виленском университете призвана устранить этот пробел³. В перечислении того, какие взгляды либералов слабо отражены есть позиция, которую невозможно отразить в принципе – это взгляды либералов Виленского университета на белорусскую государственность. В период существования Виленского университета проблемы белорусской государственности не стояло. Белорусский вопрос начал формироваться через несколько десятков лет после закрытия этого учебного заведения.

Либеральные тенденции в университете были сосредоточены в нелегальных обществах «филоматов» и «филаретов» а также в легальном обществе «лучезарных». По сути эти организации представляли собой «реинкарнации» одной и той же группы. Сначала возникли «филоматы», потом их часть легализовалась как «лучезарные», после того, как «лучезарных» закрыли, в составе «филоматов» появились «филареты». Т.е. по сути все эти общества были носителями одних и тех же идей. «Филоматы» ставили своими задачами воспитания всесторонне развитой личности, высокой гражданственности и патриотизма, подготовку молодежи к разносторонней деятельности на пользу Отечества⁴. Примечательно, что практически никто из белорусских авторов не уточняет, о каком патриотизме и каком Отечестве говорили «филоматы». Если эти организации изучаются в курсе истории

¹ Басюк І.А. Ліберальная думка ў Віленскім універсітэце ў пачатку XIX стагоддзя // Вестник Полоцкого университета Серия D. Экономические и юридические науки. 2017. № 5. С. 114.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 114, 115

Белоруссии в школах и вузах, то автоматически их деятельность воспринимается как белорусская. Но в реальности эти организации были польскими. На это не акцентируется внимание, иначе придется признать, что в Виленском университете никаких белорусских организаций не существовало. И.А. Басюк в одном предложении указывает, о чем мечтали «филоматы» после окончания университета: «работать учителями, чтобы нести в народ научные знания и польскую культуру»¹. Однако на этом не акцентируется внимание. Это упоминание следует в череде других упоминаний, например, об осуждении «филоматами» лентяев и личностей, презирающих труд².

Сформированное представление о том, что «филоматы», «лучезарные» и «филареты» имели какие-то взгляды на белорусский вопрос, подталкивает белорусских авторов к поиску белорусской риторики у студентов Виленского университета. Но ее найти невозможно, поэтому авторы вынуждены формировать относительно нелогичные объяснения. Например, следующее: «Филоматы не ставили вопроса о национально-государственном самоопределении Белоруссии, они выступали за возрождение Речи Посполитой. На то время иначе и не могло быть, потому что филкоматы и филареты действовали в первый период белорусского освободительного движения, когда освободительное движение характеризовалось как “движение в себе”, или “начальное подсознательное движение”. В этот период в тогдашнем общественном сознании белорусский национальный вопрос рассматривался преимущественно в рамках польского освободительного движения за восстановление границ Речи Посполитой 1772 г. (до первого раздела). Об этом свидетельствуют и сами филкоматы, и филареты. На заседании следственной комиссии филарет Янковский заявил, что кроме науки главной целью организации было воссоединение общих сил “чтобы восстановить Польшу в прежнем ее блеске”»³. В приговоре, утвержденном Александром I, упоминалось, что члены тайные организаций Виленского университета пострадали «за

¹ Там же. С. 116.

² Там же.

³ Там же. С. 117.

распространение безрассудного польского национализма посредством науки»¹.

Еще в двух статьях (хотя, скорее, это одна статья, опубликованная в двух разных журналах) И.А. Басюк указывает, что «филоматы» выступали за «счастливое будущее Белоруссии», которое они связывали с ликвидацией крепостного права, созданием системы народного образования и т.д. Однако «филоматы» были польской организацией и рассматривали будущее польского края, а не этнической белорусской территории. Тем более, что далее автор пишет, что «филоматы» не представляли, как «вырвать власть из рук деспота», поэтому почему-то выступали «за возрождение Речи Посполитой, за расцвет шляхты, которую они считали средним классом Белоруссии»².

Постоянная попытка подменить польские идеи «филоматов» белорусскими противоречат мнению самих «филоматов». Тот же И.А. Басюк приводит цитату из А. Мицкевича, в которой польский поэт-«филомат» сообщает: «К чему тут речь чужая? / Веди польский пьем мы мед. / Нас всех дружной сближает / Песнь, что поет народ»³.

Либеральные ценности исповедовал ряд преподавателей и выпускников Виленского университета, например, братья А. и Я. Снедецкие, И. Лелевель, И.Н. Данилович, И.Б. Ярошевич. Интересно, что И.А. Басюк описывает либеральные идеи не всех указанных персонажей. Только в отношении братьев А. и Я. Снедецких упомянуты их взгляды⁴.

Также упомянуты взгляды И. Лелевеля на общественный строй, земельные отношения. Но поскольку И. Лелевель в своих работах

¹ Там же.

² Басюк І.А. Этапы развіцця ліберальна думкі на Беларусі ў XIX стагоддзі // Вестник Полоцкаго университета Серия D. Экономические и юридические науки. 2014. № 5. С. 93; Басюк І.А. Ліберальны напрамак палітычнай і прававой думкі на белурускіх землях у XIX стагоддзі // Веснік Гродненскага дхзяржаўнага ўніверсітэту імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. 2014. № 6. С. 8.

³ Басюк І.А. Этапы развіцця ліберальна думкі на Беларусі ў XIX стагоддзі. С. 93; Басюк І.А. Ліберальны напрамак палітычнай і прававой думкі на белурускіх землях у XIX стагоддзі. С. 8.

⁴ Басюк І.А. Этапы развіцця ліберальна думкі на Беларусі ў XIX стагоддзі. С. 94; Басюк І.А. Ліберальны напрамак палітычнай і прававой думкі на белурускіх землях у XIX стагоддзі. С. 8-9.

упоминал Западную Русь, в частности, рассматривал статус древнерусского Полоцкого княжества подобно статусу Великого Новгорода, это дало повод объявить о том, что И. Лелевель «высоко оценивал историю белорусской государственности». Вряд ли И. Лелевель воспринимал белорусов как отдельную этническую единицу, чтобы делать такие заявления, но модернизация истории, когда прошлое рассматривается через призму политического настоящего, требует приписывать историкам XIX в. взгляды, сложившиеся в официальной белорусской историографии конца XX в. Описан также и недостаток работ И. Лелевеля. Он заключался о том, что историк «поддерживал претензии поляков на белорусские земли, при этом он ссылался на Ягайло, который будто бы обещал присоединить их к Польше, а поэтому они принадлежали Польше, а не Литве»¹. Подобный недостаток работ И. Лелевеля обнаруживается, если смотреть на них через современную белорусскую исследовательскую оптику. Сам же И. Лелевель был польским по духу историком, и для него никакого недостатка такая позиция не составляла.

Остальные персонажи удостоились упоминания своих работ, а не своих либеральных взглядов. И.Н. Данилович изучал право Великого княжества Литовского, пытался понять его истоки, «утверждал самобытный характер литовско-белорусского права»². Но его научные достижения не связаны с либеральными взглядами, о состоянии которых И.А. Басюк умалчивает. Примерно также описано и наследие И.Б. Ярошевича³ – сказано не о либеральных взглядах историка, а о том, что он написал ряд работ, которые можно рассматривать как проявление фазы «А» белорусского национального движения по типологии М. Гроха.

Упомянут среди либералов и Т. Нарбут. Причем, он удостоился короткого абзаца: «Теодор Нарбут (1784–1864). Родился и

¹ Басюк І.А. Этапы развіцця ліберальнай думкі на Беларусі ў XIX стагоддзі. С. 94; Басюк І.А. Ліберальны напрамак палітычнай і прававой думкі на беларускіх землях у XIX стагоддзі. С. 9.

² Басюк І.А. Этапы развіцця ліберальнай думкі на Беларусі ў XIX стагоддзі. С. 94; Басюк І.А. Ліберальны напрамак палітычнай і прававой думкі на беларускіх землях у XIX стагоддзі. С. 10.

³ Басюк І.А. Этапы развіцця ліберальнай думкі на Беларусі ў XIX стагоддзі. С. 95; Басюк І.А. Ліберальны напрамак палітычнай і прававой думкі на беларускіх землях у XIX стагоддзі. С. 9.

значительную часть жизни прожил на Лидчине, историк и археолог. Автор “Истории литовского народа” (в 2 томах, события довел до 1569 г.). Ввел в научный оборот “Хронику Быховца”¹. Данное упоминание о Т. Нарбуте несколько не характеризует его идеологические взгляды, подчеркивает лишь то, что его фигуру можно использовать в качестве «белорусского будителя».

И.А. Басюк не упоминает еще об одной фигуре, которую относят к белорусским либералам – В. Дунин-Марцинкевич, «один из зачинателей новой белорусской литературы, и первый профессиональный белорусский литератор», бывший «ярким наследником и носителем свободомыслящей либеральной мысли, которую выпестовало европейское просвещение XVIII столетия»².

Ситуация конца XVIII – первой половины XIX в., как считает автор статьи о В. Дунине-Марцинкевиче Г.М. Проневич, «существенно подкорректировала видение писателем-демократом целей, характера и перспектив национально-освободительной борьбы и культурно-возрожденческого движения на землях бывшей Речи Посполитой». Однако при описании итогов этой коррекции в сознании В. Дунина-Марцинкевича ни о каких перспективах национально-освободительной борьбы не говорится: «Итогом этой корректировки стала специфическая форма проявления либеральной идеи у В. Дунина-Марцинкевича, которая, с одной стороны, базировалась на несомненном осуждении жестокого крепостного строя и крепостников, от которых страдают благородные, чистые душой и сердцем герои его идиллических произведений – крестьяне, а с другой стороны – призывала к примирению и социальному партнерству представителей обоих сословий на почве добродетелей народно-христианской морали и любви к родной земле и краю, освобождению души и чувств героев из-под заблуждений социально-классовых инстинктов и устаревших сословных пережитков и предрассудков»³. На творчество В. Дунина-Марцинкевича повлияли произведения Ж.-Ж. Руссо (например, «Юлия, или Новая Элоиза»), но произведения

¹ Басюк І.А. Этапы развіцця ліберальнага думкі на Беларусі ў XIX стагоддзі. С. 95; Басюк І.А. Ліберальны напрамак палітычнага і прававага думкі на беларускіх землях у XIX стагоддзі. С. 10.

² Проневіч Г.М. В. Дунін-Марцінкевіч і еўрапейская ліберальная традыцыя // Вяснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя філалагічных навук. 2009. № 1. С. 32.

³ Там же. С. 32.

В. Дунина-Марцинкевича «не помещаются целиком в классический формат европейского XVIII в.»¹. Поэтому Г.М. Проневич предполагает, что на творчество В. Дунина-Марцинкевича повлиял «собственный духовно-культурный текст либерализма, созданный в эпоху Ренессанса и Реформации в границах отечественной гуманистической традиции». К отечественной традиции были причислены первый восточнославянский книгопечатник Ф. Скорина, а также политические деятели Великого княжества Литовского, в том числе и Л. Сапега. Особо оригинально смотрится упоминание того, что Л. Сапега проявлял «гуманное отношение к крестьянину»². Даже в обычном белорусском школьном учебнике упоминается один из памятников западнорусского права, автором и редактором которого был Л. Сапега. Это Статут Великого княжества Литовского 1588 г. В учебнике описывается положение крестьян, в котором они оказались после принятия статута: «Статуты ВКЛ [Великого княжества Литовского – А.Г.] 1566 и 1588 гг. завершали закрепощение крестьян. Согласно Статута ВКЛ 1588 г. большинство их потеряли личную свободу. Крестьянин и его имущество признавались собственностью феодала и подлежали его суду. Крестьянам запрещалось покидать свою землю и собственника. Сначала Статут 1566 г. позволял искать беглецов 10 лет. С 1588 г. срок поиска беглых увеличился до 20 лет»³. Т.е. вряд ли есть смысл видеть идеалы В. Дунина-Марцинкевича в опоре на наследие Л. Сапеги. В своей идеализации крестьянства и стремлении призвать к взаимопримирению помещиков и крестьян В. Дунина-Марцинкевич опирался не на «белорусских» деятелей эпохи Ренессанса, а на польского публициста и политика А.Ф. Маджевского, т.к. именно у него Г.М. Проневич находит «стремление примирить помещика и крестьянина»⁴. В качестве вывода статьи Г.М. Проневич пишет, что В. Дунина-Марцинкевич «первый из белорусских писателей поднял над молодой белорусской литературой знамя либерализма и свободы»⁵.

¹ Там же. С. 34.

² Там же. С. 34.

³ Гісторыя Беларусі, XVI – XVIII стст.: вучэб. дапам. для 7-га кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. мовай навучання / В.А. Варонін [і інш.]; пад рэд. В.А. Вароніна, А.А. Скеп'ян. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2017. С. 76.

⁴ Праневіч Г.М. В. Дунін-Марцінкевіч і еўрапейская ліберальная традыцыя. С. 35.

⁵ Там же. С. 36.

Второй этап развития либерализма на белорусских территориях наступает после 1861 г. И.А. Басюк усматривает либерализм в предложениях предводителя дворянства Гродненской губернии В. Старжинского, который «представил Александру проект местных реформ, в котором имелись предложения создать в Белоруссии местное самоуправление, вернуть Статут ВКЛ 1588 г., открыть в Вильно университет и др.»¹. И.А. Басюк делает вывод, что «проект графа Старжинского предусматривал национально-культурную автономию белорусских земель в составе Российской империи»². Однако подобная подача информации о деятельности В. Старжинского грешит модернизацией истории. В. Старжинский стремился добиться польского самоуправления на белорусских землях, которое способствовало бы большему культурному сближению Северо-Западного края с Царством Польским. Современники описывали В. Старжинского как «отдавшего телом и душой мятежу» [польскому восстанию 1863 – 1864 гг. – А.Г.]³.

Островком либерализма в Минске была газета «Минский листок». Вокруг нее группировались сторонники либеральных взглядов. В период первой русской революции газета осуждала обе стороны, призывая к последовательным реформам⁴.

В качестве представителя либеральной мысли на белорусских землях упомянут известный юрист В.Д. Спасович и рассмотрены его воззрения на право. Он родился в Речице (теперь Гомельская область), в подростковом возрасте жил в Минске. После чего уехал учиться в Петербург, потом перебрался в Варшаву. Но он представлен носителем либеральной мысли на белорусских землях. Родившись в православно-католической семье В.Д. Спасович все же был частью польской культуры. Он писал о себе так: «В детстве я окунулся в другую среду, точно в глубокое

¹ Басюк І.А. Этапы развіцця ліберальнай думкі на Беларусі ў XIX стагоддзі. С. 95; Басюк І.А. Ліберальны напрамак палітычнай і прававой думкі на беларускіх землях у XIX стагоддзі. С. 10.

² Басюк І.А. Этапы развіцця ліберальнай думкі на Беларусі ў XIX стагоддзі. С. 95; Басюк І.А. Ліберальны напрамак палітычнай і прававой думкі на беларускіх землях у XIX стагоддзі. С. 10.

³ Никотин И.А. Из записок Ивана Акимовича Никотина // Русская старина. 1902. № 11. С. 326.

⁴ Там же. С. 10-11.

озеро, в волнах которого я повзрослел и окреп. Это озеро была моя родина, моя Литва, или Белая или Черная Русь, – разные разное ее называли. Моя родина преподана была мне в готовой форме, культурной и исторической, в форме польской культуры»¹.

Еще одна статья посвящена либеральному направлению в белорусской историографии второй половины XIX – начала XX в.² Т.к. на белорусских территориях в то время не существовало университетов, то «большая часть белорусских историков была вынуждена работать за границами края – в университетских центрах Российской империи»³. Примером таких белорусских историков служат три ученых: Е.Ф. Карский, И.И. Лаппо, М.К. Любавский. При этом указано, что последний из них, в отличие от остальных, является уроженцем России. А двое других упомянуты как уроженцы Белоруссии⁴. Однако Белоруссия в то время являлась частью России, т.е. все три ученых – уроженцы России. При этом И.И. Лаппо, указанный как уроженец Белоруссии, родился недалеко от Петербурга. Научная деятельность этих ученых протекала, якобы, «в очень неблагоприятных условиях», потому что «официальные власти Российской империи не признавали существование самостоятельного белорусского этноса со своими языковыми и культурными особенностями, отказывали белорусам не только в праве на историческое будущее, но и в существовании у них самобытного исторического прошлого»⁵. Стоит заметить, что и наука того времени не рассматривала белорусов как отдельный этнос с особым языком, поэтому вряд ли есть смысл обвинять российские власти в том, что они разделяли общепринятый взгляд на вопрос. Таким образом, из трех белорусских либеральных историков таковым оказывается всего один – Е.Ф. Карский. В статье утверждается, что научные разработки Е.Ф. Карского стали «значительным фактором развития

¹ Дроздов Л. Неизвестный белорус Владимир Спасович, или Чужой в этом мире // Ilex.by. Режим доступа: <https://ilex.by/news/neizvestnyy-belorus-vladimir-spasovich-ili-chuzhou-v-etom-mire/> (дата доступа: 29.09.2023).

² Кручак П.С. Ліберальны накірунак у беларуская гістарыяграфіі ў другой палове XIX – пачатку XX стст. // Труды БГТУ. Серия 5, Политология, философия, история, филология. 2009. С. 126-128.

³ Там же. С. 126.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

национального самосознания белорусов»¹. Однако сам Е.Ф. Карский был очень далек от того, чтобы рассматривать белорусов как отдельный народ. Академик до конца жизни придерживался западнорусского взгляда на белорусов, считая, что они – часть русского народа².

Также в статье содержится утверждение, что «очень мощный удар по “западнорусистской” версии истории ВКЛ нанесли работы российского либерального историка М.К. Любавского». Одной из работ, в которой этот «мощный удар» заметен, указана небольшая брошюра «Основные моменты истории Белоруссии»³. Однако, в брошюре сразу в начале текста есть фраза М.К. Любавского: «Белорусское племя в большей части изжитого им времени не имело своей собственной государственности и его история поэтому есть преимущественно история племени и особой разновидности национальной русской культуры»⁴. Получается, что М.К. Любавский отказывает белорусам и в их государстве Великом княжестве Литовском, и в этнической самостоятельности, считая «особой разновидностью национальной русской культуры». Т.е. М.К. Любавский своим авторитетом поддержал западнорусскую версию истории.

В начале XX в. в Белоруссии, как и в остальной России, сформировались три направления либерализма: консервативный, умеренный и радикальный. Но, как пишет В.К. Коршук, это разделение в Белоруссии не копировало полностью

¹ Там же. С. 127.

² Подробнее о взглядах Е.Ф. Карского см.: Гронский А.Д. Академик Е.Ф. Карский и белорусский вопрос после падения монархии в России // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 1-3 октября 2015 г. Орел, Орловский государственный университет. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2015. С. 219-231; Гронский А.Д. Академик Е.Ф. Карский как идеологический конструкт белорусской национальной мифологии // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. Сб. мат. Международной научной конференции. 28-29 сентября 2018 г. Орел. Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева / Под общ. ред. д.и.н., профессора В.В. Шелохаева. Орел: ОГУ, Издатель Александр Воробьев, Издательский дом «ОРЛИК», 2018. С. 304-313.

³ Кручак П.С. Ліберальныя накірунак у беларуская гістарыяграфія ў другой палове XIX – пачатку XX стст. С. 127.

⁴ Любавский М.К. Основные моменты истории Белоруссии: докл., чит. на первом публ. заседании Белорус. науч.-культур. о-ва в Москве 1-14 июля 1918 г. Москва: Тип. А.П. Яроцкого, 1918. С. 7.

общероссийское состояние по причине специфических черт – незавершенность дифференциации белорусской нации, нерешенность национального вопроса и отсутствие собственной государственности¹. Далее в статье рассматривается состояние каждого из направлений либерализма и основные проблемы, поднимаемые либеральными организациями. Несмотря на то, что специфика белорусского региона, как писал В.К. Коршук, определялась проблемами белорусского национального самоопределения, это не звучало в программах либералов всех направлений. Среди консерваторов выделялись польские и русские либералы, среди умеренных были как общероссийские, так и местные организации, но они не поднимали каких-то белорусских проблем, среди радикалов, помимо общероссийских групп были еврейские, польские и только часть собственно белорусского общества восприняла эту идеологию. Однако ни одной группы сугубо белорусских радикальных либералов не названо². Интересно, что основным вопросом, который поднимали либералы в Белоруссии, был земельный. Все остальное оказалось на периферии их интересов³. Поэтому отсутствие белорусской государственности и прочая национально ориентированная специфика важной не являлась. Белорусский вопрос был уделом малочисленных белорусских националистических организаций и не влиял или влиял очень слабо на общее идеологическое поле белорусских губерний.

В конце статьи В.К. Коршук указывает, что многочисленные собственно белорусские организации появились только после Февральской революции, но они разделяли программы иных либеральных организаций в аграрном вопросе, а в национальном выступали за территориальную автономию в составе России⁴. В тексте статьи упомянуты белорусские либеральные организации «Союз белорусской демократии», созданный в Гомеле, «Белорусский народный союз», действовавший в Витебске, Белорусский народный комитет» в Орше, Белорусская партия

¹ Коршук У.К. Уплыў ідэалогіі лібералізму на беларускае грамадства пачатку ХХ ст. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3. 2009. № 3. С. 17.

² Там же. С. 18-19.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 20.

народных социалистов¹. Интересно, что этот же автор в другой публикации упоминает некоторые из этих организаций как противников белорусского национализма, прикрывавшихся белорусскими названиями² и никак не указывает их либеральное направление.

В целом, либерализм в Белоруссии в период Российской империи (XIX – начало XX в.) в основном был польским или русским. Польские либеральные организации сформировались раньше и решали в основном польские национальные проблемы, рассматривая их сквозь призму идей либерализма. Русские организации исповедовали общероссийскую повестку, учитывая местные условия, которые актуализировались наличием заметных польского и еврейского вопросов. Белорусская сепаратистская риторика практически не была заметна на политической сцене, поэтому она и не слишком учитывалась в деятельности либеральных организаций всех направлений. Для того, чтобы создать какое-то представление о наличии собственного белорусского либерализма, белорусские авторы чаще всего наделяют белорусскими чертами польские организации (например, «филоматов»). К белорусским либералам также относят отдельные личности, которые или жили на территории Белоруссии и даже практиковали белорусскоязычные тексты (В. Дунин-Марцинкевич), или родились в Белоруссии, но состоялись как личности за пределами региона (В.Д. Спасович), или же вообще не имеют к региону отношения (И.И. Лаппо, М.К. Любавский).

¹ Там же. С. 20.

² Коршук У.К. БСГ і праблемы нацыянальная дзяржаўнасці Беларусі // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 1997. № 2. С. 4.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВЫБОРОВ В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ПРОЕКТЕ ОСНОВНОГО ЗАКОНА (УСТАВА) РОССИИ Л.А. КУПЕРНИКА (1894)

Одним из направлений современной историко-правовой науки стало обращение к той совокупности проектов Основного закона страны, которые генерировала политически активная часть российского общества. К источниковой базе традиционно относятся следующие проекты: «освобожденческий»², «муромцевский»³, «герценштейновский» (проект Московской городской думы)⁴, исследовательский интерес к которым сравнительно невелик, но может быть охарактеризован как вполне стабильный. Менее известны такие проекты как «екатеринославский»⁵ и «харьковский»⁶, имеющие свое место в либеральном конституционно законотворчестве начала XX в. Вместе с тем, помимо собственно содержания проектов, их общей чертой является коллективное авторство, несмотря на то, что ряд названий – «муромцевский», «герценштейновский» явно персонифицированы.

Вместе с тем существует ряд проектов, которые фактически не введены в научный оборот. Существуют лишь отдельные ссылки на их титульные названия, без анализа содержания. Отличительной чертой данных проектов выступает то, что они являются предметом индивидуального творчества. Полагаем, что было бы корректно классифицировать их как «персональные» проекты Основного

¹ Соколов Вадим Вячеславович – к.и.н., доцент.

² Вышел под названием «Основной государственный закон Российской Империи». См.: Освобождения союз. Словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс] // URL: <http://be.sci-lib.com/article075133.html> (Дата обращения: 22.06.2023)

³ См.: Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911.

⁴ См.: Проект Основного закона Московской городской думы // Право. 1905. № 21 (29 мая). С. 1735-1746.

⁵ См.: Проект Государственной Думы, составленный Екатеринославским земством // Право. 1905. 29 мая. № 21 (Еженедельная юридическая газета СПб. Под ред. В.М. Гессена, Н.И. Лазаревского).

⁶ См.: Протокол заседания юридического общества при Императорском Харьковском Университете. 19 марта 1905 г. Харьков, 1906. С. 136-153.

закона России. Это, как нам представляется, результат реакции, саморефлексии представителей интеллектуальной элиты российского социума, реакция на общественный подъем рубежа столетий. К материалам подобного рода полагаем возможным отнести проект Основного закона России¹ Л.А. Куперника², профессионального юриста, известного адвоката, проект³, принадлежащий А.П. Рудановскому⁴, известному специалисту⁵ по бухучету. Можно также упомянуть и оригинальный во всех смыслах, проект конституционного реформирования социально-политического строя России за авторством Августа Осиповича Розенталя⁶.

При всей условности влияния содержания данных проектов и самого факта их издания на общественно-политическую ситуацию в России, полагаем, что обращение к ним позволит создать более полную картину конституционного законоотворчества начала XX в.,

¹ Проект Русской Конституции (составленный в России). Издание второе. Лондон: «Фонд вольной русской прессы», 1895.

² Куперник Лев Абрамович (1845, Вильно - 1905, Киев) - известный российский адвокат и публицист. Окончил юрфак Московского университета. Присяжный поверенный (Москва, Одесса, Киеве), снискавший всероссийскую известность как адвоката, выступавшего в резонансных процессах криминального и политического характера. Проект конституции России это его единственная работа в области конституционного правотворчества. Проект опубликован «Фондом вольной русской прессы» в 1894 г. и нелегально распространялся в России (См., например: Песиков Ю. Саратовская находка: Проект Русской Конституции. Саратов: «Слово», 1993 г.

³ Рудановский А.П. Конституция истинной свободы. М., 1905.

⁴ См.: Аронов Д.В., Минаков С.Т. Проект Конституции А.П. Рудановского - место и роль в конституционном законоотворчестве России начала XX в. // Вестник государственного и муниципального управления. 2023. Т. 12. № 1. С. 132–144.

⁵ Рудановский А.П. (1863-1831) - выпускник Харьковского университета, магистр математики, известный специалист в области бухучета, создатель принципиально нового учения о его предмете и методе, востребованного на современном этапе. В начале XX в., судя по ряду свидетельств был близок к эсерам (однако содержание текста проекта Основного закона явно не социалистическое). В современной научной литературе присутствует только указанное на факт издания проекта конституции, а также его упоминание в диссертации (Чепус А.В. Конституционное законодательство Российской Федерации: генезис, современное состояние и основные тенденции развития: Дисс. ... к.ю.н. М., 2008). Начиная с 1910 г. упоминаний о его общественной деятельности не встречается.

⁶ Розенталь А.О. Проект устройства России на новых началах. СПб., 1906.

ставшего результатом интеллектуальных усилий политически активной части российского социума¹.

В настоящей статье основное внимание уделено отличительным чертам проекта Л.А. Куперника в такой его части как регламентация выборов в органы представительной власти. Основным объемом соответствующих норм содержится в Разделе IX «Производство народных выборов». Он посвящен нормативно-правовой регламентации выборов в Земский Собор, палату народных представителей и областные сеймы. К базовым принципам в проекте отнесено всеобщее народное голосование. Конкретизации этого принципа была посвящена Статья 26. В ней определялось, что при голосовании на выборах в Земский Собор и палату народных представителей активным избирательным правом обладали все граждане Российской империи, независимо от их места пребывания. При выборах в региональные органы представительной власти (областной сейм) вводился ценз оседлости в местности, где проводились выборы.

К участию в голосовании не допускались лица женского пола, лица, не достигшие 25 летнего возраста, лишённые прав или ограниченные в правах по суду, устранившиеся от голосования и лица, находящиеся в прямой зависимости от непосредственного начальства. Либеральные проекты, как правило, понимают под этим нахождение на военной (полицейской) службе. В настоящем проекте добавлено «состояния в монашестве», что в целом, явно находится в общем тренде данной статьи, равно как и «должности полицейские или сопряженные с охраной порядка выборов». Достаточно традиционно лишались избирательных прав «находящиеся в заключении по постановлению судебной власти и признанные в законном порядке умопомешанными (так в тексте – В.С.) или слабоумными». Еще одной специфической новацией проекта выступает принесение присяги российскими гражданами (ст. 3 проекта), отсутствие чего также лишало человека избирательных прав в Российской империи.

Внимание автора уделено также ряду частных, но, как показывает практика электоральных процессов XX в., весьма

¹ См.: Аронов Д.В., Смирнов И.М. Аварийный тормоз или законодательная пробка - верхняя палата парламента в политико-правовой мысли российского либерализма конца XIX – начала XX в. // Ученые записки ОГУ. 2022. № 4. С. 14-18.

важных процедурных аспектов. В частности речь идет о сроках проведения выборов, в контексте необходимости обеспечения потенциальной возможности для большинства электората (в России того времени это сельское население), соответственно в проект введено положение о том, что «выборы должны быть назначаемы исключительно в воскресные дни», что вполне в духе современных практик, которые, как известно, уже начинают тяготеть к проведению выборов на протяжении нескольких дней. Однако такое ограничение на время, когда выборы не могут проводиться «в период с 1 апреля по 1 августа», обосновывается тем, что это время, когда ряд категорий трудящихся покидает местожительство в связи с уходом на заработки¹.

Что касается сроков проведения выборов, то их назначение не могло происходить менее чем за три недели до их проведения.

Концептуальной новацией проекта было делегирование значительной части обеспечения регламентации электорального процесса уже действующей в России судебной системе. Последняя, созданная в общем либеральном духе судебной реформы 1864 г. пользовалась весьма высоким авторитетом у представителей демократической общественности. В целом ряде проектов Основного закона России начала XX в. мы видим не полномасштабную разработку части проекта, предполагающей регламентацию организации и деятельности судебной власти, а, скорее, отсылку либо к Судебным уставам 1864 г, либо к указанию на необходимость последующего, после принятия собственно Основного закона, обращения к этому вопросу на общих принципах судебной реформы 1864 г. Соответственно, с опорой на уже действующую систему институтов судебной власти и предполагается обращение к институту мировых судей и окружным судам.

В статье 27 предполагалось, что «Каждый гражданин, имеющий право голоса на выборах, должен заблаговременно представить все документы, удостоверяющие это право, местному мировому судье». К этому же должностному лицу обращался и избиратель,

¹ Проект Русской Конституции (составленный в России). Издание второе. Лондон: «Фонд вольной русской прессы», 1895. С. 11.

изменивший место жительства для внесения его в списки избирателей.

Жалобы на действия мирового судьи, претензии к списку избирателей должен был рассматривать местный окружной суд. С момента получения на места распоряжения о назначении выборов, внесение изменений в избирательный список прекращались. Для гарантии противозаконных изменений список избирателей должен был быть опубликован окружным судом.

Статья 28 регламентировала наделение граждан пассивным избирательным правом. Право быть избранным в состав Земского Собора, палату народных представителей и областной сейм имели все граждане, обладающие активным избирательным правом в соответствии со статьей 26. Ценз оседлости в данном случае не действовал.

Потенциальный кандидат в депутаты был обязан не позднее трех дней после получения на местах распоряжения Сената о назначении выборов, представить в местный окружной суд текст своего обращения к избирателям. Указанный документ заверялся его личной подписью, а по его желанию и другими избирателями. Интересная деталь. Помимо собственно текста обращения в окружной суд передавались деньги, необходимые для типографского изготовления тиража данного обращения и его распространения (в тексте расклейки). Максимальный размер текста, стоимость его печати и распространения предполагалось определить дополнительным нормативным актом.

Нетрудно заметить, что данный подход изначально призван уравнивать права всех кандидатов в депутаты. Развивает этот подход и статья 29, где определяется, что «обращения всех кандидатов печатаются и расклеиваются по распоряжению окружного суда, в одинаковом числе экземпляров одновременно и в тех же местах. Всякое расклеивание избирательных обращений, помимо указанного порядка, воспрещается».

Соответственно, запрещались и различные формы подкупа избирателей в таких формах как раздача избирателям денег и подарков, угощение их или подвоз к местам подачи голосов за счет средств кандидатов или аффилированных с ними лиц. Строго говоря, напрашивается и некая формула об «иных способах воздействия на результаты голосования». Но вряд ли стоит

вводить подобную степень конкретизации в текст проекта Основного закона. Можно, конечно, говорить о том, что уже отмеченная степень конкретизации регламентации электорального процесса для проекта конституции избыточна. Подобное замечание вполне логично. Однако повышенное внимание к регламентации электоральных процессов на уровне проектов основного закона страны – это характерная черта рассматриваемого нами этапа конституционного законотворчества. В целом ряде либеральных проектов, абсолютный лидер среди них «муромцевский», содержатся разделы, каковые в современном понимании, логично было бы предлагать в пакете сопутствующих законов. Однако специфика политической ситуации рубежа XIX и XX столетий, понимание либеральными политическими деятелями узости собственной социальной базы в сочетании с идеями Б.Н. Чичерина об охранительном либерализме, в рамках которого либерализм может реализовать собственную программу социально-политических преобразований в рамках участия в государственном управлении. В его структуре избираемые населением органы представительной власти были для них едва ли не единственным реальным и вполне эффективным способом участия в управлении страной.

Интересен и механизм предоставления финансового отчета. По окончании выборов каждый кандидат в недельный срок был обязан представить окружному суду отчет о сделанных им и с его ведома расходах в процессе избирательной кампании в целях его избрания. Указанный отчет заверялся подписями всех лиц, подписавших обращение кандидата к избирателем. Они свидетельствовали о том, что «с их ведома не истрачено более означенной в отчете суммы». Указанные отчеты должны были находиться в открытом доступе.

Еще одним направлением использования судебных структур было фактического делегированием им прав и обязанностей современных участковых избирательных комиссий. Так, предполагалось (статья 30 Устава), что ко дню выборов «окружной суд командирует комиссию из своих членов и подведомственных ему чинов в места, назначенных для подачи голосов по два лица в каждой комиссии. К ним присоединяется местный выборный или полицейский начальник, а по желанию и

лица, подписавшие избирательные обращения. Составленное таким образом присутствие производит выборы, наблюдает за их порядком и правильностью и подсчитывает поданные записки»¹. Соответственно, мы видим здесь всех возможных членов избирательной комиссии, составляемой из представителей различных акторов электорального процесса. При этом решающий голос принадлежит только трем неперенным членам комиссии, командированным судом, а председателем становился старший из них.

Начало голосования в городах предусматривалось с 10 часов утра и до 8 часов вечера, с возможным перерывом в работе на два часа при условии его предварительного объявления. В иных местностях голосование производилось с 8 часов утра до 12 часов дня и с 3 часов дня до 8 часов вечера.

По завершении голосования немедленно производился подсчет общего числа поданных голосов и определялось число неиспользованных бюллетеней, о чем делалась запись в протоколе. Уже затем производился подсчет голосов, полученных различными кандидатами. Эта процедура по местным условиям могла быть отложена не более чем до следующего дня. В этом случае урна с бюллетенями вновь опечатывалась.

В данном случае мы видим типичный пример исключения использования неиспользованных бюллетеней с целью фальсификации результатов голосования.

В рамках настоящей статьи мы остановились лишь на ряде аспектов нормативно-правового регулирования электорального процесса, заложенного в анализируемый проект Основного закона. При этом умышленно был сделан акцент на тех моментах, которые отличали его от иных, более известных проектов, упомянутых нами во вступлении к настоящей статье. Дальнейший анализ позволит показать степень разработки данного аспекта в общелиберальной политико-правовой мысли России. О том, что данный проект вполне может быть соотнесен с либеральным направлением достаточно наглядно говорят и предлагаемая система законодательных учреждений, и порядок их формирования, более чем

¹ Проект Русской Конституции (составленный в России). Издание второе. Лондон: «Фонд вольной русской прессы», 1895. С. 12.

соответствующая более поздней либеральной партийной программатике и проектам Основного закона России. Вместе с тем ряд продемонстрированных в данной статье особенностей проекта хорошо показывают его оригинальный характер, наличие в нем перспективных идей, позволяющих обеспечить демократическую процедуру выборов более эффективно, чем иные разработки в данной сфере.

И.А. Чупов¹

С.А. МУРОМЦЕВ В РЯДАХ ТУЛЬСКОГО ЗЕМСТВА

Тема и главной герой данной статьи выбрана не случайно. В деятельности тульского земства активно участвовали люди, ставшие впоследствии крупными политическими деятелями. Среди них – первый премьер-министр Временного правительства князь Георгий Евгеньевич Львов. На протяжении 15 лет он был гласным Тульского губернского земского собрания, в 1903-1906 гг. возглавлял губернскую земскую управу. В Тульское губернское земское собрание избирался и председатель Государственной Думы первого созыва, один из основателей партии кадетов Сергей Андреевич Муромцев. Выходец из дворянской семьи, Сергей Андреевич Муромцев учился в Московском университете, а затем стал его профессором, проректором, но уволен за политическую неблагонадежность. Был редактором журнала «Юридический вестник».

21 октября 2010 г. в центре города Орла был открыт памятник председателю Первой Государственной Думы Сергею Муромцеву. «Возвращая незаслуженно забытые имена, мы восстанавливаем историческую справедливость, воспитываем у нынешних и будущих поколений уважение к тем, кто стал примером беззаветного

¹ Чупов Илья Анатольевич – аспирант «Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева», учитель обществознания и истории, преподаватель финансовой грамотности и правового воспитания МКОУ «Тургеневская СОШ» Чернского района Тульской области, Тульская область.

служения стране и народу»¹ — именно это стало главным аргументом для создания первого в России памятника видному политическому и общественному деятелю начала XX в.

Но, все же, давайте будем честны перед историей, имение Лазавка, в котором Муромцев провел свое детство и с которым был связан на протяжении жизни, до 6 июня 1925 г. входило в состав Новосильского уезда Тульской губернии.

Отец Сергея Муромцева, родившийся в 1818 г. и закончивший сословную военную школу («Дворянский полк»). По ее окончании в 1837 г. ему было присвоено звание прапорщика лейб-гвардии, после чего он начал службу в Московском гвардейском полку. В 1854 г. отца Сергея Муромцева производят в полковники и назначают командиром Второго гренадерского запасного полка².

С 1855 по 1858 гг. семья Муромцевых находится в постоянных разъездах из-за передислокаций полка. За три года семья переезжала из Петербурга в с. Коростень (оз. Ильмень), далее в Ям Бронницы (Новгородская губерния), затем в Углич, а затем в Опочку (Псковская губерния). В 1858 г. переезды заканчиваются, так как отец Сергея Муромцева выходит в отставку и покупает себе имение Лазавку (около 600 десятин), расположенное недалеко от одного из родовых владений семьи Предтечево в Новосильском уезде Тульской губернии (в настоящее время Новодеревеньковский район Орловской области), где посвящает себя сельскому хозяйству. Сведения о Муромцевых сохранились, в частности, в «Списке мировых участков и волостей по Тульской губернии к 1 февраля 1874 г.», где их земли значатся в Лазавском сельском обществе и Лебедянских выселках Судбищенской волости.

¹ Соколов В.В. Историко-культурное наследие – основа национального возрождения // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации «Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Орловской области» (к Дням Орловской области в Совете Федерации) Аналитический вестник № 10 (609). 2016. С. 21 // URL: <http://council.gov.ru/media/files/4jh7ayLzWXUzUASKnSh89mGijwUsZfAc.pdf> (Дата обращения: 29.10.2023).

² Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1м отделении Московского архива министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годового состояния в занимаемых должностных. М., 1853. С. 273.

Количество душ, числившихся за ними по уставной грамоте, составляло 82 крестьянина с наделом в 246 десятин¹.

Только с 1925 г., уже после смерти Муромцева, уезд вместе с районами передан в Орловскую губернию². В 1928 г. Новосильский уезд был упразднен, его территория вошла в состав Орловского округа Центрально-Черноземной области. В настоящее время имение Лазавка, расположенное в Новодеревеньковском районе Орловской области. Следовательно, так как Муромцев занимался политической и научной деятельностью, будучи жителем Тульской губернии, он входит в число либеральных представителей Тульского земства, которые находятся в зоне наших интересов.

Важно отметить, что некоторые инициативы тульского земства получали общероссийскую известность. Так, в 1904 г. туляки организовали кампанию помощи воинам, участвовавшим в русско-японской войне. По предложению князя Г.Е. Львова земство отправило в Маньчжурию два врачебно-питательных отряда. Укомплектованный тульскими врачами и сестрами милосердия лазарет действовал на протяжении двух лет военных действий.

Стоит обратить внимание и на слова П.Н. Милюкова, который писал, что «вековая тишина» решительно уступает место самым острым и противоположным политическим настроениям», обращал внимание на присутствие в провинции «гаммы оттенков и переходов» в политических предпочтениях, которые и определяют судьбу русской революции³.

Тем не менее, до известных событий 1905 г. столичные либеральные политики, будучи в провинциях, подмечали «вялую монотонность, на фоне которой популярная лекция приезжего лектора является целым событием»⁴. Как мы знаем всему есть рациональное объяснение. В данном случае «вялую монотонность»

¹ Аронов Д.В. Сергей Андреевич Муромцев – жизнь, отданная борьбе за право: монография. Орел: Издательский Дом «ОРЛИК», 2019. С. 17.

² Сведения по передаче Новосильского уезда из Тульской губернии в Орловскую, согласно постановлению президиума ВЦИК от 6 июля 1925 г. // ГАТО Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 1190. Лл. 1-581.

³ Милюков П.Н. Годы борьбы Публицистическая хроника. 1905-1906. СПб., 1907. С. 167-168.

⁴ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881-1914). М.-Берлин, 2016. С. 220.

в провинциях можно объяснить довольно сильным контролем над общественной жизнью местных администраторов.

Сторонники либеральных взглядов в том числе интеллигенты, которые пытались реализовать идеи либерализма на ниве просвещения в глубинке, со временем приходили к выводу, что их работа приносит слабый эффект и что более серьезных результатов можно добиться только путем коренного преобразования государственного строя.

Изменения, последовавшие после издания Манифеста 17 октября 1905 г. и Временных правил о печати 1905-1906 гг., упразднивших полностью предварительную цензуру для городских изданий, дали импульс для выпуска в провинции либеральной периодики. Ее изучение позволяет уяснить особенности восприятия новаций в государственном строе провинциальными либералами, а также нравственную составляющую либеральной политико-правовой практики (последнее обстоятельство приобретает особое значение для осмысления исторических условий, предопределивших невозможность реализации либеральной модели в позднеимперской России)¹.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, не сложно предположить, что Муромцев, закончивший в 1867 г. 3-ю московскую гимназию с золотой медалью², позже юридический факультет Московского университета, регулярно посещавший «судебные заседания, выбирая наиболее интересные процессы»³, «неоднократно» присутствовавший «на заседаниях Московской городской думы»⁴, утвержденный в степени кандидата «за

¹ Аронов Д.В. Методологические аспекты изучения нравственной составляющей либеральной политико-правовой практики начала XX в. (на примере дискуссии в конституционно-демократической партии о месте и роли думской трибуны в партийной работе) // VIII Муромцевские чтения «Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма» / Сб. материалов научной конференции. 8-9 октября 2016 г. Орел: «ОРЛИК», 2016. С. 226.

² ГАРФ. Ф. 575 (Муромцев Сергей Андреевич, юрист, публицист, земский деятель, председатель I государственной думы, профессор Московского университета, член центрального комитета конституционно-демократической партии. 1850–1910). Оп. 1. Д. 1 (Письма Сергея Андреевича Муромцева к двоюродному брату Владимиру Семеновичу Муромцеву (в копиях напеч. на машинке)). Л. 14.

³ Аронов Д.В. Сергей Андреевич Муромцев – жизнь, отданная борьбе за право: монография / Д.В. Аронов. Орел: Издательский Дом «ОРЛИК», 2019. С. 26.

⁴ Там же.

отличные успехи в науках» советом Московского университета 7 июня 1871 г.¹, 6 ноября 1871 г советом университета оставлен «на два года для усовершенствования в науках и приготвлении к профессорскому званию»² за счет собственных средств, 5 апреля 1875 г. успешно защитивший диссертацию и получивший предложение возглавить кафедру, 26 апреля 1875 г. утвержденный доцентом при Московском университете по кафедре римской словесности, а указом Правительствующего Сената № 102 от 31 августа 1875 г. – надворным советником со старшинством в чине с 26 апреля того же года³ вернется в Тульскую губернию надолго. Тем не менее именно о его непродолжительной деятельности на Тульской земле мы и поговорим.

Следующее десятилетие (1875–1884 гг.) было самым плодотворным в научной жизни Муромцева. Помимо политической деятельности в роли гласного в земском собрании Тульской губернии, именно в это время им были написаны непосредственно связанные с научной и педагогической деятельностью в университете научные труды⁴. На этот период приходится его наиболее активная работа в Юридическом обществе и его печатном органе «Юридическом вестнике». Он выступал на общественно-политической арене в качестве городского и губернского гласного, в роли публициста и политического мыслителя⁵. Несомненно, что этот всплеск активности в жизни С.А. Муромцева непосредственно связан с пробуждением общественного самосознания самых широких слоев российского общества.

18 февраля 1866 г. в здании Тульского дворянского собрания открылось Тульское губернское земское собрание, в котором участвовало 74 гласных от всех уездных. Их торжественно напутствовал губернатор Михаил Романович Шидловский; он

¹ Милюков П.Н. С.А. Муромцев // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 19.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. 575 (Муромцев Сергей Андреевич, юрист, публицист, земский деятель, председатель I государственной думы, профессор Московского университета, член центрального комитета конституционно-демократической партии. 1850–1910). Оп. 1. Д. 1 (Письма Сергея Андреевича Муромцева к двоюродному брату Владимиру Семеновичу Муромцеву (в копиях напеч. на машинке)). Л. 48.

⁴ Там же.

⁵ Ашевский С. Из истории московского университета // Мир божий. 1905. № 5. С. 133.

нацелил присутствующих на решение дел, связанных с местным хозяйством, подчеркнул, что труд этот будет тяжелым, обширным и ответственным.

В 1881 г. Муромцев был избран гласным Тульского губернского земского собрания. 10 декабря 1881 г. Муромцев прибыл в собрание¹. Заседания губернского земского собрания проводились, как правило, один раз в год. Подготовкой выносимых на рассмотрение докладов занималась специальная редакционная комиссия. Кроме того, действовала ревизионная комиссия, на которую возлагались контрольные функции. На заседаниях председательствовал губернский предводитель дворянства.

Круг полномочий земских собраний был достаточно широким. Гласные рассматривали вопросы народного образования и медицинского обслуживания, строительства и содержания дорог. Земства организовывали продовольственную помощь населению в неурожайные годы, занимались сбором статистических сведений.

Постоянно действующими исполнительными органами земских собраний являлись управы. Губернская земская управа избиралась на трехлетний срок. Кандидатуру ее председателя утверждал министр внутренних дел. В состав управы входили от 4 до 6 членов. В канцелярии и других отделах работали специалисты по различным отраслям.

Уездные управы имели схожую структуру, но значительно меньший аппарат. В сферу их ведения входила деятельность расположенных на территории уездов библиотек, школ, агрономических станций и других заведений. Земства ведали также оказанием амбулаторной медицинской помощи крестьянам.

Многие земские деятели стремились выйти за строго очерченные рамки хозяйственной деятельности и встать на политический путь. Ответной реакцией верховной власти стало Положение 1890 г., усилившее административный контроль над земствами. В Тульской губернии с этой целью был создан специальный орган – Губернское присутствие. Устанавливалась

¹ Переписка с Тульским губернатором о созыве очередного Тульского губернского земского собрания на 10 декабря 1881 г.; списки гласных, прибывших на собрание в сентябре 1881 г.; мнение гласного Н.Г. Торопчанинова "О председательстве в земских собраниях". // ГАТО Ф. 4. Оп. 1. Д. 119. Лл. 4-12.

ответственность председателей и членов земских управ перед администрацией.

Согласно журнал заседаний XVII очередного Тульского губернского земского собрания от 10-19 декабря 1881 г. 10 декабря 1881 г. Муромцев по прочтению XXIII доклада Управы по ходатайству Каширского Уездного Земства о предоставлении земству всецелого надзора за школами критикует его. Указывает на недопустимость резкой критики со стороны управы действий Каширского Уездного Земства по отношению к школам, а именно «безграмотном» отношении земства к народному образованию и «дурном» состоянии школ. Указывает на то, что изложение Управою доклада по сему вопросу оскорбительно для Каширского земства и используемые выражения не совсем удачны. На что член Управа Д.А. Хомяков делает замечание Муромцеву, обвиняя его в непонимании сути изложенного вопроса, и упрекает Муромцева в его критики по отношению к действиям членов Управы. В свою очередь Муромцев указывает лишь на способ изложения и тон, употребляемый Управой в этом и других докладах еще не рассмотренных. Так же Муромцев отмечает, что прения начинают переходить на личную почву и выражает желание прекратить дальнейшие пререкания, выражая надежду, что Управа на будущее время будет воздерживаться от подобных приемов¹.

Муромцев пробудет на заседаниях всего 5 дней из 9, с 10 по 15 декабря 1881². Произошедшее в первый же день, дает понять какова была интеллектуальная и культурная пропасть между Муромцевым некоторыми членами земского собрания и представителями Управы.

В этом же году, ранее, 24 сентября 1881 г., Муромцев баллотировался на должность Почетного Мирowego Судьи по Новосильскому Уезду Тульской Губернии³. Статский советник Муромцев значится по номеру 17. Рядом с номером стоит пометка

¹ Журнал заседаний XVII очередного Тульского губернского земского собрания от 10-19 декабря 1881 г. // ГАТО Ф. 4. Оп. 1. Д. 120. Лл. 3-5.

² Переписка с Тульским губернатором о созыве очередного Тульского губернского земского собрания на 10 декабря 1881 г.; списки гласных, прибывших на собрание в сентябре 1881 г.; мнение гласного Н.Г. Торопчанинова "О председательстве в земских собраниях" // ГАТО Ф. 4. Оп. 1. Д. 119. Лл. 4-12.

³ Журнал заседаний XVII очередного Тульского губернского земского собрания от 10-19 декабря 1881 г. // ГАТО Ф. 4. Оп. 1. Д. 120. Лл. 51-52.

«не избран». Из 35 кандидатов Муромцев набрал наименьшее количество голосов, 12 - за, 23 – против.

Вышеуказанные обстоятельства отдаляют Муромцева от Тульской губернии, и все более укрепляют его связь с Московской землей. В 1890 г. помещик Новосильского уезда Тульской губернии Муромцев Сергей Андреевич заложит свое имение¹.

Далее у Муромцева много побед и поражений. Он являлся гласным Московского земского собрания. Шесть сроков состоял гласным Московской городской думы (с 1881 по 1908, исключая период 1885—1888 гг.)². Участвовал в земских и городских съездах, в деятельности Союза земцев-конституционалистов (1903). В 1904 г. он выступил в московском совете присяжных поверенных с речью, в которой призвал поддержать идею созыва народных представителей.

Один из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии, с октября 1905 г. член ее ЦК. Участвовал в составлении проекта «Основного закона Российской империи» и ряда законопроектов о политических свободах.

В 1906 г. Муромцев был избран депутатом (от Москвы) Первой Государственной Думы, и на ее первом заседании – 27 апреля, почти единогласно (426 депутатов из 436 присутствовавших), был избран председателем первой Государственной Думы. После избрания произнес свою первую и последнюю речь в Думе, которую начал словами «Кланяюсь Государственной Думе». В своей речи, он, в частности, сказал: «Совершается великое дело; воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного, законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и самим себе, чтобы у всех нас достало сил для того, чтобы вынести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо Родины».

¹ Тульское отделение Государственного Дворянского земельного банка (1897–1919) 1897-1917. Дело о залоге имения помещика Новосильского уезда Тульской губернии Муромцева Сергея Андреевича // ГАТО Ф. 121. Оп. 1. Д. 6.

² Быков В. Гласные Московской городской думы (1863—1917) Архивная копия от 4 февраля 2016 на Wayback Machine // Московский журнал. 2009. № 1 // URL: <https://mj.rusk.ru/show.php?idar=801570> (Дата обращения: 31.10.2023)

Последовательно выступал за проведение либеральных реформ, за уважение к представительному органу власти. Российские либералы высоко оценивали деятельность Муромцева на посту председателя Думы. По воспоминаниям историка А.А. Кизеветтера: «Строгий, суровый, торжественный, стоял он на своем месте и вел заседание твердо, в полном сознании правоты своих действий. Но, несмотря на его суровость, все члены Первой Думы не только слушались его, но и сердечно любили его. Они все чувствовали, что Муромцеву Дума была дорога, потому что ему дорога была Родина, для блага которой он пошел в Думу».

После роспуска Думы Муромцев подписал вместе с другими депутатами-кадетами Выборгское воззвание с призывом оказывать пассивное сопротивление власти (не платить налогов и не идти на военную службу); был приговорен к трем месяцам лишения свободы и находился в Московской губернской тюрьме («Таганке») с 13 мая до 11 августа 1908 г.

Выборщики Петербурга в Первую и Вторую Думу решили приветствовать председателя Первой Думы Муромцева в день выхода его из тюрьмы особой депутацией. Депутация поднесла Сергею Андреевичу от имени выборщиков серебряный колокольчик художественной работы. На колокольчике были выгравированы надписи: вверху – «Первому Председателю Первой Думы», а внизу – «Власть исполнительная, да подчинится власти законодательной»¹.

На этом завершилась его политическая деятельность. Кроме того, он был исключен из дворянского сословия, что лишило его права быть депутатом Государственной Думы.

Скоропостижно скончался 4 (17) октября 1910 г. «приблизительно во втором часу ночи от паралича сердца» (сердечного приступа), был обнаружен сыном после 9 часов утра в гостинице «Националь»², где снимал временно номер, освободив в своем доме комнату для приехавшей в гости дочери.

Похоронен на Донском кладбище в Москве (в его новой части), где на надгробии (1912, архитектор Ф.О. Шехтель) установлен бюст работы скульптора Паоло Трубецкого.

¹ Сибирская торговая газета. Тюмень 1908 авг. 8. № 173.

² Сергей Андреевич Муромцев // Русское слово. 1910. окт. 5 (№ 228). С. 2-4.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В ПРОЕКТЕ УСТАВА (ОСНОВНОГО ЗАКОНА) РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ Л.А. КУПЕРНИКА (1894)

Сегодня, в сфере исследования либерального конституционного законотворчества рубежа XIX - XX вв. отечественная историко-Наряду с традиционными проектами: «освобожденческим»², «муромцевским»³, «герценштейновским» (или проект Московской городской думы)⁴, «екатеринославским»⁵ и «харьковским»⁶, бывших результатами коллективных усилий предлагается включить в круг источников т.н. «персональные» или «индивидуальные проекты»⁷. Речь идет о разработках, бывших результатом трудов отдельных представителей российской общественности. В их число можно отнести как подготовленные профессиональными юристами, к каковым, проект Устава Российской империи (русской конституции)⁸ Л.А. Куперника⁹, проект

¹ Смирнов Иван Михайлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры ОРД ОВД Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова Орел, Россия.

² Вышел под названием «Основной государственный закон Российской Империи». См.: Освобождения союз. Словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс] // URL: <http://be.sci-lib.com/article075133.html> (Дата обращения: 22.06.2023)

³ См.: Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911.

⁴ См.: Проект Основного закона Московской городской думы // Право. 1905. № 21 (29 мая). С. 1735-1746.

⁵ См.: Проект Государственной Думы, составленный Екатеринославским земством // Право. 1905. 29 мая. № 21 (Еженедельная юридическая газета СПб. Под ред. В.М. Гессена, Н.И. Лазаревского).

⁶ См.: Протокол заседания юридического общества при Императорском Харьковском Университете. 19 марта 1905 г. Харьков, 1906. С. 136-153.

⁷ См.: Аронов Д.В., Минаков С.Т. Проект Конституции А.П. Рудановского - место и роль в конституционном законотворчестве России начала XX в. // Вестник государственного и муниципального управления. 2023. Т. 12. № 1. С. 132-144.

⁸ Проект Русской Конституции (составленный в России). Изд. второе. Лондон: «Фонд вольной русской прессы», 1895.

⁹ Куперник Лев Абрамович (1845, Вильно - 1905, Киев) - известный российский адвокат и публицист. Окончил юридический факультет Московского университета. Работал присяжным поверенным в Москве, а впоследствии в Одессе и Киеве, где снискал себе всероссийскую известность как адвоката, выступавший в резонансных судебных процессах как собственно криминального, так и политического характера.

Основного закона России ¹, А.П. Рудановского, ² а также нестандартный и по форме и по содержанию проект конституционных преобразований А.О. Розенталя³. Есть еще ряд проектов, созданных представителями не столько либеральной, сколько, скорее, социалистической политико-правовой мысли.

Сравнительно-правовой анализ текстов данных проектов Основного закона, как нам представляется, позволит показать их место и роль в законотворческом наследии начала XX в., интеллектуальной элитой страны, а именно той ее части, которая видела реформирование России на конституционных основах, позволявших согласовать интересы различных социальных групп российского социума начала XX в.

Методологически наше исследование основано на постулировании наличия у российского либерализма сформулированного «символа веры», включающего в себя как общелиберальное ядро – признание основой правовой системы прав и свобод человека вкупе с неприкосновенностью частной собственности. Дополнением здесь выступает предлагаемый тезис об априорном признании либеральным мировоззрением безальтернативности мирных средств социальных преобразований.

В качестве автора текстов публицистического характера сотрудничал с «Юридическим вестником», «Юристом», местных газетах. Хорошо известны его фельетоны на общественно-политические темы. Проект конституции России является де-факто единственной работой в области конституционного правотворчества, опубликованной «Фондом вольной русской прессы» в 1894 г. и активно распространявшейся в России на нелегальной основе, став объектом внимания со стороны органов безопасности. См., например: Песиков Ю. Саратовская находка: Проект Русской Конституции. Саратов: «Слово», 1993 г.

¹ Рудановский А.П. Конституция истинной свободы. М., 1905. 31 с.

² Рудановский А.П. (1863-1831) - закончил Харьковский университет, магистр математики, видный российский специалист в области бухгалтерского учета, создатель принципиально нового учения о предмете и методе бухучета, востребованного современной экономической наукой. По некоторым сведениям в начале века был близок к эсерам (содержание текста проекта конституции скорее праволиберальное, чем социалистическое), а также опубликовал несколько работ по социально-политической тематике. В списках литературы присутствует только указанное издание проекта конституции. Оно же упоминается в одной диссертационной работе по юриспруденции (Чепус А.В. Конституционное законодательство Российской Федерации: генезис, современное состояние и основные тенденции развития: Дисс. ... к.ю.н. М., 2008. С 1910 г. упоминаний о его общественной деятельности не встречается. Судя по всему, он полностью посвящает себя вопросам науки в сфере бухучета.

³ Розенталь А.О. Проект устройства России на новых началах. СПб., 1906.

Данный посыл предполагает участие оппозиционных политических сил в государственной власти, причем наиболее эффективным путем реализации данного пути традиционно считается законодательная власть. Соответственно полагаем целесообразным рассмотреть в настоящей статье видение Л.А. Куперником механизма функционирования законодательной власти.

В рассматриваемом тексте проекта Основного закона страны законодательная власть выступает как независимая и самостоятельная ветвь власти, не связанная априорно чьим-либо мнением и/или решением. Напомним, что в разделе проекта, посвященного Земскому собору, его автор по сути лишает его членов возможности отойти от своей позиции, выраженной в предвыборной программе по какому-либо вопросу, вынесенному на фактический референдум. По сути, член Земского собора связан мнением избирателей проголосовавших за его программу.

В проекте (статья 49) определено, что все нормативно-правовые акты, обязательные для граждан, правительственных и судебных мест и властей, и определяющие их взаимные права и обязанности, не могли быть приняты никем иным, кроме органа законодательной власти. Исключение составлял исчерпывающий перечень вопросов находившихся в ведении Земского Собора (Раздел III Статья 6).

Нестандартно был решен в проекте и вопрос о праве законодательной инициативы. По смыслу соответствующей статьи, такое право принадлежало как каждому гражданину, так и группе граждан. Они же наделялись правом представлять основания для отклонения иных законопроектов. При всем внешнем демократизме данная статья вряд ли может считаться эффективно работающей. Думская почта начала века полна т.н. «законопроектами», не имевшими никакого отношения к реальной действительности (о борьбе с дьяволом и т.п.)¹.

¹ РГИА. Ф. 1278 (Государственная Дума I, II, III и IV созывов). Оп. 1 (1906-1907 гг.). Д. 145 (Переписка Председателя и Секретаря Государственной Думы. Входящие бумаги, не записанные по журналу, возвращенные Председателем Государственной Думы после роспуска ее. Начало 23/IV; Конец 28/VI. 1906 г.). ЛЛ. 16-75, 78-79, 109, 144-146, 161-163, 174; Д. 146 (Переписка Председателя и Секретаря Государственной Думы. Прошения, телеграммы разных лиц и бумаги должностных

Конкретизируя тематику нормативных актов, относящихся к исключительному ведению палаты народных представителей автор проекта в их числе указывает законопроекты, касающиеся: «а) иностранных сношений, военных и морских сил и обороны отечества; б) общеимперских расходов, взносов из областных доходов в имперскую казну, и косвенных налогов; в) государственных займов, народного кредита, акционерных и других обществ, простирающих свою деятельность на всю империю; г) монеты, мер веса и времени, счисления; д) путей сообщения, имеющих государственное значение; е) почт, телеграфов и других способов сношений; ж) государственных имуществ; з) церковного устройства как православной, так и инославных церквей и общин; и) устройства имперского министерства, государственных департаментов и областных органов правительства; й) устройства всякого рода судебных мест и властей, и судопроизводства в них; к) гражданского, торгового и уголовного права; л) учреждения областных сеймов, в пределах ст. 15 сего Устава»¹.

К ведению региональных органов представительной власти (областных сеймов, статья 52) относились законопроекты, касающиеся: а) определения срока и условий пребывания граждан в данном регионе и дающих ценз оседлости; в) региональных расходов и прямых налогов; в) региональных займов, кредитных учреждений, акционерных и других обществ, регионального характера г) областных и местных путей сообщения, торговли, промышленности и народного хозяйства; д) народного образования — высшего, среднего и низшего, народного здравоохранения и продовольственного обеспечения; е) структуры и штатного расписания областных и местных административных и полицейских учреждений; ж) местного самоуправления сельского, городского, волостного, уездного, губернского и т.п.; з) иных предметов, неподлежащих ведению общеимперской палаты народных представителей, а из числа подлежащих ее ведению тех и в тех

лиц, распоряжением Председателя Государственной Думы оставленные без движения. Начало 8/V; Конец 9/VII. 1906 г.). ЛЛ. 204-209, 214-251, 280-281.

¹ Статья 51 // Проект Русской Конституции (составленный в России). Издание второе. Лондон: «Фонд вольной русской прессы», 1895. С. 15.

пределах, какие будут предоставлены региональным заксобораниям в законодательном порядке.

Законотворческая процедура прописывалась в 53-61 статьях. На первой стадии внесенный в представительное собрание законопроект докладывался председателем на пленарном заседании палаты представителей. Последняя принимала, одно из решений: либо признать его обсуждение несвоевременным, либо передать его на рассмотрение профильной комиссии, либо, признав его неотложным, сразу же назначить день для его дальнейшего обсуждения.

Отличным был порядок для законопроектов, внесенных Советом министров, Правительствующим сенатом или представительным собранием, а также подписанный не менее чем 20 депутатами палаты народных представителей. Он не мог быть отклонен как несвоевременный. Прочие, отклоненные на основании несвоевременности, проекты не могли вновь вноситься на обсуждение палаты в ходе той же сессии.

Законопроекты, переданные в профильную комиссию, могли пройти в ту же сессию второе чтение по предложению комиссии, совета министров, либо одного из депутатов. При втором чтении проект обсуждался постатейно. При этом положение, не принятое большинством голосов присутствующих, подлежало исключению из проекта.

После окончания процедуры постатейного рассмотрения законопроекта Председатель предлагал депутатам назначить дату третьего чтения. Оно не могло назначаться ранее, чем через неделю, а в случае, когда палата двумя третями полного состава признавала неотложность законопроекта — ранее, чем через три дня. В третьем чтении законопроект принимался или отвергался в целом. При этом по инициативе депутатов палата могла вернуться к постатейному обсуждению.

Принятый в третьем чтении законопроект поступал на рассмотрение Государственного совета. В отношении законопроектов, регулирующих отношения, связанные с судоустройством или судопроизводством, предусматривалась их передача в Сенат, Последний рассматривал законопроект на своем общем собрании. В случае согласия с законопроектом Государственный совет или Сенат передавали его на утверждение

Императора, а в случае несогласия с проектом, в целом или по отдельным статьям, сообщали о палате народных представителей.

Данные замечания Государственного совета и Сената, заслушивались палатой и если принимались, то включались в законопроект, который вновь направлялся Госсовету или Сенату. Далее они представлялись на утверждение Императора вместе с мнением соответствующего органа, копия какой сообщалась палате народных представителей.

Императору принадлежало право утвердить или отклонить представленный ему законопроект в целом. Не утвержденный Императором законопроект не мог быть внесен и вновь обсуждаться представительным собранием в ту же сессию. Законопроект, принятый подряд тремя сессиями палаты народных представителей, или тремя последовательно избранными областными сеймами, без изменения редакции, должен быть либо утвержден Императором, либо передан на обсуждение Земского Собора, относительно тех статей, которые Император не утверждал по любым основаниям.

Утвержденный Императором закон направлялся Правительствующему сенату для всеобщего обнародования. Если Сенат видел противоречие между законом и Основным законом страны, то он обсуждался на его общем собрании.

В случае, если собрание решало, что закон был издан с нарушением установленного порядка законодательной процедуры, или содержал положения, противоречащие Основному закону, то отчет об этом направлялся Императору. Последний либо отменял свое согласие (статья 59), либо передавал его на рассмотрение Земского Собора.

Закон получал обязательную силу со времени его обнародования Сенатом, если в нем не был указан другой срок. Однако издание закона, вводящего новые налоги на граждан, ограничения и наказания, имеющие обратную силу, было возможно исключительно с согласия Земского Собора.

Таким образом, можно говорить о том, что анализ места и роли законодательной власти (палаты народных представителей) в системе управления государством подтверждает сделанный нами ранее вывод о принадлежности данного проекта к либеральному направлению общественно-политической мысли России рубежа

XIX – начала XX вв. Прежде всего речь идет о преимущественных правах нижней палаты (регионального заксобраня – в тексте областного сейма) в общей схеме законотворчества по сравнению с иными акторами данного процесса. Формирование органов представительной власти путем всеобщего голосования (региональных с учетом ценза оседлости), возможность преодоления вето Госсовета и Императора, также вполне подтверждают это положение.

Вместе с тем в проекте присутствует и несколько некритическое увлечение демократизацией процедуры законотворчества. Право законодательной инициативы у любого гражданина вряд ли могло способствовать реальной работоспособности парламента. Вместе с тем законопроекты, инициированные исполнительной и законодательной властью, иными акторами системы органов госуправления были призваны отчасти компенсировать потенциальную угрозу процедуре внесения законопроектов в нижнюю палату.

Отдельного внимания заслуживает и введение в систему законотворчества Земского собора, органа, выступавшего неким арбитром в спорах власти законодательной и исполнительной. При этом принцип голосования членов Земского собора был основан на некоей разновидности плебисцита, при которой победивший кандидат был связан своей официальной позицией по вопросам вынесенным на Земский собор и получившей поддержку избирателей округа. Более подробно этот вопрос рассмотрен в одной из наших статей¹.

Перспективным направлением продолжения исследований новых проектов Основного закона России мы полагаем сравнительный анализ проекта Л.А. Куперника с иными проектами, относимыми к группе т.н. «индивидуальных» или «персональных» проектов.

¹ См.: Смирнов И.М., Жилыева С.К. Место и роль проекта Устава (конституции) Российской империи Л.А. Куперника в конституционном законотворчестве России конца XIX - начала XX вв. // Современное общество и право. 2023. № 5. С. 12-16; Смирнов И.М., Жилыева С.К. Земский собор в системе органов государственной власти в проекте Основного закона (устава) России Л.А. Куперника (1894) // Современное общество и право. 2023. № 6.

П.А. Калугин, Е.К. Золотухина¹

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПРОЕКТЕ ОСНОВНОГО ЗАКОНА РОССИИ Л.А. КУПЕРНИКА (1894)

Одним из традиционных направлений в сфере исследования либерального конституционного законодательства рубежа XIX – XX вв. связано с выявлением общего и особенного в их подходах к правам и свободам человека. Это вполне естественно, т.к. по своей сути либеральная идеология строится вокруг идеи главенства личности, наделенной правами и свободами, подкрепленная такой основой как неприкосновенность частной собственности. Традиционным источником для этого стал такой вид источников, как либеральные проекты Основного закона России. В первую очередь здесь следует упомянуть такие из них как «освобожденческий»², «муромцевский»³, «герценштейновский» (или проект Московской городской думы)⁴, а также «екатеринославский»⁵ и «харьковский»⁶.

Как представляется, сегодня целесообразно расширить круг данных источников за счет включения в них такой их разновидности как «персональные» или «индивидуальные проекты»⁷. В их число, на момент подготовки настоящей статьи в рамках исследований

¹ Калугин Павел Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

Золотухина Екатерина Керимовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

² Вышел под названием «Основной государственный закон Российской Империи». См.: Освобождения союз. Словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс] // URL: <http://be.sci-lib.com/article075133.html> (Дата обращения: 22.06.2023)

³ См.: Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911.

⁴ См.: Проект Основного закона Московской городской думы // Право. 1905. № 21 (29 мая). С. 1735-1746.

⁵ См.: Проект Государственной Думы, составленный Екатеринославским земством // Право. 1905. 29 мая. № 21 (Еженедельная юридическая газета СПб. Под ред. В.М. Гессена, Н.И. Лазаревского).

⁶ См.: Протокол заседания юридического общества при Императорском Харьковском Университете. 19 марта 1905 г. Харьков, 1906. С. 136–153.

⁷ См.: Аронов Д.В., Минаков С.Т. Проект Конституции А.П. Рудановского - место и роль в конституционном законодательстве России начала XX в. // Вестник государственного и муниципального управления. 2023. Т. 12. № 1. С. 132–144.

научной школы Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева предлагается включить следующие материалы: проект Устава Российской империи (русской конституции)¹ Л.А. Куперника², проект Основного закона России³, А.П. Рудановского,⁴ проект конституционных преобразований А.О. Розенталя⁵.

Полагаем, что, несмотря на определенную связь с теоретическим наследием социалистов-революционеров, сюда же следует отнести работу Ракитникова Н.И.⁶ «Государственные идеалы либерализма и новый проект русской конституции»¹.

¹ Проект Русской Конституции (составленный в России). Издание второе. Лондон: «Фонд вольной русской прессы», 1895.

² Куперник Лев Абрамович (1845, Вильно - 1905, Киев) - известный российский адвокат и публицист. Окончил юридический факультет Московского университета. Работал присяжным поверенным в Москве, а впоследствии в Одессе и Киеве, где снискал себе всероссийскую известность как адвоката, выступавший в резонансных судебных процессах как собственно криминального, так и политического характера. В качестве автора текстов публицистического характера сотрудничал с «Юридическим вестником», «Юристом», местных газетах. Хорошо известны его фельетоны на общественно-политические темы. Проект конституции России является де-факто единственной работой в области конституционного правотворчества, опубликованной «Фондом вольной русской прессы» в 1894 г. и активно распространявшейся в России на нелегальной основе, став объектом внимания со стороны органов безопасности. См., например: Песиков Ю. Саратовская находка: Проект Русской Конституции. Саратов: «Слово», 1993 г.

³ Рудановский А.П. Конституция истинной свободы. М., 1905.

⁴ Рудановский А.П. (1863-1831) - закончил Харьковский университет, магистр математики, видный российский специалист в области бухгалтерского учета, создатель принципиально нового учения о предмете и методе бухучета, востребованного современной экономической наукой. По некоторым сведениям в начале века был близок к эсерам (содержание текста проекта конституции скорее праволиберальное, чем социалистическое), а также опубликовал несколько работ по социально-политической тематике. В списках литературы присутствует только указанное издание проекта конституции. Оно же упоминается в одной диссертационной работе по юриспруденции (Чепус А.В. Конституционное законодательство Российской Федерации: генезис, современное состояние и основные тенденции развития: Дисс. ... к.ю.н. М., 2008. С 1910 г. упоминаний о его общественной деятельности не встречается. Судя по всему, он полностью посвящает себя вопросам науки в сфере бухучета.

⁵ Розенталя А.О. Проект устройства России на новых началах. СПб., 1906.

⁶ Ракитников Николай Иванович (1864–1938) — российский политический деятель, эсер.

Учился в Кронштадтской и 3-й Петербургской гимназии (1881). В 1885 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С г. член партии «Народная воля». С 1891 г. связан с партией «Народное право». Возглавляемый им саратовский народовольческий кружок сыграл важную роль в основании ПСР. В 1902 г. выехал за границу, принимал участие в создании партии эсеров, входил во

Компаративистский анализ текстов данных проектов Основного закона позволит обогатить интеллектуальную картину рубежа веков, когда в политико-правовой мысли России подготовка проектов Основного закона была одной из важных форм социальной активности².

В области методологии мы исходим из наличия у российского либерализма триединого «символа веры», общелиберального ядра – системы прав и свобод человека, неприкосновенности частной собственности, а также имманентного отрицания насильственных средств социального конструирования. Дополнением здесь выступает предлагаемый тезис об априорном признании либеральным мировоззрением безальтернативности мирных средств социальных преобразований.

Анализ проекта российской конституции за авторством Л.А. Куперника показал, что он основан именно на классических институтах либерального мировоззрения в т.ч. и прежде всего в области института прав и свобод человека. Уже в первом разделе проекта «Общие основные положения» в четвертой статье перечислены основные права и свободы человека. В их число вошли следующие:

1. право избрания места жительства, занятий и образа жизни;

все составы ЦК ПСР вплоть до 1909 г. С 1908 находился в эмиграции, после разоблачения Азефа вышел из состава ЦК.

После февральской революции возглавил саратовский комитет партии эсеров, был редактором газеты «Земля и Воля». В июне 1917 г. избран в состав ЦК и делегирован ПСР во Временное правительство, став товарищем министра земледелия Чернова. Избран в Учредительное собрание от Саратовского округа. Участник заседания 5 января. Выступал против сотрудничества эсеров с антисоциалистическими силами и вооруженной борьбы с большевиками. В 1919 г. вышел из ЦК ПСР, отошел от политической деятельности.

В 1937 г. арестован, приговорен Особым совещанием НКВД СССР к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. 15 апреля 1938 г. постановлением «тройки» НКВД по Красноярскому краю приговорен к расстрелу. В 1989 г. реабилитирован.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Ракитников,_Николай_ванович

¹ [Ракитников Н.И.] Государственные идеалы либерализма и новый проект русской конституции. Б.м. [1905].

² См.: Смирнов И.М., Жилиева С.К. Место и роль проекта Устава (конституции) Российской империи Л.А. Куперника в конституционном законотворчестве России конца XIX – начала XX вв. // Современное общество и право. 2023. № 5. С. 12–16; Смирнов И.М., Жилиева С.К. Земский собор в системе органов государственной власти в проекте Основного закона (устава) России Л.А. Куперника (1894) // Современное общество и право. 2023. № 6.

2. свобода передвижения и выезда за границу;
3. право индивидуальной оптации (смены гражданства / подданства);
4. свобода слова (устного и письменного);
5. свобода печати;
6. свобода союзов;
7. свобода собраний;
8. свобода вероисповедания в т.ч. не принадлежать ни к одному из них»¹.

Вместе с тем в тексте проекта мы можем выявить еще целый ряд прав и свобод, которые автор не включит в текст анализируемой четвертой статьи. Это, прежде всего, право на судебную защиту (ст.ст. 4, 26, 37, Раздел XIII (ст.ст. 75-91). право на пассивное и активное избирательное право и целый ряд других, каковые сегодня входят в классический перечень прав и свобод человека.

Права и свободы человека гарантировались в проекте как верховной властью Императора, дающего присягу о соблюдении данной Конституции (ст. 3), так и системой разделения властей в ее классическом варианте, в котором судебная власть выполняет роль гаранта прав и свобод личности. Особо защищалась свобода человека от новых налогов (в тексте повинностей) и такой специфической новации как введение законов, имеющих обратную силу и ухудшающих положение субъекта правоотношения.

Вместе с тем неправильно было бы говорить и о романтизации института прав и свобод человека как некоего «ковчега завета», без которого невозможно построить храм новой государственности. Так в статье 5 проекта прямо указано на то, что «права граждан, установленные ст. 4 Устава, подлежат непосредственной охране судов и не могут быть ограничиваемы законодательным порядком, за исключением следующих случаев: а) относительно лиц неспособных и недееспособных могут быть установлены

¹ [Куперник Л.А.] Проект Русской Конституции (составленный в России). Издание второе. Лондон: «Фонд вольной русской прессы», 1895. С. 8-9.

ограничения в гражданских законах; в) уголовными законами могут быть установлены ограничения в правах, как наказание, налагаемое по суду; в) относительно лиц, подлежащих воинской повинности и находящихся в запасе армии может быть ограничено право выхода из подданства и переселения за границу, а относительно находящихся в строю и на действительной военной службе — и прочие политическая права; г) относительно лиц, принадлежащих к духовенству, или несущих проповеднические обязанности, могут быть установлены ограничения в праве устройства публичных собраний и беседований вне церквей и молитвенных домов; и д) в случае народных волнений и других событий, требующих установления мер чрезвычайной охраны, может быть временно приостановлено право публичных собраний, с соблюдением порядка, указанного в ст. 92 Устава»¹.

Рассмотрим систему гарантий прав и свобод человека на примере столь характерной для современной Л.А. Купернику России ситуации, как введение чрезвычайного положения в одной из принятых в рассматриваемую эпоху норм.

Первым посылом ст. 92 открывавшей раздел XIV «Введение чрезвычайной охраны» было ограничение исполнительной власти на использование данного инструмента. В статье прямо указывалось на то, что «Положение о мерах чрезвычайной охраны может быть издано в законодательном порядке, через палату народных представителей». Соответственно введение этого положения в действие в какой-либо местности может последовать исключительно по постановлению соответствующего сейма (регионального заксобрания), или же палаты народных представителей. Соответственно на территории всей страны данное положение могла ввести только нижняя палата парламента. Далее, в рамках баланса властей указанное постановление подлежало «Высочайше утверждению» императора.

В случае, если объективная необходимость принятия данных мер не совпадала с сессией соответствующего представительного органа, оно могло решением Совета министров. Оно также подлежало высочайшему утверждению и проходило через Сенат

¹ [Куперник Л.А.] Проект Русской Конституции (составленный в России). Изд. второе. Лондон: «Фонд вольной русской прессы», 1895. С. 8-9.

для его обнародования. (на основании ст. 60 Устава). Одновременно Сенат созывал экстренную сессию соответствующего органа представительной власти. Последняя либо утверждала введение положения о мерах чрезвычайной охраны, либо отменяла его. Интересная деталь. В последнем случае палате предоставлялось право рассмотреть вопрос об ответственности членов Совета министров за принятие соответствующего решения.

Ограничения прав и свобод человека в период введения мер чрезвычайной охраны также ограничивались сроком их введения, который, в соответствии со ст. 93, не мог превышать трех месяцев. По истечении этого срока, действие указанных мер могло быть продолжаемо, но не более чем на три месяца, с согласия соответствующего органа представительной власти собрания и с соответствующим порядком обнародования в соответствии со ст. 60 Устава.

Подводя некий итог выявления степени представленности института прав и свобод человека в анализируемом проекте Основного закона, представляется возможным говорить о том, что проект основан на либеральных идеях, естественно-правовом учении о сущности права. Проект содержит базовый набор прав и свобод человека, механизмы их реализации и защиты. Вместе с тем, полагаем целесообразным выявление тех прав и свобод, которые текстуально не вошли в соответствующий базовый раздел проекта, а предполагаются в рамках регулирования конкретных общественных отношений. Подобный анализ проекта, с предложением соответствующей методологии позволит не только установить полный перечень прав и свобод человека, каковые предполагал гарантировать проект Основного закона, но и создаст исходный пункт для применения соответствующей методологии к иным «Индивидуальным» проектам Основного закона России с последующим компаративным анализом полученных данных

Итоговым результатом станет единая картина видения столь значимого для России начала XX в. института как права и свободы человека в такой новой для историко-правовой науки группе источников как «индивидуальные» («персональные») проекты Основного закона России.

*Л.Н. Лазарева*¹

ЭЛЕМЕНТЫ ЛИБЕРАЛИЗМА В ПРОЕКТАХ III ПРОГРАММЫ ВКП(Б) (1947 г.)

Существует мнение, что между дореволюционным российским либерализмом и попытками «возрождения» этой идеологии и практики в постсоветскую эпоху лежит сплошная темная полоса. Думается что это не совсем так. И вот лишь один пример этому...

Несмотря на то, что концепция догоняющей модернизации сегодня подвергается (в общем-то, справедливой) критике, тем не менее, это не отменяет неизменную приверженность отечественных элит сценарию «догнать и перегнать» Запад². Сложно не согласиться с выводами д.и.н., проф. В.В. Журавлева: «В итоге самой большой трагедией России XX столетия стала «упертость» власти – вне зависимости от того, какой политический режим она воплощала, – в один-единственный тип развития. Настойчивость эта, конечно, не была случайной. Ибо догоняющий тип развития отражает исторически сложившиеся в России идеологию, психологию и возведенную в ранг нормы практику приоритетности государства перед обществом...»³.

Справедливо подмеченная «особая статья» России, возвращенная сложностью ее исторической судьбы, формировала на рубеже XIX и XX века образы будущего, сутью которых была попытка установить баланс «сытого» обывательского комфорта с

¹ Лазарева Любовь Николаевна – и доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственный университет просвещения главный специалист Центра документальных публикаций РГАСПИ.

² Необходимо обратить внимание и на то, что концепция догоняющей модернизации, действительно созданная советологами в годы холодной войны, была переосмыслена и значительно дополнена ведущими отечественными историками. Думается, что новое «прочтение» позволяет выступать ей в качестве важнейшего инструмента в арсенале современных исследователей и снимает вложенный в нее изначально узкий западно-центристский контекст. Подробнее см. Россия: трансформации, реформы, пути развития (2000-2010). М.: Научный эксперт, 2010.

³ Журавлев В.В. Россия XX века: тип, этапы и механизмы модернизации / Россия: трансформации, реформы, пути развития.. С. 43.

конгломератом «... идей и традиций коллективизма, общественной пользы и государственной целесообразности»¹.

Коммунистическая, анархическая и даже монархическая модели будущего, являясь наиболее разработанными, сходились «за горизонтом» в объединяющих их ожиданиях изменения существующего социального порядка и нравственных ориентиров самого человека².

Интеллектуальный «бульон» запроса на социальную справедливость через кристаллизующиеся элементы гражданского общества создавали мироощущение и мировоззрение наиболее активных слоев населения. Данную особенность формирования матрицы строительства «великой России» подметил д.и.н. К.А. Соловьев: представители либерализма «...должны были предложить повестку, приемлемую для их сверстников, так или иначе увлеченных идеями социализма. Причем, нередко грань, отделявшая либералов от социалистов, была еле заметной. В сущности, речь идет о разных сторонах одного общественного движения, в котором пока не произошла идеологическая дифференциация. Перед каждым его представителем стоял вопрос о приоритетах...»³.

Вместе с тем, необходимо принять во внимание вывод д.и.н. И.С. Розенталя – отличительной чертой начала XX века оказалась «...неспособность понять «чужую правду»...»⁴.

Это «неспособность» не позволила состояться диалогу власти и формирующемуся гражданскому обществу, так же как и определила неудачу взаимодействия либералов со сторонниками леворадикальных взглядов, в конечном итоге разведя их по разные стороны баррикад с большевиками.

Во многом непонимание «чужой правды» формировалось как раз решением дилеммы о допустимой степени насилия государства

¹ Там же. С. 36.

² Желтикова И.В. Образы будущего России накануне революции и сто лет спустя / «Муромцевские чтения». Труды II (2014-2017). Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева; Издатель Александр Воробьев, Издательский Дом «ОРЛИК». С. 348-349.

³ Соловьев К.А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX века: в 3 т. М.: Политическая энциклопедия, 2022. Т. 2: Либеральные партии. С. 14.

⁴ Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905 – 1914 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 203.

над личностью. Сделанный выбор, помноженный на противоречивый процесс воплощения теоретических представлений в практику, закладывал лихие виражи на ухабистой дороге политической борьбы, ведущей в революционные события 1917 г.

Молодые, менее образованные, «провинциальные» лидеры социалистического «проекта»¹ были готовы конструировать новое общество, разрушая старый мир «до основанья».

Умудренные жизненным опытом столичные профессора не принимали цену социального эксперимента ленинцев.

Но, вместе с тем, жизнь оказалась богаче и сложнее прогнозов «высоколобых» интеллектуалов. Вождь большевиков накануне революционных событий октября 1917 г. были очерчены сверх демократическая система политического устройства и модель государственного регулирования капиталистической экономики². Возможность маневра на «экономическом фронте» оставалась до лета-осени 1918 г.³

Итак, вызовы догоняющей модернизации в сочетании с идеалами социальной справедливости – стали фундаментом и социалистического, и либерального видения пути в благополучный мир прогресса. «Центрированность» либералов на приоритете «блага свободной личности»⁴ не позволила им принять «правду» большевиков.

По итогам Гражданской войны, «дорожную карту» пути к социальной системе, контуры которой лишь «пунктирно» были намечены классиками – К. Марксом и Ф. Энгельсом – предстояло

¹ Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. М.: Политическая энциклопедия, 2022. Т. 3: Социалистические партии / отв. ред. В.В. Журавлев. С. 848-849.

² Ильин В. (Н. Ленин). Государство и революция: учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Петроград: Жизнь и знание, 1918. Он же. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. М.: Прогресс, 1982.

³ Подробнее см. Журавлев В.В. Декреты Советской власти 1917 – 1920 гг. как исторический источник. Законодательные акты в сфере обобществления капиталистической собственности. М.: Наука, 1979.

⁴ Кара-Мурза А.А. О национальных вариантах либерализма и русской модели в частности // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. Сборник материалов Международной научной конференции. 28-29 сентября 2018 г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева / под общ ред. д.и.н., проф. В.В. Шелохаева; Орел: ОГУ, Издатель Александр Воробьев, Издательский Дом «ОРЛИК», 2018. С. 33.

разработать большевикам. Задача оказалась еще сложнее из-за того, что «пришпорившие» историю ленинцы на пространство общественной мысли наложили «лекала» «правильного» прочтения теоретических установок марксизма, жестко контролируя гуманитарное знание и идеологическое наполнение государственного строительства. В результате, роль несущей конструкции в «сталинской» экономической модели, взял на себя механизм партийно-политической работы.

На XVIII съезде ВКП(б) И.В. Сталин, прекрасно понимавший особенности сформировавшейся управленческой парадигмы, подчеркнул: «...чтобы претворить в жизнь правильную политическую линию, нужны кадры, нужны люди, понимающие политическую линию партии, *воспринимающие ее, как свою собственную линию...* (курсив мой – Л.Л.)»¹.

Объяснил он и опасность положения, когда для партийных активистов цели большевиков перестанут быть основой жизненного сценария: «кадры» превратятся в «...деляг, слепо и механически выполняющих указания сверху...»².

Обозначенные руководителем страны особенности управленческой матрицы требовали, чтобы горизонты будущего не только воодушевляли, но и были достижимы в приемлемые для большинства сроки – траектория развития страны должна быть принята как основа жизненного сценария рядовыми членами партии³.

¹ XVIII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. 10-18 марта 1939. Стенографический отчет. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. 1939. С. 29.

² Там же. С. 31.

³ Механизм «партийно-политической работы» мог быть эффективен, только опираясь на «сталинских выдвиженцев», чей жизненный путь был схож с биографией К. А. Павлова – начальника «золотого цеха СССР» – Дальстроя, руководившего им в преддверье Великой Отечественной войны, когда уже ощущалось «дыхание» неумолимо надвигающейся беды. Действуя жесткими (правильнее – жестокими) методами, он добился увеличения добычи золота с 51 т. в 1937 г. до 62 т. в 1938 г. и олова с 40 т. до 202 т. соответственно. Когда Павлову разрешили перевод в ответ на многочисленные рапорты о плохом самочувствии, у него был диагностирован менингит в острой форме. В хрущевскую «оттепель», попав под разработку в ходе компании по выявлению нарушителей социалистической законности, К.А. Павлов застрелился. Полуэктов И.Б., Тумшис М.А. История через личность: почетный чекист, Начальник Дальстроя и Гушосдора НКВД Карп Павлов / Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР.

На последнем предвоенном партийном форме было объявлено о подготовке перехода от социализма к полному коммунизму и анонсировано создание новой программы ВКП(б)¹.

Поскольку экономический уровень развития «главных капиталистических стран» оставался эталонным – логика подсказывала ближайшую задачу: «догнать и перегнать»².

Нюансы стратегии конструирования новой социальной системы предстояло разработать советским обществоведам, отталкиваясь от опыта, полученного за двадцать лет воплощения в жизнь ленинского проекта: «...Было бы смешно требовать, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране спустя 50 – 100 лет, с тем чтобы мы, потомки классиков марксизма имели возможность спокойно лежать на печке и жевать готовые решения...» – подчеркнул лидер партии³.

Подготовка страны к испытаниям, а вскоре и сама война, заслонили проблемы формирования стратегии долгосрочного развития. Работа над новой программой партии была продолжена уже после Победы.

Четыре авторских коллектива, состоявших из экономистов и философов, близких к управлению пропаганды и агитации ЦК партии⁴, в конце июля 1947 г. представили итоги своей работы А.А. Жданову, а тот отправил их на суд «заказчика» – И.В. Сталина. После ознакомления первого лица с документами 8 августа состоялось заседание комиссии ЦК.

Коллективная монография. Саратов: Издательство ООО «ЦеСАин», 2023. С. 147-169.

¹ XVIII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии большевиков.... С. 18. К этому времени работа над новой партийной программой уже шла полным ходом: к октябрю 1938 г. Д.З. Мануильским, М.Б. Митиным и П.Ф. Юдиным был подготовлен вариант проекта, не получивший одобрения Сталина. Симонов М.А. Проект программы 1947 г.: причины и ход разработки. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77) в 2-х ч. Ч.2. С. 157-161. На XVIII съезде была создана специальная комиссия, которой предстояло возглавить новую попытку создать третью программу ВКП(б).

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 34.

⁴ Александров Г.Ф., Островитянов К.В., Федосеев П.Н., Митин М.Б., Юдин П.Ф., Пospelов П.Н., Иовчук М.Т., Шепилов Д.Т., Куусинен О.В., Леонтьев Л.А.

Несмотря на то, что по оценкам самих же участников, главным недостатком проделанной ими работы было излишнее теоретизирование и отсутствие анализа конкретных этапов конструирования новой социальной системы, тем не менее, стенограмма дает возможность посмотреть на ключевые черты коммунистического общества глазами маститых советских обществоведов.

И такой анализ ведет к неожиданным выводам: коммунистическое будущее человечество, то самое «светлое завтра» – было обществом «сытых потребителей»¹. К.В. Островитянов подчеркивал важность раскрыть перед трудящимися перспективы: «...будем стремиться к тому, чтобы жизнь сделать красивой, чтобы жить в хорошей обстановке, иметь хорошие вещи»². Развитие производительных сил связывалось с потребительским «аппетитом» советских граждан.

Вместе с тем, как компенсация возможного отставания темпа роста материальной базы от скорости формирования новых запросов, был предусмотрен постепенный переход на коммунистический принцип распределения, введение которого должно было сочетаться с оплатой по труду³.

«Гуру» советской общественной мысли не спешили «сыграть» похоронный марш товарно-денежным отношениям. Они утверждали, что на первой-то стадии перехода уж точно, но, может быть даже и «...на какой-то высшей фазе...», деньги продолжат играть заметную роль в повышении эффективности народного хозяйства страны⁴.

М.Б. Митин попытался «нащупать» механизм перехода к распределению по потребностям. Он видел его в сочетании перманентного снижения цен с ростом количества потребительских

¹ «...На основе процветания общественной собственности на средства производства все большие массы народного богатства будут поступать в личную собственность, личное потребление трудящихся...». Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947-1953 гг.: Документы и материалы / сост. В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 150. Справедливости ради необходимо отметить то, что М.Б. Митин выразил свои сомнения по поводу правильности такой постановки вопроса. Там же.

² Там же. С. 146.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 139. С тем, что товарно-денежные отношения будут существовать в ближайшие 20-30 лет, были согласны все выступавшие на совещании.

товаров¹. По его мнению, именно таким образом принцип постепенности и мотивация роста производительности труда увязывались с улучшением благосостояния населения.

В качестве ключевого условия вытеснения товарно-денежных отношений Д.Т. Шепилов выделил: «...коммунистическую зрелость, сознание людей»².

Логика обозначенной Шепиловым позиции дала возможность их авторскому коллективу (в него входили еще Пospelов П.Н. и Иовчук М.Т.) предложить другой способ конструирования нового социума: «...идти по линии удовлетворения по потребностям социально-общественных, культурных запросов нашего народа...»³.

Шепиловская постановка проблемы вызвала недоумение и критику присутствовавшего на заседании руководителя Госплана и члена программной комиссии Н.А. Вознесенского. Его позицию поддержал А.А. Жданов: «Высокие духовные потребности рождаются на базе хлеба»⁴.

Концепция коммунизма, как «общества изобилия», требовала ответа на вопрос – каковы источники наполнения потребительского рынка? Советские обществоведы видели выход в новых технологиях (массовом внедрении автоматической системы машин на электрической основе⁵ и использовании атомной энергии в промышленности⁶), но при сохранении приоритета у сектора «А» (производство средств производства). По крайней мере, в перспективе ближайших 15-20 лет.

Казалось бы, явное противоречие в стратегии, на самом деле укладывается в парадигму стремительно разворачивающейся холодной войны и экономического давления на СССР недавних союзников: обеспечить народное хозяйство страны «...машинами, станками, первоклассными механизмами»⁷ требовалось за счет собственных ресурсов.

Та же мобилизационная составляющая «сталинской» модели корректировала и классические прогнозы по поводу отмирания

¹ Там же. С. 150.

² Там же. С. 143.

³ Там же. С. 144.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 142.

⁶ Там же. С. 145.

⁷ Там же. С. 142.

государства. К.В. Островитянов критиковал своих коллег, пытавшихся выявить этапы трансформации политической власти, ведущие к исчезновению государства. Сам же маститый экономист настаивал на том, что хозяйственно-организаторские функции государства будут как раз расти, т.к. «...производство требует единой воли, единого управления...»¹.

Казался Островитянову «преждевременным» прогноз формирования общих нации, языка и культуры. Ученый отстаивал противоположную позицию, доказывая, что в обозримом будущем «...можно говорить о развитии национальной культуры, ее расцвете, сближении культуры различных национальностей»².

Корректировка стратегии на основе выводов из дискуссии по «дорожной карте» в светлое будущее была воплощена в новом проекте программы ВКП(б). Над ним уже трудился коллектив, собранный из представителей прежних рабочих групп: П.Н. Федосеева, М.Б. Митина, Л.А. Леонтьева, Д.Т. Шепилова³.

В данном варианте партийной программы обогнать «главные капиталистические страны» по уровню производства на душу населения планировалось за 15-20 лет. Приоритет за сектором «А» сохранялся. Подчеркивалась важность роста производительности труда, которая мотивировалась сочетанием моральных и материальных стимулов.

Противоположности между городом и деревней нивелировались за счет жилищно-коммунального благоустройства сел и роста культурного уровня. Проблему умственного и физического труда авторы решали просвещением широких масс и увеличением свободного времени, направленного на получение новых знаний. Все трудящиеся должны были стать «...людьми культурными и образованными»⁴, а партия – обеспечить высокий темп научной работы и расцвет литературы и искусства.

¹ Там же. С. 147.

² Там же.

³ Там же. С. 160-186.

⁴ Там же.

В проекте предусматривалось развертывание широкого жилищного строительства¹, стремительное развитие сферы услуг и наращивание выпуска бытовой техники.

Шла речь о постоянном улучшении здравоохранения, росте социальной поддержке стариков, многодетных семей, инвалидов.

Не отказываясь от «свободы совести» и пропаганды научно-материалистического мировоззрения, советские обществоведы «уравновесили» эти принципы тезисом о важности не допускать «оскорбления и ущемления чувств верующих»².

Предложенный Митиным механизм перехода к коммунистическому распределению вошел и в новую «дорожную карту».

А вот замечание Шепилова на итоговый вариант не повлияло: распределение по потребностям начиналось с основных продуктов питания.

Так же, не был пересмотрен и тезис об «...удовлетворении непрерывно растущих разнообразных личных потребностей членов общества...»³.

«Рыночным рычагам», по-прежнему, отводилась важная роль в строительстве коммунистического «рая». За хозяйственным расчетом, деньгами, кредитом и прибылью оставалась роль механизма повышения эффективности хозяйствования. Авторы рекомендовали «развертывать государственную и кооперативную торговлю в городе и деревне, поощряя соревнование между этими двумя видами советской торговли...»⁴.

Завершал данный проект программы политический раздел. В нем подчеркивалась роль государства «как основного рычага успешного коммунистического строительства»⁵.

Шла речь о «развитии советского демократизма»: вовлечение широких масс в управление, рост значения общественных организаций, расширение прав союзных республик,

¹ При этом планировалась озеленение и обводнение городов, улучшение их архитектурного оформления. Там же.

² Там же. С. 182.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Там же. С. 183.

демократизация судебных органов, усиление воспитательного воздействия коллектива и т.п.¹

Итак, установка на «догоняющее развитие» продолжала формировать образ будущего страны, воплощаясь в мероприятиях «дорожной карты» построения коммунизма.

Вместе с тем, в проекте «сталинской» программы партии четко прослеживается и отработка запроса социальной справедливости.

Большое внимание уделяется развитию человеческого капитала, потенциала личности.

Можно отметить и определенное развитие элементов демократизма.

Вместе с тем, государство по-прежнему остается во главе угла, ему отводится центральная и возрастающая (вопреки первоначальным установкам большевиков) роль в конструировании нового социального устройства². Невольно представляются народные массы, организованно марширующие в будущее, очерченные установками партийной программы. Нравственные ориентиры человека, его личностный рост требовалось уложить в лекала коммунистической идеологии, отказывая индивиду в праве на сомнения и собственные искания. Повышение образовательного уровня общества (для чего немало сделали большевики) и запрет инакомыслия в сочетании с уходом с политической арены «сталинского» типа управленцев стали базой для формирования предпосылок отказа от социалистического проекта, не решившего на данном витке отечественной модернизации проблему взаимодействия свободной личности с государством, обеспечивающим ее развитие.

Остается добавить, лишь то, что попытка после войны наметить меры по реализации идеального проекта будущего – коммунистического общества – не увенчалась успехом. Стремительно развернувшаяся холодная война, смерть А.А. Жданова, более насущные проблемы страны, восстанавливающей разрушенное народное хозяйство в условиях экономического давления недавних союзников – все это отодвигало рывок «через тернии к звездам». Можно предположить, что одним

¹ Там же. С. 184.

² Авторы проекта считали, что государство может исчезнуть только в условиях победы коммунизма во всем мире. Там же. С. 147.

из факторов, заставившим свернуть работу над новой программой партии, стала и выявленная несогласованность теории и практики, потребовавшая «работы над ошибками» – углубления анализа уже пройденного пути.

**ЛИБЕРАЛЬНО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ МИНИСТРА
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А.В. ГОЛОВНИНА
В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ 1860-х гг.**

Актуальность темы состоит в том, чтобы понять, как либеральная концепция влияла на развитие образовательной системы в нашей истории. Цель статьи заключается в изучении истории развития Министерства народного просвещения в Российской империи во главе с А.В. Головниным в тр. чет. XIX в. в контексте эволюции системы образования. Автором данной научной статьи были использованы методы сравнительного исторического анализа, исторической реконструкции, ретроспективный метод и метод исторической периодизации. Теоретическая значимость заключается в том, что была рассмотрена деятельность министра народного просвещения Головнина, а также была дана характеристика его лицейским годам, способствующих формированию мировоззрения у последнего. Практическая значимость исследования представляют интерес для ученых, занимающихся историей народного просвещения XIX века, а также для государственных органов и работников сферы образования, их могут использовать в своей работе широкий круг историков и педагогов. Историографический обзор можно разделить на три следующих периода: а) дореволюционный (1860-1910-е гг.), для которого характерны субъективные оценочные суждения относительно проведения образовательной реформы министром Головниным как со стороны либеральных общественных деятелей и публицистов (В.И. Чарнолусский, П.Ф. Каптерев и др.), считавших, что реформа является половинчатой (например, хоть и разрешили детям из низших сословий поступать в различные институты, однако в университеты до сих поступают только представители высших сословий), так и со стороны консервативных идеологов

¹ Чжен Владимир Сергеевич – студент Московского государственного областного университета.

(М.Н. Катков, В.П. Мещерский и др.), дававших критику институциональных аспектов и с позиций содержания образования (восстановление классического образования); б) советский (1920-1980-е гг.), когда ученые видели в реформе Головнина точку отсчета для будущей либерально-буржуазной революции, при которой чиновники царского правительства, не имевшие возможности решить вопрос ликвидации безграмотности населения, передадут эстафету реформ в сфере просвещения Временному правительству. Однако, либеральные министры так и не смогли устранить сословный и декларативный характер в образовательной системе, потому как этот фактор привел к большевистской программе «Ликбеза» и построению советской модели бессословной и всеобщей системы образования (Ш.И. Ганелина, Л.Г. Захарова и др.); в) российский (1990-2020-е гг.) период отличается многообразием изучаемой проблемы: одна группа историков рассматривает с культурной точки зрения (как образовательные реформы 1860-1870-х гг. повлияли на культурное развитие Российской империи), другие – с общественной точки зрения (какие реформы Головнина стали причиной появления российских педагогов-новаторов), третьи – с бюрократической точки зрения (каково было устройство министерства народного просвещения и как реформы носили канцелярский характер), другие – с политической точки зрения, при которой исследователи изучают биографии известных деятелей, проводивших либеральные реформы той эпохи (Е.Л. Сталферова, М.В. Егорова, Л.А. Дашкевич, И.Е. Барыкина и др.).

Александр Васильевич Головнин (1821-1886 гг.) родился 25 марта 1821 г. в столице империи в семье вице-адмирала В.М. Головнина. Учился в Санкт-Петербургской гимназии, но в 1835 г. был перемещен в элитный Царскосельский лицей, из которого он выпустился 13 декабря 1839 г. с золотой медалью. Лицейские годы он считал лучшим периодом в своей жизни, ведь именно там формировалось его мировоззрение и концепция для будущих реформ в системе народного просвещения Российской империи Головнин обучался многим учебным дисциплинам (например, на IV-м курсе он изучал Закон Божий, английский, русский, латинский, французский и немецкий языки, историю, математику, нравственную философию, отрасли российского права

(государственное, гражданское и уголовное), политэкономия, статистику и дипломатическое искусство), по завершении курса которых сдавал экзамены, но при этом он отмечал «вредную энциклопедичность как следствие многопредметности и поверхность как следствие очевидного недостатка времени»¹. Несмотря на это, можно с точностью сказать, почему Головнин в будущем станет уважительно относиться не только к университетской среде (включая сюда и преподавателей, и студентов), но и к среде гимназий и реальных школ за счет изучения математики и политэкономии и народных школ за счет изучения Закона Божьего.

В январе 1840 г. Головнин поступил на службу в Собственную Его Императорского Величества канцелярию по управлению учебными и благотворительными заведениями, а с 1843 г. стал секретарем особенной канцелярии министра внутренних дел Л.А. Перовского. С 1848 г. Головнин состоял чиновником в структуре Главного морского штаба при светлейшем князе А.С. Меншикове, а с 1850 г. – секретарем при великом князе Константине Николаевиче в Морском ведомстве (причем продвижение Головнина шло параллельно с продвижением графа Д.А. Толстого – его будущего преемника по министерству народного просвещения): «Из канцелярии статс-секретаря Лонгинова граф Толстой перешел потом также в Министерство внутренних дел, а вскоре по переходе Головнина в Морское министерство и граф Толстой поступил в Морское министерство»². Последнему понравились энергичность и целеустремленность Головнина, поэтому он включил его в лагерь «либеральных бюрократов» (в нем были Н.А. Милютин, Ю.Ф. Самарин и др.), который, уже при императоре Александре II, разрабатывал крестьянские реформы. Головнин пользовался большим доверием со стороны председателя Русского географического общества великого князя Константина Николаевича, потому именно по его протекции император Александр II назначил Головнина на важнейший пост, связанный с системой образования в Российской империи. Это было вызвано недовольством студентов и

¹ Головнин А.В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 36.

² Там же. С. 47.

профессоров деятельностью министра народного просвещения Е.В. Путятина, который закрыл Санкт-Петербургский университет 22 сентября 1861 г. из-за нарастающих волнений молодежи. Для императора была очевидна некомпетентность пожилого министра и нежелание последнего проводить какие-либо либеральные реформы в сфере образования.

Для того, чтобы понять необходимость проведения либеральных реформ, стоит обратиться к западноевропейской истории. После того, как Великобритания стала державой-гегемоном в результате наполеоновских войн, она смогла контролировать межгосударственную систему в Европе под лозунгом «Ancien Regime», консервативной идеологии, проповедовавшейся австрийским канцлером Клеменсом Меттернихом, британским философом Эдмундом Берком и французским деятелем Жозефом де Местром, на протяжении тридцати лет. Однако доктринальный режим был разрушен революцией 1848 г., после которой Великобритании понадобилось создать новую идеологию. Ею стал центристский либерализм, являющийся политической абстракцией, характеризующейся нахождением на срединной позиции между консервативным лагерем, считавшим необходимым как можно больше умерить развитие, и радикальным лагерем, проповедовавшим тотальные и резкие изменения в обществе. Либерализм – это идея компромисса между двумя кардинально разными доктринами. Либералы имели большие политические и социально-экономические рычаги для развития не только общества, но и государства, так как могли брать от каждого лагеря те или иные идеи под «оберткой» свободы и конструировать некую легитимную модель отношений между народом и властью. Все эти меры должны были быть направлены на предотвращение появления новых революций. В Великобритании была эпоха господства Либеральной партии, ставшей у руля: реформы правительства Уильяма Гладстона (1868-1874 гг.) привели к легализации рабочих профсоюзов, сокращению срока военной службы, появлению начального образования для детей из необеспеченных низших слоев, к ограничению земельных прав лендлордов и т.д. Во Второй Французской империи была эпоха кабинета премьер-министра Эмиля Оливье, который проводил реформы в области административной децентрализации,

в области предоставления законодательной инициативы парламенту и т.д. В Российской империи были заметны такие же либеральные тенденции, по большей части реализовавшиеся либерально-чиновнической группировкой во главе с великим князем Константином Николаевичем.

В декабре 1861 г. Головнин был назначен на должность министра народного просвещения. Первые мероприятия Головнина были направлены на поднятие авторитета министерства: благодаря ему был удвоен государственный министерский бюджет, вместе с ним, сократив непроизводительные расходы, Головнин ликвидировал канцелярию министра и сосредоточил административную часть в преобразованном департаменте народного просвещения. Кроме того, он сделал всю деятельность министерства открытой и публичной¹: для широкой общественности в журналах, книгах и брошюрах печатались выдержки из отчетов попечителей учебных округов и ревизоров о состоянии училищ, проекты и мнения о них. Это было сделано для того, чтобы выйти на диалог с общественностью, а особенно, если это касалось составления уставов для учебных заведений. В результате, Головнин смог учесть многие критические предложения со стороны российских чиновников, профессоров и представителей интеллигенции в отношении уставов, издав их в виде трех книг «Замечания иностранных педагогов на проекты уставов учебных заведений Министерства народного просвещения»², «Замечания на проект общего устава императорских российских университетов» (в двух частях)³.

Вопросами по преобразованию университетской сферы занялась Комиссия при ученом комитете главного правления училищ Министерства (20 человек), во главе которой стоял либеральный профессор Санкт-Петербургского университета А.С. Воронов. Проект, подготовленный данной Комиссией,

¹ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Издание Министерства народного просвещения, 1902. С. 394–399.

² Замечания иностранных педагогов на проекты уставов учебных заведений Министерства народного просвещения. СПб., 1863.

³ Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. Ч. 1. 479 с. Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. Ч. 2.

получился радикально-либеральным, потому в декабре 1862 г. император издал указ о создании специальной комиссии, в которую входили чиновники либеральных взглядов для придания политического равновесия этому документу. В комиссию вошли: сам министр народного просвещения Головнин, П.А. Валуев, В.А. Долгоруков, М.А. Корф, Д.А. Милютин и П.К. Мейендорф. Комиссия «либеральных министров» откорректировала проект, сократив в основном объем автономии для университетов. После этого проект был передан на рассмотрение в Государственный совет, и, в конечном итоге, был одобрен и подписан императором Александром II.

18 июня 1863 г. был издан Университетский устав, который вводил университетское самоуправление и университетский суд над студентами, увеличивал количество кафедр и уровень заработной платы для профессоров¹: глава I посвящена перечислению факультетов, составляющих университет, особенностям соподчиненности его руководства; глава II раскрывает структуру факультетов, распределение научных дисциплин по факультетам и порядок работы факультетских собраний; глава III сообщает о принципах взаимодействия между университетами и попечителями учебного округа; главы IV, V и VI дают информацию о внутренних порядках университета: правилах избрания и полномочиях ректора, университетского совета, правления, канцелярии, проректора или инспектора и университетского суда; глава VII содержит характеристику «о преподавателях и лицах, состоящих при учебно-вспомогательных учреждениях университета» (включая работников при учебно-вспомогательных пособиях (то есть в кабинетах и музеях); глава VIII прописывает вопросы подготовки и обязанностей студентов, организации их приема в университет, а также график учебного процесса и оплату за учебу; глава IX выделяет порядок присуждения ученых степеней; глава X рассказывает об учреждениях ученых сообществ в университетах и о праве последних проводить конкурсы и выдавать премии студентам; глава XI знакомит с перечнем требований к обустройству кабинетов

¹ Высочайше утвержденный общий устав императорских российских университетов. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. 1866.Т. 38. № 39752. С. 621-638.

и аудиторий в университетах; глава XII регламентирует систему выдачи пенсий и пособий за работу в университетах¹. Кроме того, устав, имея явный бюрократический характер, большое внимание уделял финансовому аспекту деятельности университетов, так как из-за увеличения количества должностей и статей расходов, финансирование университетов со стороны Министерства требовалось расширить. При этом для Головнина важно было потратить «каждую копейку не в карман чиновникам», а непосредственно на само высшее учебное заведение.

При Головнине был также основан Новороссийский университет в Одессе в 1864 г. и издан особый устав для Дерптского университета. Несмотря на то, что цензура больше не находилась в компетенции министра народного просвещения, Головнин участвовал вместе с Министерством внутренних дел в разработке Нового закона о печати 1865 г.

19 ноября 1864 г. бы издан «Устав гимназий и прогимназий», согласно которому гимназии разделялись на классические и реальные с семилетним сроком обучения для всех представителей сословий и вне зависимости от вероисповедания, однако был один важный критерий, который не позволял детям из низших сословий поступать туда – это имущественный ценз. Дело в том, что обучение было платным, потому в гимназии поступали дети состоятельных семей. Это очень хорошо видно по статистическим данным: в 1874 г. дети дворян и чиновников, обучающихся в городских гимназиях, составляли 59%, а дети крестьян – 5%, в реальных гимназиях – 53% и 7% соответственно.

Политика министерства в 60-х гг. XIX в. заключалась в том, чтобы предоставить возможность крестьянам, которые в результате отмены крепостнической системы 19 февраля 1861 г. обрели относительную свободу от помещичьей власти, получать образование, чтобы продвигаться по социальной лестнице Российской империи. В связи с этим, возникла потребность в реформировании системы народных училищ – в первую очередь, это унификация всех начальных учебных заведений и подчинение их Министерству народного просвещения. 14 июня 1864 г. было

¹ Высочайше утвержденные 18 июня 1863 года штаты императорских российских университетов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. 1866. Т. 38. № 39752. С. 118–120 (3-я паг.).

утверждено «Положение о начальных народных училищах»¹, по которому в училища теперь стали принимать детей всех сословий и всех вероисповеданий, а преподавание велось только на русском языке, в рамках нравственно-религиозных убеждений и в целях распространения первоначальных полезных знаний. Земским обществам было разрешено открывать сельские и воскресные школы и совместные школы для мальчиков и девочек (только при острой необходимости). Особое внимание уделялось Закону Божьему, утвержденным епархиальным начальством и приходским священником, при этом за духовно-нравственным состоянием детей поручалось смотреть приходскому священнику. Воскресные школы представляли особый тип учебных заведений низшей ступени – преподавателями в них были студенты или учителя из гимназий, а учащимися становились люди, обладавшие элементарной грамотой и пришедшие сюда с целью расширения знаний². Увеличение как воскресных, так и начальных школ показывает стремление народа к получению образования.

В конечном итоге, невзирая на успешные образовательные проекты, через 10 дней после попытки цареубийства 4 апреля 1866 г., совершенной студентом и террористом-народовольцем Д.В. Каракозовым, Головнин был отправлен в отставку. Он в своем письме к попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову изложил официальную версию своего увольнения с должности, а именно: «для введения полного единства действий между учебным ведомством и духовным управлением»³. Для императора после такого инцидента теперь было важно остановить либеральные изменения и «законсервировать» проделанную работу, соединив учебное ведомство с духовным управлением в лице обер-прокурора графа Д.А. Толстого.

¹ Высочайше утвержденное Положение о начальных народных училищах от 14 июля 1864 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1876. Т. 3. С. 1342-1350.

² О пересмотре правил о воскресных школах и о временном закрытии всех существующих школ этого рода и читален: Высочайшее повеление от 10 июня 1862 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1876. Т. 3. С. 865.

³ Шестаков П.Д. Граф Дмитрий Андреевич Толстой как министр народного просвещения. 1866-1880 // Русская старина. 1891. Т. 69. С. 392.

**РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ
В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ
В НАЧАЛЕ XX в.**

XV МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Международной научной конференции
6-7 октября 2023 г., г. Орел

*Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора Д.В. Аронова*

ООО Издательский Дом «ОРЛИК»
(«Орловская литература и книгоиздательство»)
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48.
E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru
Подписано в печать 24.11.2023. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18. Тираж 200 экз. Заказ № 76.
Отпечатано ООО «Типография «Вариант»,
г. Орел, ул. 3-я Курская, 20 www.variant-orel.ru